

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

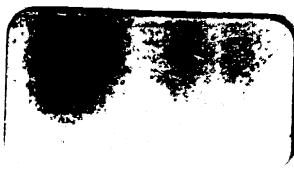
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

36-79

КЪ ВОПРОСУ
О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ
СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

ОСНОВНАЯ
ВОКАЛИЗАЦІЯ,

ПЛАВНЫХЪ СОЧЕТАНІЙ: КОНС. + л, р + ж — ь + КОНС.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
КОЧУБИНСКИИ
А. КОЧУБИНСКАГО,

доцента императорскаго новорос. университета, непрямьнаго члена императ. общества любителей
естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ.

Изъ XXIII т. Записокъ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

ОДЕССА,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИП. УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.
1877.

3282.100

✓

Печатано по опредѣленію совѣта императорскаго новороссійскаго
университета. Ректоръ *Θ. Леонтовичъ.*

ИМПЕРАТОРСКОМУ ОБЩЕСТВУ

ЛЮБИТЕЛЕЙ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

въ знакъ признательности

сочинитель.

17000

КЪ ВОПРОСУ

О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

СЛАВЯНСКИХЪ НАРЪЧІЙ.

ОСНОВНАЯ ВОКАЛИЗАЦІЯ

ПЛАВНЫХЪ СОЧЕТАНІЙ: КОНС. + л, р + з — ь + КОНС.

«Ἔστι δὲ καὶ μίᾳ ἑκατέρως φωνῇ».
Proc. Saev. «De bel. got» III. 14.

«Разеть русскіе не суть кров-
ныя дѣти знаменитыхъ сла-
вянъ, искони обитателей стра-
ны, досель ихъ носящей и
питающей». Каченовскій.
«Вѣстникъ Европы». 1830. I.
46.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Результатъ моихъ нѣскольколѣтнихъ работъ въ области историческаго изученія славянскихъ языковъ, результатъ моихъ разновременныхъ шатаній межъ славянъ, предлагаю я на судъ людей, интересующихся судьбами славянскаго міра, въ моемъ настоящемъ изслѣдованіи.

Изслѣдованіе это — этнографическій очеркъ членовъ нашей славянской семьи со стороны языка.

Переводя свои работы въ область лингвистическихъ занятій, я былъ убѣжденія, что въ нихъ едино правый путь для пониманія кардинальныхъ вопросовъ исторической жизни данной исторической особи.

Если справедливо, что ни форма черепа, ни растительность волосъ, ни цвѣтъ кожи не образуютъ

еще людей или народъ — его образуетъ языкъ и жизнь; что чѣмъ меньшее значеніе получаетъ зоологическое описаніе, тѣмъ большее выпадаетъ на долю языка и исторіи — вспомнимъ хоть признаки, входящія въ этнографическое понятіе мадьяра: то столь же справедливо, что изъ двухъ факторовъ — языка и жизни, первый есть рѣшающій, основной. Языкъ сплочаетъ людей, какъ животныхъ индивидуумовъ, въ одну этнографическую особь, которую мы называемъ народомъ.

Смѣю думать, что и мои лингвистическіе этюды не безъ пользы и для историческаго знанія. Этнографія лингвистическая предшествуетъ исторіи.

Вопросъ о родствѣ членовъ славянской семьи, точнѣе, вопросъ о пониманіи этого родства, безспорно, кардинальный въ наукѣ славяновѣдѣнія, въ одно и тоже время и весьма старый, и весьма новый. Позади его уже цѣлое столѣтіе, а подвинулся онъ на шагъ. Если, послѣ моего изслѣдованія, можно будетъ сказать — онъ подвинулся на два — я достигъ своей цѣли.

Я остановился на явленіи или рядѣ явленій, которыя при всякой попыткѣ къ уясненію отмѣченнаго выше вопроса были въ тѣни: я разумѣю здѣсь плавныя сочетанія лз, рз межъ консонантовъ, и съ точки зрѣнія ихъ я старался уяснить понятіе родства языковъ, или, точнѣе, нарѣчій славянской семьи. Правда, точка эта не впервые мною употреблена въ дѣло — она уже въ трудахъ Максимовича, Пфуля, Потевни, Матценауера, Гейтлера, Шмидта: но при недостаточно полномъ собраніи матеріала изъ исторической жизни славянскихъ языковъ, которая опредѣляется пространствомъ отъ 8 до 9 вѣковъ, и діалекто-

логіи, эта точка не была достаточно выяснена и освѣщена. Восполнить это — цѣль моего труда.

Какъ необходимое вступленіе — очеркъ шатающагося положенія вопроса о размѣщеніи вообще членовъ аріоевропейской семьи, въ которой не на послѣднемъ мѣстѣ славянскіе языки, и критика основъ ходячей систематизаціи этихъ языковъ. Какъ часть общаго, лингвистика славянская жила и живетъ въ тѣсной связи съ общимъ языкознаніемъ.

Методъ мой, естественно, сравнительно-историческій.

Быть возможно полнымъ и краткимъ — правило, которому я слѣдовалъ. Отсюда всѣ медкія выкладки только отмѣчены; процесса самага я обычно избѣгалъ.

Прійдя къ нѣкоторымъ результатамъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ общепринятыми воззрѣніями, я обязанъ прежде всего тому, что я подбиралъ и собиралъ во-едино крупіцы, падавшія со стола господей моихъ. Я повторялъ слова М. Бреая: «*en réunissant en un faisceau tous les idiomes de même famille on peut les compléter l'un par l'autre et expliquer la plupart des faits que les grammaires spéciales en registrent sans les comprendre*». («*Grammaire comparée des langues indo-européennes par Fr. Vopp*». t. I. introduction XL).

Согрѣшилъ бы, если бы въ заключеніе позабылъ о тѣхъ, которые были охочими помощниками въ моихъ занятяхъ: о грекоунитскомъ крилошанинѣ, Ант. Степ. Петрушевичѣ, во Львовѣ; гг. Патерѣ, Вѣртяткѣ, Небескомѣ, Эмлерѣ, членахъ «Музея королевства чешскаго», и Цейлерѣ, бібліотекарѣ имп. кор. университета, въ Прагѣ; свящ. Горникѣ и Смолярѣ, въ Буды-

шинѣ; проф. Ягичѣ, въ Берлинѣ; Ад. Ив. Добрянскомѣ,
въ Чертыжномѣ (земплин. ком. въ Венгрии); Ст. Но-
ваковичѣ, Даничичѣ, Я. Шафарикѣ (†), въ Бѣлградѣ;
кан. Ф. Рачкомѣ, Матковичѣ и Ганелѣ, въ Загребѣ,—
«ať jim ráh bŭh zaplatí.»

А. К.

Прага — Одесса.
8/20 авг. 1876 — 8 севр. 1877.

Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій.

ОСНОВНАЯ ВОКАЛИЗАЦІЯ

главныхъ сочетаній: коно. + л,р + ж — ѡ + коно.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

ГЛАВА I.

Размѣщеніе членовъ арійской семьи.

Если не въ той мѣрѣ, какъ классификація человѣка и его рѣчи — морфологическая система довольствуется тремя группами, генеалогическая (матеріальная) требуетъ признанія (приблизительно) ста разрядовъ человѣка и его рѣчи ¹⁾; то тѣмъ не менѣе, и каждая частная классификація — вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ языковъ въ семьѣ, насчитывающей въ средѣ своей извѣстное значительное число членовъ — оторванныхъ-ли когда-то другъ отъ друга и разнесенныхъ по лицу земли, или образовавшихся

¹⁾ Критика морфологическихъ теорій — отъ Шлегеля до М. Миллера — и проектъ генеалогической классификаціи, упускающей изъ виду особенное положеніе рѣчи дикарей, могущей въ теченіе немногихъ поколѣній измѣниться почти до неузнаваемости — въ книгѣ Фр. Миллера «Grundriss der Sprachwissenschaft» I (Wien. 1875). 63 — 77. 82 — 98.

въ первоначальной семейной связи, вопросъ этотъ — одинъ изъ самыхъ сложныхъ и темныхъ вопросовъ науки объ языкъ—языкознанія.

Не мала по численности своихъ членовъ наша семья—семья индо-европейскихъ народовъ, и вопросъ объ отношеніяхъ членовъ ея между собой — доселѣ еще открытый въ наукѣ, не смотря на то, что рѣшеніе его имѣетъ свою уже длинную исторію: она идетъ съ перваго основанія сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ.

Для знаменитаго основателя сравнительной грамматики основой опредѣленія взаимныхъ отношеній языковъ нашей семьи была тѣснѣйшая связь группъ: литовско-славянской и арійской (зэндо-персо-санскритъ) ¹⁾. Обстоятельнѣе и полнѣе ту же мысль развилъ Кунъ: онъ особенно напиралъ на близость въ мѣстоименіи: *того* = санскр. *tasja*, инд. *tahé*; *азъ* = с. *ahan*, з. *azem*; *мене, тебе* = з. *mana, tava* и др. ²⁾. Но указанія Боппа, Куна не нашли сочувственной встрѣчи, не смотря на всю вѣсковость ихъ: они не соответствовали поэтическому направленію новой науки, лучшимъ выразителемъ котораго была книга Пикте «*Les origines indo-européennes*», въ которой на основаніи немногихъ данныхъ создавалась цѣлая жизнь праотцевъ нашей семьи, и мысли Боппа, Куна безъ труда заглушила блестящая, быстро рѣшившая столь темный вопросъ, какъ вопросъ объ взаимныхъ отношеніяхъ языковъ нашей семьи, теорія А. Шлейхера — Шлейхерово родословное древо. Древо ясно и просто указало, гдѣ, кто чья мать, отецъ; ходъ доисторической исторіи нашего племени являлся какъ на ладони, и древо — чрезъ нѣсколько лѣтъ по своему появ-

¹⁾ Bopp «*Vergleichende Grammatik*». 3 изд. I. § 11, 14, 88, особенно 21, гдѣ: «*Die lettischen und slavischen Sprachen, welche länger als die klassischen, germanischen und keltischen mit dem Sanscrit vereinigt geblieben sind...*» Ср. прим. стр. 39. Боппъ былъ этого взгляда уже при первомъ изданіи своей книги — въ 1835 году. Основной мотивъ—судьба звука *k*: одна у аrio-славянъ (*c, s*), иная у остальныхъ (*k, p*).

²⁾ «Къ древнѣйшей исторіи индо-европейскихъ народовъ» въ «*Indischen Studien*» Вебера. I.

леніи, сдѣлалось ходячей, обыденной «истиной», перейдя даже въ учебники для школьниковъ ¹⁾. По древу, литво-славяне и нѣмцы одного рода-племени; наоборотъ, межъ славянами и арійцами родство, какъ говорить русская поговорка—десятая вода на киселѣ.

Но въ дѣйствительности, мотивы, указанные Шлейхеромъ, далеко не такого рѣшительнаго характера, чтобы сразу подорвать значеніе доводовъ, приводимыхъ Бошпомъ и Куномъ въ доказательство ближайшаго родства литво-славянъ и арійцевъ и болѣе далекаго — литво-славянъ и нѣмцевъ: заманчивость цѣльности системы дала мыслямъ Шлейхера общее легкое распространеніе. Мѣня *a* на *i* (*трѣдѣ*, но лит. *trédzu*, сѣв.-нѣм. *drīta*) знакома не однимъ нѣмцамъ и славянамъ, — напр. въ греческомъ и латинскомъ языкахъ (*μυλα*, лит. *lėnkti*, лат. *linguier*; *χελιδών* — *hirundo*). Тоже справедливо и относительно вокализациі носовыхъ (скр. *santi* = рс. *суть*). Измѣненіе первоначальнаго *bn* на *m* въ склоненіи именномъ (лит. *sunumīs* ви. * *sunubhis*)—кульминаціонный пунктъ въ доводахъ Шлейхера — не позволяетъ еще заключать объ абсолютной необходимости нѣмецко-славянскаго единства ²⁾. Мѣня *m*—*n*, вставка *t* между *con*s. и *r* (*строуа*, *√sru*) — явленія обычныя и вѣдѣ сферы нѣмецко-славянскихъ языковъ. Потеря аугмента, аблатива не ограничивается нѣмецкими и славянскими языками; различеніе въ *adj.* т. н. *опредѣленной* и *неопредѣленной* формъ — есть сходство синтаксическое, такъ какъ способы образованія славянской формы: осн. + *ъ*, *ь* + *и* и

¹⁾ Теорія Шлейхера въ «Beiträge zur vergl. Sprachforsch.» I, «Compendium» и въ русскихъ брошюрахъ.

²⁾ Исключения могла бытовать и форма *bhis*. и *mis*. (G. Meyer «Zur Geschichte der indogermanischen Stammbildung». 1875. 3.) Впрочемъ, даже для I. Шмидта, о которомъ ниже, согласіе нѣмецкаго и славянскаго консонантизма въ измѣненіи *hh* на *m* — фактъ первой важности («Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen» ³⁾). О возможности совѣстнаго бытованія двухъ и вообще нѣсколькихъ формъ первоначально одного явленія въ праязыкѣ—см. критику приемовъ школы Шлейхера франц. лингвиста Мишеля Бреала «Langue indo-européenne» въ «Journal des Savants». 1876 oct. 633 и сл.

нѣмецкой «слабой»: осн. $\div n$ (изъ *an*) не имѣютъ ничего общаго ¹⁾. Напротивъ, славянскій (литовскій) способъ находить вполне сочувственный отзывъ въ зендѣ — въ т. наз. *kesra descriptionis*: «*khar-em jim ašavanem*» (ас. s.) = слав. *свѣтъ* \div и *осель*.

Позднѣе, теорія Шлейхера подверглась видоизмѣненію въ томъ смыслѣ, что, сохранивши обоихъ Шлейхеровыхъ прародителей, Лотнеръ и Фикъ размѣстили ихъ иначе: одного исключительно для Азій, другаго исключительно для Европы, тогда какъ у Шлейхера азіатскій прародитель захватывалъ и большую часть языковъ Европы ²⁾.

Среди общаго господства взглядовъ Шлейхера на доисторическую жизнь индо-европейскаго племени, одинъ старый Поттъ поддерживалъ мысли основателя сравнительной грамматики ³⁾, пока

¹⁾ Schmidt «Die Verwandtschaftsverhältnisse». 5. Образование нѣмецкой определенной формы — посредствомъ сужиска *an* (= *en* лицо дѣйствующее) обстоятельно изложено у Herm. Osthoff'a «Forschungen im Gebiete der indogerm. nominalen Stammbildung» 2 часть—«Zur Geschichte des schwachen deutschen adjectivums» - Iena 1876. p. 119.121.

²⁾ Первый высказывалъ мысль объ общемъ европейскомъ прародителѣ—Lottner въ «Zeitschrift für vergl. Sprachfor.» Kuhn'a (1858). Яснѣе—G. Curtius на основаніи судьбы *a* въ языкахъ Европы (= *o. e*)—«Über die Spaltung des A-lantes im griechischen und lateinischen» въ «Berichte über die Verhandlungen d. k. Sächs Gesel. d. Wiss. zu Leipzig. Phil.—hist. Classe.» XVI 1864 p. 9—42. Но мысль эту можно доказать съ натяжками, ибо самъ Курціусъ указываетъ, что въ зендѣ *a* = *e, o* (p. 9). слѣд. нѣтъ *однообразія* и въ Азій. Обстоятельное развитіе таже мысль Фикомъ въ его полемическомъ сочиненіи: «Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europa's.» 1873. По новой схемѣ родословнаго древа составилъ Фикъ и свои словари праязыковъ — «Vergleichende Wörterbücher der indogerm. Sprachen sprachgeschichtlich (!) angeordnet» 3 тома — *mutatis mutandis*. иллюстрація къ «Compendium» у Шлейхера. Матеріалъ полезный. О приемѣхъ-же Фика, механическихъ, Curtius замѣтилъ справедливо: «Фикъ слишкомъ смѣлъ и многіе его выводы слишкомъ воздушны» — «Grundzüge d. Griech. Etym.» 4. p. 59. 61 прим. О томъ, съ какою осторожностью можно и должно пользоваться индукціей при реституціи древнѣйшаго неизвѣстнаго языка изъ болѣе новыхъ его отпрысковъ — см. критику приемовъ Шлейхера—Фика, школы «безграничной свободы», у Бреаля: «Langue indo-européene» (ср. выше).

³⁾ См. его «Wurzelwörterbuch d. indgrm. Sprachen». 1867. I. 10: «славянскіе языки могутъ заключать въ себѣ черты весьма тѣсной связи съ азіатскими вѣтвями нашего племени — что не идетъ въ разладъ съ географичес-

наконецъ ученію Шлейхера не нашло обстоятельнаго, и энергическаго протеста со стороны даровитѣйшаго изъ его учениковъ—Иоанна Шмидта. Я разумею здѣсь его небольшое, но блестящее по своей документальности сочиненіе—«О родственныхъ отношеніяхъ индо-европейскихъ языковъ», о которомъ мы уже упоминали выше.

«Славяне съ литовцами одинаково близки и къ нѣмцамъ, и къ арійцамъ Азіи» — таковъ основной выводъ, къ которому пришелъ Шмидтъ, сдѣлавши сравнительную провѣрку доводамъ старшихъ учителей нашей науки — Вопша, Куна, Потта, и ихъ противниковъ — Шлейхера и его школы. Пригодное у Шлейхера объ отношеніяхъ славянъ и нѣмцевъ Шмидтъ сохранилъ и у себя; старія указанія Вопша, Куна, Потта о необходимо долгомъ и тѣсномъ общеніи славянъ и арійцевъ сведены въ одну связную и ясную картину. Отъ себя Шмидтъ прибавилъ доказательства, взятыя изъ словаря — сравнилъ матеріально съ одной стороны языка литовско-славянскіе и нѣмецкіе, съ другой тѣже и арійскіе, отдѣльно литовско-славянскіе, отдѣльно нѣмецкіе. Прибѣгая свой основной выводъ къ вопросу о самомъ генезисѣ многочисленныхъ языковъ нашей семьи, Шмидтъ, вмѣсто того чтобы одни языки соединять въ насильственномъ бракѣ, другіе, соединяемые самой природой, также немилостиво разъединять, въ географическомъ размѣщеніи ихъ указалъ готовый, даваемый самой природой образъ ихъ родственныхъ отношеній: природа не знаетъ рѣзкихъ демаркаціонныхъ линій между территоріями народовъ, строго очерченныхъ областей; также точно природа не знаетъ строгихъ разграниченій между языками-сосѣдами. Одинъ типъ языка незамѣтно переходитъ въ другой чрезъ рядъ посредствующихъ членовъ; но въ исторической борьбѣ многіе посредствующіе члены погибли — здѣсь-то причина нерѣднаго несходства двухъ близкихъ географически типовъ въ *настоящую минуту*. «Славяне съ литовцами ни арійцы, ни европейцы. Какъ Европо

кивъ положеніемъ ихъ — черты, которыя указываютъ на болѣе позднее отдѣленіе славянъ отъ арійцевъ». Основанія тѣже, что у Вопша: с. *lita* = з. *lita*, сл. *litta*; с. *čatur* = *четыре*.

— Азія географически не знаетъ границы: такъ точно исчезаетъ строго проводимая пограничная линія между европейцами и арійцами¹⁾.

Такимъ образомъ, на мѣсто субъективныхъ идей и поспѣшныхъ, страстныхъ выводовъ Шлейхера, Шмидтъ поставилъ болѣе объективный и всесторонній разборъ реальныхъ фактовъ, такъ, какъ ихъ знаетъ дѣйствительность, и послѣдній выводъ этого анализа — невозможность родословнаго древа, предложеннаго Шлейхеромъ: нѣтъ отцовъ-языковъ, нѣтъ дѣтей-языковъ.

Понятно, ясная и остроумная критика Шмидта — качества, признаваемые самими противниками (ср. *L. Meyer «Götting. gelehr. Anzeigen»* 1873. I. 184), встрѣчена была озлобленными нападками со стороны приверженцевъ школы Шлейхера, — сочувствіемъ со стороны людей безпристрастной науки — лучший знакъ, что цѣль была достигнута — поколебать «истину» родословнаго древа.

Но иной вопросъ, можно-ли согласиться со взглядомъ Шмидта о безразличномъ отношеніи славяно-литовскихъ языковъ къ языкамъ нѣмецкой и арійской группъ.

Сравнительная оцѣнка доводовъ славяно-нѣмецкой близости съ одной стороны и славяно-арійской съ другой, показываетъ, что доводы одни и доводы другіе — явленія не одинаковой величины. Близость славянъ и арійцевъ ясна до очевидности, о-

¹⁾ «Die Verwandtschaftsverhältnisse» 18. Здѣсь разобрано учение Шлейхера, и предложены доводы въ пользу системы автора. Въ послѣднемъ сочиненіи «Zur Geschichte des indogerm. Vocalismus» I Abth. (Weimar. 1875). Шмидтъ собралъ новыя данныя въ подтвержденіе своей теоріи. Стр. 302: «въ образованіи сварабанти (этимъ именемъ Шмидтъ называетъ вокаль паразитъ, развивающійся самостоятельно при *r, l*) старобактрійскій яз. болѣе всего приближается къ праславянскому, или, чтобы оставаться внутри историческаго изложенія, старорусскому, превосходя послѣдній въ развитіи вокализма позади конечнаго и впереди начальнаго *r*». Стр. 298: «старобактрійскій поднятъ призвукъ при *r* на степень полнаго вокала съ тою же правильною, какъ и славянскій. Ничего подобнаго не представляютъ другіе языки — фактъ, который при опредѣленіи родственныхъ отношеній языковъ нашей семьи не долженъ быть упускаемъ изъ виду и вполне согласуется съ моимъ выводомъ о положеніи славянскихъ языковъ къ еранскимъ».

связательна: вспомнимъ только судьбу основныхъ звуковъ *k*¹⁾, *g*, *gh*, *kesra* descriptionis, *dvanda-compositum*— всѣ эти доводы и осязательны, и вѣски. Но въ рядѣ ли какое либо изъ этихъ качествъ приложимо къ тѣмъ основаніямъ, которыя вынуждаютъ Шмидта признать и въ отношеніяхъ между языками славянской (литво) и нѣмецкой семей ту же славяно-арійскую близость. Т. е. литво-славяне не одинаково близки къ арійцамъ и нѣмцамъ: въ ихъ отношеніяхъ къ однимъ и другимъ есть существенная разница. Они дѣйствительно близки къ арійцамъ: къ своимъ же сосѣдямъ на западъ они не болѣе близки, чѣмъ къ сосѣдямъ на югъ — грекамъ или италійцамъ — близки по общности происхожденія. Но для Шмидта этой разницы нѣтъ; для него отношенія литво-славянъ къ арійцамъ тѣ же, что и отношенія къ нѣмцамъ: «должны ли мы — спрашиваетъ онъ — славяно-литовскій языкъ тѣснѣе связывать съ арійской вѣтвью, чѣмъ съ нѣмецкой? Отнодіе нѣтъ — въ виду измѣненія *bh* на *m* въ деκлинаціи, относящаго

¹⁾ Значеніе одинаковаго измѣненія нач. *k* въ санскритѣ, зендѣ, славянскомъ и литовскомъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ членовъ нашей семьи рѣшающее — по словамъ самихъ противниковъ теоріи Шмидта. Сила доказательства этого дѣйствительнаго звуковаго соглашенія (с. в. *çata*, лит. *szimtas*, сл. *сто*; с. в. *daçam*, л. *dészimta*, сл. *десять*; но гр. *ἑκατόν*, лат. *centum*; гр. *δέκα*, л. *deset* и др.) настолько значительна, что оно предполагаетъ одновременно наступившее измѣненіе голосоваго органа, которое наступаетъ и получаетъ силу лишь въ органически соединенныхъ народностяхъ». (Fick «Die ehemalige Sprach einheit» 3) Ясно, чтобы спасти подрываемую теорію Шлейхера — родословное древо — защитники ея должны были употребить всѣ усилія, чтобы такъ или иначе ослабить указанную гармонію между литовско-славянскими и арійскими языками. Дѣйствительно, Фикъ старается показать, что всѣ языки, знающіе *k*, какъ противень славяно-арійскому *ç*—*s*, различаютъ, и строго, двойное *k*: *k* никогда не мѣняющееся — когда оно соотвѣтствуетъ славян. *c*, и переменное, когда и въ слав. тоже *k*; слѣд. двойное *k* должно принадлежать уже праязыку индо-европейскому (*πός* — *quis*, *кѣто*), а не есть результатъ отдѣльной совместной жизни литвы, славянъ и арійцевъ. Но этимъ Фикъ только поддержалъ Шмидта: хотя у всѣхъ было двойное *k*, но только славяне и арійцы перевели *k* въ палатальный и язычный звуки, тогда какъ остальные остались при *k*—звукѣ. Если одна судьба *k* у славянъ и арійцевъ, то это обстоятельство столько же ихъ единитъ въ одну семью, сколько отличаетъ отъ другихъ. Курциусъ, естественно, соглашается съ Фикомъ. («Zur Chronologie der indogerm. Sprachforschung». 2-е изд. 30 пр. 19).

славянскій языкъ къ нѣмецкому, гармоніи въ числѣ *тысяча* и другихъ чертъ, извѣстныхъ только славянской и нѣмецкой вѣтвямъ»¹⁾. Очевидно, безъ натяжки, нельзя отождествлять двухъ столь различныхъ отношеній, какъ отношенія славянъ къ арійцамъ Азіи и славянъ къ нѣмцамъ: *k, g, gh* и *bh—m*.

Но эти отождествленія необходимы Шмидту, чтобы и въ данномъ частномъ случаѣ — на взаимныхъ отношеніяхъ языковъ арійцевъ, славянъ и нѣмцевъ — трехъ географическихъ сосѣдей — оправдать тотъ процессъ постепеннаго образованія языковъ нашей семьи, который предложенъ авторомъ: языки нашей семьи, что звенья въ цѣпи; каждое звено одинаково близко къ своему сосѣду на-лѣво и на-право — естественный переходъ между каждыми двумя сосѣдами. Но дѣло въ томъ, что самъ Шмидтъ настаиваетъ, что многія посредствующія звенья-нарѣчія безслѣдно гибнутъ въ борьбѣ за образованіе языка — почему же не допустить, что эта борьба была упорнѣе на-лѣво отъ славянъ — къ западу, чѣмъ на-право — къ востоку? Впрочемъ, неравенство отношеній славянъ-арійцевъ и славянъ-нѣмцевъ долженъ былъ признать и самъ Шмидтъ въ своемъ новѣйшемъ трудѣ: «Къ исторіи индо-европейскаго вокализма» (2-й т.), говоря, что въ вокализации при плавномъ *r*, — санскритскому напр. *r̥irva* (изъ *parva*) отвѣчаетъ въ староперсидскомъ форма *pariva* — на одинъ вокаль, слогъ больше — отношеніе, что между общерус. *поля* и нарѣчнымъ *полона* (ср. кашубско-полабско-албанскоболгарское *gard—gord* и русск. *города*)²⁾ — еранскіе языки (староперсид., зендъ) представляютъ столь *разительное* сходство съ славянскими, что *ничего подобнаго* не могутъ указать никакіе другіе языки (см. выше стр. 6 прим. 1).

Оставивъ въ сторонѣ мысли Шмидта объ образованіи исто-

¹⁾ «Verhältnisse». 16.

²⁾ О сочетаніи *ar* на мѣстѣ русск. *оро* у болгаръ нѣкогда въ Албаніи см. указанія пок. Гильеердинга въ приложеніи къ его изслѣдованію объ исторіи болгаръ — «Старинными поселенія славянъ на греческой землѣ». Собр. сочиненій I. 283 пр. 2. 286 пр. 2.

рическихъ языковъ и приведа на память его наблюденія надъ фактическимъ взаимоотношеніемъ языковъ индо-европейской семьи, въ частности—языковъ славяно-литовскихъ, нѣмецкихъ и арійскихъ, и общіе выводы, пошедшіе отсюда, мы видимъ, что если Шмидтъ распаталъ родословное древо Шлейхера, то главнымъ образомъ благодаря тому, что снова ввелъ въ дѣло тѣ классическія указанія, которыя уже слишкомъ 40 лѣтъ назадъ сдѣланы были Боппомъ, т. е. пришелъ къ старому результату основателя сравнительной грамматики: славяне съ литовцами и собственно арійцы (персы, зендъ) всегда были близки другъ къ другу языкомъ—происхожденіемъ.

Этотъ легкій очеркъ изъ исторіи рѣшенія вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ языковъ индо-европейской семьи и въ частности—языковъ аrio-славяно-нѣмецкой группы—можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ мысли, высказанной нами въ началѣ, что связь членовъ нашей семьи, ихъ взаимныя отношенія, въ наукѣ сравнительной грамматики—вопросъ не порѣшенный. «Родословное древо Шлейхера стоитъ на твердой почвѣ, во всѣхъ его деталяхъ; оно не потрясено нивѣмъ»—говорятъ и въ настоящую минуту съ гордостью, въ укоръ Шмидту, приверженцы Шлейхеровой школы¹⁾: «сторонники теоріи индо-европейскаго родословнаго

¹⁾ Jolly «Zeitschrift für Völkerpsychologie» VIII 21: «nicht nur den Dogmatismus will Schmidt bekämpfen, mit welchem sein Lehrer Schleicher den Stammbaum unserer Sprachfamilie bis ins Einzelne hinein festgestellt hatte...»; *ib.* 193: hält Whitney die herrschende Stammbaumtheorie ebenso wenig durch den von M. Müller darauf gerichteten Angriff für erschüttert. При появленіи въ свѣтъ книги Фика «О быломъ единствѣ языковъ Европы»—отвѣтъ на атаку Шмидта противъ «истины» Шлейхера—въ лагерь шлейхерианцевъ раздалась клика победы (см. привѣтъ Фикю въ «Zeitschrift für deutsche Philologie» V. 1874 p. 354); но о книгѣ Фика была рѣчь выше; жестокому анализу основанія Фика въ пользу европейскаго единства подверглись въ только что появившейся статьѣ I. Шмидта: «Что доказываетъ европейское « для принятія единого европейскаго праязыка?» въ Куновомъ «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung» XXIII (1876) 4. p. 333 — 375. Оказывается по счету Шмидта, что греч. сохранилъ 11 словъ основнаго *a*, нѣмецкій — 4 (p. 342) — гармонія нѣтъ; да и самый звукъ *e* есть ничто иное, какъ приближительный выравитель многихъ соприкасающихся звуковъ (напр. *ea*, *ae* и т. д.), въ разныхъ языкахъ разныхъ — Фиково согласіе есть миевъ. Ранѣе,

древа кривляются такъ, какъ будто теорія эта была аксіомой, которую печего доказывать» отвѣчаетъ имъ Шмидтъ, въ защиту

но сдержаннѣ Jolly, повторяя Л. Мейеръ, что всякое дѣйствительное родство покоится на Stammbaum'ѣ, прибавля, что родство языковъ нашей семьи — одинъ изъ самыхъ видныхъ фактовъ сравнительной грамматики («Götting. gel. Anz.», 1873 I. 173), какъ будто Боппъ — Шмидтъ ставятъ подъ сомнѣние самый фактъ родства языковъ аrio-европейскихъ. Замѣчательно, что даже весьма скептической америк. лингвистъ, Whitney, отрицающій напр. за Азіей значеніе колыбельи нашей семьи, вѣруеть древу Шлейхеру см. «Language and the study of language» 3 изд. 203. ср. *сложе* «Leben und Wachstum der Sprache».—XX томъ «Internationale wissenschaftliche Bibliothek». Leipz. 1876 182: «einen solchen grossen Zusammenhang in verschiedenen Graden verwandter Sprachen pflegt man einen Sprachstamm zu nennen»; но выраженіе «in verschiedenen Graden» понимать въ смыслѣ Шлейхера? ср. *ib* 192: «die slawische Abtheilung lag immer in engster Nachbarschaft östlich von der germanischen»,—рѣшительнѣ *ib* 204: «что касается большей или меньшей взаимности отдѣльныхъ членовъ нашей семьи, то вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ первые языковѣды пришли къ мысли, что отдѣленіе пяти европейскіихъ членовъ другъ отъ друга должно было наступить позже, чѣмъ отдѣленіе ихъ отъ обоеихъ азиатскіихъ, которые въ свою очередь почти въ началѣ историческаго періода составляли одинъ народъ... Внутри великой европейской семьи германскій и славянскій члены разсматриваются почти *вслми*, какъ самые близкіе родичи...» Возраженія Шмидта противъ Шлейхера Витней готовъ объяснять ребяческимъ желаніемъ автора сказать что-нибудь новое («Zeitschr. f. Völkerpsych.» VIII 192). Мы видѣли, что историческія возрѣнія Шмидта весьма стары.

Для исторіи науки и вопроса не безынтересенъ фактъ, что въ то время какъ славяно-литовская семья пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе широкое значеніе въ наукѣ—въ теоріи Шмидта она съ рѣшающимъ значеніемъ: одинъ изъ самыхъ яростныхъ противниковъ Шмидта—Jolly болѣе чѣмъ слабъ въ славянскіихъ языкахъ, а творецъ невозможныхъ «праязыковъ», Фикъ, много если умѣетъ разбирать кириловскій шриетъ, что не мѣшаетъ ему однако создавать для славянскіихъ нарѣчій ихъ «праформы». Какимъ путемъ? Очень просто — механически—по указаніямъ спеціально литовскаго языка. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, его выводы согласны съ дѣйствительностью: Фикъ попадаетъ, но случайно. Но Jolly не только слабъ in slaviciis — онъ презираетъ ихъ и свое усомнѣнство прикрываетъ наукой — выводами науки: «das Slawische viel zu abgeschliffen und unursprünglich ist» восклицаетъ Jolly въ своей безобразной «преддѣлкѣ для нѣмецкой публики» труда Витней—«Language etc.» — «Die Sprachwissenschaft. W. D. Whitney's Vorlesungen über die Principien der vergleichenden Sprachforschung für d. dest. publicum bearbeitet.» (München 1874) 319, влагая эти слова отъ себя иначе думающему Витнею. О «первобытности» слав. нарѣчій ср. сочиненіи—Алфр. Людвигъ—«Infinitiv im Veda» (1871), «Agglutination» (1874) и нашего юнаго, но извѣстнаго санскритолога, Вс. Ф. Миллера, въ журналѣ Куна «Beiträge z. vergl. Sprachf.» B. VII p. 153—174: «Ueber den lettoslaw. infinitiv».

мыслей Вопша, Куна, Потта ¹⁾). Рѣзкій тонъ, съ которымъ относится Шмидтъ къ своимъ противникамъ, объясняется той надменной заносчивостью, съ которой встрѣтили критику ученія Шлейхера тѣ изъ шлейхеріанцевъ, что Шмидтъ обозвалъ «непогрѣшимыми папами на каедрѣ» ²⁾).

Мы видимъ, родословное древо Шлейхера живетъ еще и будетъ жить. Долго еще будутъ кроить по немъ отношенія языковъ индо-европейской семьи и реституировать пра- и прапраязыки—Фики, Ферстеманы ³⁾ — въ силу привычки, традиціи, вѣрности убѣжденія; но значеніе ходячей истины оно потеряло безповоротно. Правда, прежде съ Шлейхеромъ въ рукахъ мы были на почвѣ, и твердой, теперь же на распутыи; но это распутье ведетъ и выведетъ насъ на прямую дорогу, зане «ищите истину и вся приложится вамъ».

Въ 1875 году извѣстный Г. Курціусъ, осторожнѣйшій изъ сторонниковъ родословнаго древа, предложилъ отъ имени Общества князя Абдовскаго въ Лейпцигѣ тему на соисканіе обычной награды: «Объ отношеніи языковъ литовско-славянской группы къ германскимъ». Очевидно, тема эта вызвана шатающимся положеніемъ теоріи, такъ долго принимаемой за абсолютную истину. Въ отвѣтъ на эту тему появились два труда, и оба увѣнчанные наградой. Одинъ, задуманный въ широкихъ размѣрахъ, новичкомъ своего дѣла, но исполненный въ весьма скромномъ объемѣ, хотя и добросовѣстно, и безъ притязаній, — это трудъ Гассенкампа: «Ueber den Zusammenhang des letto-slawischen und germanischen Sprachstammes». Другой — антитеза перваго: задуманный въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, человекомъ опытнымъ въ области изслѣдованій, но исполненный мастерски, отъ удовлетворяетъ самымъ широкимъ и притязательнымъ требованіямъ науки — это

¹⁾ «Zur Geschichte d. indogerm. Voc». II 183.

²⁾ *Ib.* 185 прим.

³⁾ «Geschichte des deutschen Sprachstammes» I. Критика этого труда Ферстеманна — въ «Jenaer Literaturanzeiger» 1874 (октябрь)—Сиверса—убійственная для автора.

книга *Лескина*: «Die declination im slawisch-litauischen und germanischen»¹⁾).

Гассенкампъ, въ своемъ добросовѣстномъ собраніи всѣхъ различныхъ данныхъ сравнительной грамматики за и противъ теоріи Шлейхера-Фика, послѣ возможной для автора, при слабomъ знаніи — славянскихъ нарѣчій, т. е. предмета — который и составляетъ яблоко раздора²⁾, сравнительной оцѣнки достоинства тѣхъ и другихъ доводовъ, пришелъ къ заключенію, что ученіе Шлейхера — славяне и нѣмцы составляютъ одну группу въ семьѣ индоевропейскихъ народовъ — есть фактъ жизни, науки.

Если сравнительное обозрѣніе системы склоненія въ славяно-литовскихъ и нѣмецкихъ языкахъ для Гассенкампа — доказательство существованія въ исторіи образованія языковъ нашей семьи нѣмецко-славянскаго періода и слѣд. нѣмецко-славянскаго языка (гл. V съ патетическими возгласами), — то тотъ же самый моментъ, при болѣе основательномъ и всестороннемъ разсмотрѣ-

¹⁾ Къ глубокому сожалѣнію, мои свѣдѣнія о трудѣ проф. Лескина ограничиваются рецензіей на него въ «Literarisches Centralblatt» 1877. № 2. р. 47. Рецензентъ — противникъ теоріи Шлейхера, тогда какъ Лескинъ былъ доселѣ только глшатаемъ ученія своего учителя — Шлейхера.

²⁾ Авторъ немногимъ сильнѣе Джоли въ славянскихъ нарѣчьяхъ. Укажу на слѣд. ошибки въ ограниченномъ славянскомъ матеріалѣ книги Гассенкампа: р. 16. «*hasej* вм. слов. *hazda*», но послѣдняго слова нѣтъ въ церк.—словен. съ знач. чеш. 30). «пол. *raz* = русск. *раза*». 43. «*жовати* или *жавати*». 61. *ljod* транскрипція русск. *людь*; очевидно, авторъ принялъ букву *jo* за ютацію *o*. Неточности: р. 22. въ славян. не только бытуеть *суѡ. iśka* но и простой *ika*: *купеческій*, но *купецкій*; *молодеческій* — *молодецкій* и др. 25. авторъ сближаетъ нѣм. и слав. языки по суфиксу *na--нѣ*, означающему де начинательность дѣйствія; но его нѣтъ въ литовскомъ, а въ греческомъ и латинскомъ онъ обозначаетъ продолжительность дѣйствія. (*Whitney* «*Leben und Wachsthum*» 215). Гдѣ авторъ чувствуетъ, что его защита ученія Шлейхера слаба противъ напора фактовъ, онъ прибѣгаетъ къ обороту: «современныя специфическія черты, роднящія славяно-литовцевъ и арийцевъ, *впротѣм*, раздѣляли нѣкогда и другіе языки нашей семьи» (р. 8. 11). Если факты ослабляютъ доводы близости славянъ и нѣмцевъ, авторъ устраняетъ факты также легко: переходъ ряда *a* въ *e* извѣстенъ и греческому, и латинскому языкамъ, но тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ годенъ, чтобы утвердить ближайшее родство славянъ и нѣмцевъ, — ни греч., ни лат. языки не знаютъ дигтонга отъ такого *e*» (р. 13).

ни, при надлежащемъ освѣщеніи его, приводитъ къ результату, прямо противоположному. Таковъ выводъ Лескина: «die Verwandtschaft ist keine so enge, wie man gemeinhin angenommen hat.»

Понятно поэтому, что сторонній безстрастный наблюдатель, какъ Бреаль, въ критикѣ приёмовъ послѣднихъ трудовъ школы Шлейхера—возсоздавать праязныки—«La langue indo-européenne» могъ, и то весьма осторожно, говорить лишь о «la langue mère», но не позволяя пускаться ни въ какія дальнѣйшія дефиниціи—какимъ путемъ выросла, сгруппировалась многочисленная семья индо-европейскихъ языковъ, какимъ путемъ размѣстить въ порядкѣ возраста членовъ этой семьи¹⁾. Никто не сомнѣвается въ родствѣ, общности происхождения языковъ нашей арійской семьи; не отрицаетъ факта родства и отрицательная школа Шмидта, выросшая изъ сравнительной школы Вонна. Но вопросъ о степеняхъ родства, о внутреннемъ размѣщеніи членовъ—вопросъ непорѣшенный, — его рѣшать, какъ мнѣ кажется, лишь труды отрицательнаго направленія Вонно-Шмидта, а пока достовѣрно одно—его менѣе всего рѣшила догматическая школа Шлейхера, объявившая его порѣшеннымъ, откуда вытекаетъ вторая достовѣрность — родословное древо есть мифъ.

¹⁾ И десять лѣтъ тому назадъ, издавая свой знаменитый переводъ «Grammaire comparée des langues indo-européennes par Fr. Ворр». (1-й т. 1866 г.), Бреаль былъ того же взгляда на этнографическіе вопросы сравнительной грамматики нашей семьи: «всѣ языки сближаются въ силу общаго происхожденія, которое единитъ всѣ нарѣчія индо-европейскія» (t. I. Introduction XVI пр. 1). Но не соглашаясь съ великимъ учителемъ въ его взглядѣ на отношеніе славянскихъ языковъ къ арійскимъ, Бреаль въ то же время признаетъ, что знакомство съ славяно-литовскими языками было для Вонна «un surcroît de richesse et une mine pleine d'agréables surprises, car ces langues très riches en formes grammaticales, se sont mieux conservées à quelques égards, que le reste de la famille» (ib. XXXIII). *Kesra descriptionis* въ зендѣ и персидскомъ языкѣ и для Бреалья тождественно славянорусскому различію *отрѣдленной и неопредѣленной формъ* въ имени прилагательномъ; но онъ это тождество понимаетъ въ томъ смыслѣ, что подобныя явленія могутъ развиваться въ языкахъ—въ одномъ независимо отъ другаго (ib. t. III. Introduction X).

ГЛАВА II.

Размѣщеніе членовъ славянской семьи.

Естественно, при значительномъ представительствѣ славянской семьи въ общей арійской семьѣ, и взаимныя отношенія членовъ ея также не легко поддаются опредѣленію, какъ и отношенія между собой народовъ и языковъ арійскаго племени, и отношеніе славянина къ его сосѣду на западъ и востокъ — германцу и арійцу Азіи, въ частности, — не смотря на болѣе ограниченную область изученія, на почти вѣковое сравнительное изученіе самихъ нарѣчій.

Знаменитый основатель славянскаго языковѣдѣнія, въ теченіе полувѣковой своей дѣятельности не перестававшій работать надъ вопросомъ о родственныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій, результатъ своихъ сравнительныхъ работъ формуловалъ въ извѣстной классификаціи двухъ порядковъ, по девяти признакамъ.

Еще въ 1786 году Добровскій писалъ: «чешскій, моравскій, словацкій языки — одинъ языкъ и одинъ изъ видныхъ діалектовъ славянскаго языка; кромѣ чешскаго, по тщательномъ сравненіи всѣхъ нарѣчій между собой, главными я считаю — польское, русское и илирійское (сербское, славянское, далматинское)» ¹⁾. Здѣсь уже намѣчена въ общихъ чертахъ будущая классификація. Но рѣдкій аналитическій умъ, Добровскій былъ поразительно

¹⁾ «Literarisches Magazin von Böhmen und Mähren». II 161 примѣч.

чуждъ пониманія историческаго движенія языка, и сравненіе безъ историческаго момента приводило его къ весьма одностороннимъ выводамъ. «Употребленіе *et* вм. *u*, *i* сближаетъ словака болѣе съ хорватомъ, чѣмъ съ чехомъ» пишетъ Добровскому его словацкій корреспондентъ (Ribay), и Добровскій соглашается съ нимъ: «чешскій и словацкій языки стоятъ на срединѣ между хорватскимъ и польскимъ, но такъ, что чехъ ближе къ поляку, словакъ къ хорвату»¹⁾. Естественно, основанія классификаціи Добровскаго могли быть того же непосредственнаго эмпирическаго характера, какъ напр. указанное сопоставленіе словака и хорвата: рядъ словъ, различающихся какой нибудь частью своей формы въ группахъ славянскихъ языковъ или неизвѣстныхъ тамъ или здѣсь (основанія лексическія — *звѣзда* — *gwiazda*, *десница* — *prawice*) и нѣкоторые явленія звуковыя, группирующія одни языки на лѣво, другіе на право (основанія грамматическія) *a* — *o*, *l*, *dl*, *ǣ* — *c*²⁾.

Возраженія, могущія быть сдѣланными противъ каждой непосредственной эмпирической классификаціи, необходимо имѣютъ мѣсто и по отношенію къ двупорядковой или дуалистической классификаціи славянскихъ языковъ Добровскаго: указываемымъ признакомъ дается несоотвѣтствующее значеніе. Случайное историческое несходство въ словарѣ возведено на степень принципиальнаго различія (*десница* и пр.), подобно тому, какъ въ наши дни желаютъ обосновать тотъ же дуализмъ словами *пѣтухъ* и *когутъ*³⁾; явленія одного порядка изъяты изъ ихъ генетической связи (*звѣзда*, *цѣпть*); обобщенія неточныя — *l* epentheticum объявлено общимъ явленіемъ серіи языковъ, тогда какъ оно, какъ увидимъ позже, вовсе не имѣетъ значенія общаго момента. Напротивъ, черты болѣе существеннаго различія и единенія ускользали изъ-подъ анализа классификатора. Я разумѣю здѣсь напр. вокализацию плавнаго сочетанія: языкъ формы *гордый* шелъ объ *руку* съ языкомъ формы *грди* и одинаково отрывался отъ языковъ, какъ

¹⁾ *ib.* 163.

²⁾ «Slawin». 1808. 364 sq.

³⁾ *V. Hehn* «Kulturpflanzen».

тождественной формы (верхнелужицкій — *hordy*), такъ различной (чешскій — *hrdý*), въ силу уклоненія его въ первыхъ признакахъ.

Предъ глазами Добровскаго носились образы іорнандовыхъ и прокопьевыхъ антовъ и славиновъ, и географическій дуализмъ историковъ VI вѣка онъ воскресилъ въ наши дни, упустивъ изъ виду тутъ же замѣтку Прокошія, что у обоихъ—антовъ и славиновъ—«одинъ языкъ».

Неточность своей системы видѣлъ самъ основатель, но система была необходима для развитія науки, и въ случаѣ столкновенія признаковъ Добровскій рѣшалъ его большинствомъ гогосовъ: «если русскіе говорятъ *разума* вм. *розума*, *вилы* вм. *widly*, *земля* вм. *zemia*, *ночь* вм. *nos*, *цвѣтъ* вм. *kwiet*, то, очевидно, они не могутъ быть отнесены къ польско-чешскому порядку; только стносительно *сы* они склоняются ко второму порядку» ¹⁾.

Но не смотря на неточность въ установленіи признаковъ для систематизаціи славянскихъ языковъ, двупорядковая классификація Добровскаго имѣла и имѣетъ глубокое историческое значеніе и значеніе удобнаго практическаго руководства ²⁾: она успѣла соединить хоть въ искусственной картинѣ *membra disjecta* былаго единства славянъ, котораго не могъ не понимать Добровскаго ³⁾, показала, какъ относятся славянскіе языки между собой въ *настоящую минуту*, съ точки зрѣнія непосредственнаго ма-

¹⁾ «Slowanka» I. 162. Отвѣтъ Катанчичу. Замѣчанія Востокова извѣстны.

²⁾ Но самъ Добровскій глядѣлъ иначе на значенія своей системы: для него—его система рѣшала генезисъ славянскихъ нарѣчій (см. *Schafarik* «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur», p. 31.

³⁾ «Славянскія нарѣчія образовывали одинъ языкъ, какъ долго славяне составляли одинъ небольшой народъ. Когда же раздѣлились и избрали новыя жилища, они должны были болѣе и болѣе разниться языкомъ. Каждое племя образовывало языкъ сообразно съ обстоятельствами и потребностями, подъ постояннымъ вліяніемъ климата на ихъ голосовые органы, независимо отъ другихъ. Отсюда главные діалекты. Чѣмъ ниже спускаемся мы въ старину, тѣмъ ближе должны являться теперь весьма далекія нарѣчія». «Literarisches Magazin» II. (1786 г.) 167.

теріального сравненія, точнѣе, сопоставленія ихъ въ извѣстныхъ моментахъ, и хотя утверждала несоответствующій дѣйствительности способъ распада единого языка на нарѣчія, но, устранивъ старый хаосъ мнѣній, она тѣмъ расчистила путь къ уразумѣнію процесса образованія языковъ славянской семьи. Своею слабой стороною систематизація Добровскаго показала будущимъ изслѣдователямъ генезиса славянскихъ языковъ, куда они не должны обращаться за указаніями для разрѣшенія вопроса о взаимномъ отношеніи славянскихъ языковъ — въ словарь; на какой сторонѣ языка они имѣютъ остановиться, чтобы получить искомыя указанія — на исторіи языка.

Значеніе отрицательнаго результата классификаціи Добровскаго, значеніе благодѣтельное, сказалось скоро въ славянской наукѣ.

Если при жизни Добровскаго, Шафарикъ еще цѣликомъ повторялъ взгляды знаменитаго абата, («Исторія славянскаго языка и литературы» въ 1825 г.), то позже, обратившись спеціально въ своихъ занятіяхъ къ вопросу о взаимности славянскихъ языковъ, онъ удержалъ схему Добровскаго, а изъ его основаній сохранилъ лишь два: группу $t, d+l$ и l epentheticum, прибавивъ отъ себя группу $t, d+n$ («Národopis» § 4). Изъ словаря Шафарикъ позаимствовалъ одно доказательство — \sqrt{mot} = лит. *mat* въ *matyti* = *смотреть*; здѣсь еще отголосокъ лексическихъ приѣмовъ Добровскаго; но этому доказательству самъ Шафарикъ придавалъ менѣе всего значенія, поставивши его въ конецъ (ср. *ib* § 3.)

Но рѣшилъ ли генезисъ славянскихъ языковъ Шафарикъ своей классификаціей?

Она съ тѣмъ же *практическимъ* характеромъ, систематизація славянскихъ языковъ въ данную минуту, съ точки зрѣнія внѣшняго сравненія въ формѣ данной минуты, безъ обращенія вниманія на историческій моментъ, — и тѣломъ, и душой классификація Добровскаго, но упрощенная.

Оставляя въ сторонѣ историческій моментъ, а безъ него не можетъ быть и рѣчи о генезисѣ языковъ нашей семьи, — даже

съ точки зрѣнія практической — современнаго состоянія славянскихъ языковъ — оба старыя основанія и третье новое, Шафарика, не имѣютъ рѣшающаго значенія для утвержденія двухъ порядковъ, проэктированныхъ Добровскимъ и принятыхъ Шафарикомъ. Мы войдемъ въ болѣе частное разсмотрѣнiе этихъ основанiй Добровскаго и Шафарика.

1) Звуковая группа *t, d + l*. Она не безъизвѣстна въ языкахъ «юговосточной» вѣтви (I порядокъ у Добровскаго); она не безусловно господствуетъ въ языкахъ «сѣверо-западной» вѣтви (II пор. у Добровскаго).

Не говоря о русскихъ словахъ: *метла — помело, сѣдло, подла*, группы *tl, dl* въ самой чистой чешской или польской формѣ являются въ языкѣ словенскомъ, не только въ старую пору, но и въ наши дни. Въ грамотахъ Штирии X—XI вѣковъ: *Tudleip* = чеш. *Dudleby*, р. Дульбы. Въ фрейзингенскихъ отрывкахъ: *modlim* II. 37. Германизованныя мѣстныя имена *Zedl = Sedlo, Jedlonig = jedla*. Въ нарѣчii зильскомъ—глухой альпийской долины: *šidlo, motovidlo, kridlo, močidlo, kropidlo, widle, kresadlo*; въ подрѣчii юнскомъ: *jedla*. Помимо нарѣчii: *vedlost = velost, medleti, kradljiv*. Въ part. perf. act. I всегда *dl, dla, dlo*. Впрочемъ, обычно при *l* развивается призвукъ *e*, какъ въ словацкомъ *o: sedel, pletel*.¹⁾ У македонскихъ болгаръ: *дадел* изъ *дадл*²⁾. Въ старословенскомъ языкѣ: *надла, цѣтла*.

Напротивъ, разсматриваемыя группы *tl, dl* и въ сѣверо-западной вѣтви или упрощаются до обычной формы ихъ въ вѣтви юговосточной: въ нижнелужицкомъ — *kšičo* при *kšidčo, žrěčo* при *žrědčo, wičy* при *widčy*; въ верхнелужицкомъ—*šol* и т. д.; въ

¹⁾ *Zahn* «Unkundenbuch» подъ 860, 890, 891, 971. *Schmidt* «Zur Geschichte des Indogerm. Vocalismus». II. 179 изъ Миклошичева «Slaw. Ortsnamen» въ «Wiener Denkschriften» XXI. *Wolf* «Deutsch-Slovenisches Wörterbuch» (Laibach. 1860) s. v. *Welkheit, Stehlerisch. Lesar* «Slovenska Slovnica» (Ljubl. 1863) 12. *Jarnik*. «Kolo». I. 54. 49. *Kopitar*. «Krainische Grammatik». 338. Въ ревянскомъ говорѣ: *dedla = ѡла, svoetla, vadlo, kradla* (Бодуэнг. «О ревянскомъ нарѣчii». 20. 23).

²⁾ *Верховскія*. Народне песне мак. буг. > 28.

рѣчи ганаковъ (Моравія) — «plela mila, plela len», словяковъ — «plela len»¹⁾; въ липтовскомъ комитатѣ: *sažo, myžo*, — или устраняютъ трудное сочетаніе muta cum liq., то жертвуя плавнымъ, то развивая новую вокализацию при *l*: въ мазурскомъ нарѣчьи — *siad, krad, spad, jad*; въ словацкомъ — *krad-o-ž, sadol*; въ полабскомъ: *krodohl, jedal*²⁾.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія существующихъ отношеній славянскихъ языковъ, на сколько эти отношенія опредѣляются сочетаніями *tl, dl*, дуалистическое дѣленіе не можетъ имѣть мѣста: мы видимъ, что разматриваемыя сочетанія бытуютъ на всемъ пространствѣ славянской территоріи, но въ одномъ языкѣ — на одномъ мѣстѣ, въ большей степени, въ другомъ — на другомъ мѣстѣ — въ меньшей. Это отношеніе славянскихъ языковъ въ настоящую минуту къ соединенію зубныхъ съ плавнымъ *l* показываетъ, что сочетанія *t, d+l* есть фактъ общеславянской, есть элементъ эпохи праславянскаго единства; они — общее достояніе всѣхъ языковъ, но каждый старался отдѣлаться отъ нихъ въ своей *отдѣльной* исторической жизни. Только успѣхи этого освобожденія были не вездѣ одинаковы: въ то время какъ потеря сочетаній *t, d+l* — почти общее явленіе на юго-востокѣ, на сѣверо-западѣ — она явленіе частное. Это значитъ, одни языки оказываются болѣе консервативными, менѣе индивидуальными, другіе — менѣе консервативными; что степень консервативности или, что тоже, степень индивидуализаціи, есть опредѣлитель существующей разницы и сходства славянскихъ языковъ съ точки зрѣнія сочетаній *tl, dl*. Если такъ обр. разница въ сочетаніяхъ *t, d+l* славянскихъ языковъ въ данную минуту опредѣляется какъ ре-

¹⁾ Hauptmann «Nieder-Lausitzsche Wendische Grammatica» (1761) 10; «Pfuhl «Hornolužiska serbska ryčnica» въ журналѣ: «Časopis towarstwa maticy serbskeje» 1861 p. 76; Čelakovský «Slovanské národní písně» III. 69; I. 86.

²⁾ O. Kolberg. «Lud. Serya V. Krakowskie». I. (1871) 266. 287 и пр. Ср. мой «первый отчетъ изъ-заграницы» въ «Зап. Новор. Унив.» т. XVIII. Zejszner «Pieśni ludu podhalan» (въ Карпатахъ) Warszawa 1845. № 251. «Sbornik Slovenských národních písní» Словенской матицы. I. (Вѣна 1870) p. 23. 20. Schleicher «Laut—und Formenlehre der Polabischen Sprache». §. 12

зультатъ неодинаковаго историческаго движенія — въ одномъ оно сильнѣе, въ другомъ слабѣе, то это обстоятельство невольно наталкиваетъ на мысль, что и вообще различіе славянскихъ нарѣчій не есть ли слѣдствіе тѣхъ же силъ — силы задерживающей и силы движущей — неодинаковости взаимнаго отношенія этихъ силъ на разныхъ пунктахъ территоріи нарѣчій. Если это такъ, если существующее отношеніе славянскихъ нарѣчій понимать именно въ такомъ смыслѣ, тогда разница между ними будетъ заключаться не въ присутствіи извѣстныхъ признаковъ въ одномъ языкѣ или группѣ языковъ и въ отсутствіи тѣхъ же признаковъ въ другомъ или другой группѣ, а въ степени консервативности или индивидуальности даннаго языка въ каждомъ любомъ пунктѣ его звуковаго или морфологическаго строя; а въ такомъ случаѣ — дѣленіе на порядки, вѣтви, какъ это было доселѣ, не возможно, такъ какъ весьма естественно, что съ точки зрѣнія каждаго другаго явленія можетъ получаться всякій разъ иная группировка, иное размѣщеніе языковъ. Другими словами, обычная классификація — и тѣмъ болѣе детальная, обычное пониманіе существующихъ отношеній славянскихъ языковъ становится немыслимой: возможна лишь общая систематизація, размѣщеніе на сорта, по степени консервативности или индивидуальности языка, а эта степень опредѣлится въ общей суммѣ признаковъ преобладаніемъ того или другаго начала. Обращусь къ примѣру. Если для языка праотцевъ историческихъ славянъ мы, по сравненіи извѣстныхъ намъ славянскихъ нарѣчій съ языками родственными, допустимъ извѣстный рядъ явленій, то количество этихъ чертъ славянскаго праязыка, сохраненное каждымъ изъ славянскихъ нарѣчій, опредѣлитъ степень его консервативности, что тоже, степень его приближенія къ языку-источнику, его мѣсто въ ряду.

Если это справедливо по отношеніи къ языкамъ, то оно имѣетъ мѣсто и по отношенію къ нарѣчіямъ, говорамъ любаго языка.

Чтобы покончить съ значеніемъ сочетаній *t*, *d* + *l*, какъ указателей различія и сходства славянскихъ нарѣчій, я остановлюсь на одномъ явленіи латинскаго языка. Если мы вспомнимъ, что слова *lis*, *locus*, *latus* въ древнѣйшую пору языка имѣютъ форму:

stlis, *stlocus*, *stlatus* (изъ *stratus*), то, очевидно, отношеніе формъ позднѣйшей и старѣйшей указанныхъ словъ есть тоже, что отношеніе напр. русскихъ *мыло*, *рало* и чешскихъ *mydlo*, *radlo*. Но лат. *lis* и *stlis* формы одного и того же языка, лишь различной исторической даты—*stlis* принадлежитъ къ эпохѣ владычества въ латинскомъ языкѣ консервативнаго начала, *lis*— есть результатъ борьбы, историческаго движенія: такъ и рус. *мыло*, чеш. *mydlo*, говоря строго, формы одного языка, но не одного датованья. О чешской формѣ можно со полнымъ правомъ сказать, что это русская форма, но эпохи древнѣйшей, какъ о русской, что она можетъ или могла бы стать достояніемъ чешскаго языка. Какъ форма *lis* не можетъ быть отнесена къ языку одного «порядка», а форма *stlis*— другаго: такъ невозможно на основаніи л вм. *dl* въ русскомъ языкѣ относить послѣдній къ первому «порядку», а изъ чешскаго, потому что въ немъ русскому л отвѣчаетъ *dl*, создавать второй «порядокъ». Формы русская и чешская представляютъ такое же тождество, какъ обѣ латинскія; русская форма фактъ позднѣйшей поры языка, чешская—древнѣйшей. Создавать же родословное древо и развѣтвлять его на основаніи между прочимъ различнаго отношенія русскаго и чеха къ сочетаніямъ *t*, *d+l*: на вѣтвь одного *l* и на вѣтвь *tl*, *dl* попытка, очевидно, невозможная¹⁾.

¹⁾ Латинскій языкъ устраняетъ встрѣчу *t*, *d+l* одинаково какъ русскій, при чемъ безразлично— принадлежитъ ли зубной къ корню, или къ суффиксу. Такъ *кралъ*: *рало* = *sella* (= *sedla*), *coelum* (= *caedlum*), *pullus* (вм. = *put-lus* отъ *put-us* = рус. *пот-акъ*. *пат-ка*): суф. *clum*, *crum* изъ *trum* (= гр. *τρον*). Ср. *Fick* «Die ehem. Einheit» 198. 341. 380. стр. 254. Н. *Osthoff* «Forschungen etc» I. 23, 21—23. 181. Какъ въ словацкомъ развивается паразитный вокаль предъ *l* при встрѣчѣ *t*, *d+l*: *krad-o-l*, *zad-o-l*, такъ тотъ же вокаль предлагаетъ и латинскій языкъ въ суффиксѣ: *tulum*, *culum* изъ — *tlum*, — *clum* (*Osthoff*. о. с. 3 и др.); напримѣръ: *po-culu-m*, древнѣе *po-colo-m*, гдѣ первое *o* (въ *ol*) есть ликвидальный паразитъ (*ib.* 14 и слѣд.). Я пользуюсь трудомъ *Острога*, такъ какъ въ немъ ясно и обстоятельно указана судьба суф. *trum* въ лат. языкѣ, сравнительно даже съ славянскими нарѣчьями, и тѣмъ облегчено пониманіе ученія *Корсена*, которое у *Острога* подверглось всесторонней критикѣ. Сохранивши праславянское сочетаніе *tl*, *dl*, чешскій и отчасти польскій языки

2) *L epentheticum*. Сказанное о сочетаніяхъ *t*, *d+l* имѣеть значеніе и для вставочнаго *l*, какъ основы дѣленія славянскихъ языковъ. Отсутствие его не рѣдкость въ языкахъ восточной вѣтви, гдѣ по теоріи Шафарика, или позже, по родословному древу Шлейхера, оно необходимо должно быть, и, наоборотъ, оно является интегральнымъ элементомъ въ нѣкоторыхъ словахъ сѣверозападной вѣтви. Но судьба *l* различна отъ судьбы соч. *tl*, *dl* въ томъ смыслѣ, что *l* рѣшительнѣе, чѣмъ эти сочетанія, говоритъ противъ дуалистическаго пониманія взаимныхъ отношеній славянскихъ языковъ и за пониманіе ихъ, какъ результата неодинаковой консервативности различныхъ членовъ нашей семьи, неодинакой даже одного и того же языка—напр. русскаго, такъ какъ «исключеніе» изъ «правила» въ вопросѣ о *l* даетъ чувствовать себя сильнѣе, чѣмъ въ вопросѣ о соч. *tl*, *dl*.

Если отсутствіе *l* при губныхъ въ малорусскомъ нарѣчій Россіи: *робю* и пр. можно разсматривать, какъ явленіе новое, по его спорадичности, то этого нельзя сказать о непосредственномъ смяченіи *n*, *b*, *v* въ языкѣ карпатскихъ русскихъ, гдѣ оно общее явленіе: *робью*, *спью* (=роб'ю и пр.) ¹⁾. Тоже непостоянство мы видимъ въ болгарскомъ языкѣ: въ македонскомъ нарѣчій губные смячются непосредственно—«на мене първо *любень*», «*земя* ве дела...», «*ке да земемъ* отъ Господъ *ключови*» ²⁾.

Говорить ли о томъ, что особенность карпаторусскаго и македонско-болгарскаго нарѣчій есть общее явленіе въ такихъ памятникахъ старословенскаго языка, какъ *клицева глаголита*,

охотно вставляють зубной предъ одиночнымъ *l*, и такъ путемъ это сочетаніе подтягиваетъ подъ себя явленія, едва соприкасающіяся съ нимъ. Старое *uschepnyky* (Легенда XII апост. Dobrowský «Geschichte der böhm. Literatur» IV. 15) — теперь *uščedlniky* изъ *uščelnik*, *uščenik*; въ псалтыри велементинской: *anu podstawi rozkodluczyguysx. rozkodlucxis. obnowatedlmycie. flifitedlen* etc. (131a. 143a. 38b. 47b).

¹⁾ См. мой «первый отчетъ» въ «Зап. Нов. Унив.» т. XVIII р. 43—233.

²⁾ *Верковић* «Народне песме Мак. буг.». I. № 217, 218. Ср. *Миладиновци* «Български народни пѣсни»: *земя*. остри *сабви*. кога бѣше цар—отъ на *ло'емъ*. *остаемъ*. *яробень* (№ 53, 54, 95, 87. др.)

супрасльская рукопись, и многіе другіе: *томыение. поставѣж* — на первой страницѣ супрасльской рукописи.

Рѣже, но съ тѣмъ же значеніемъ смягченія губнаго, извѣстно *l* и въ языкахъ сѣверозападныхъ. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить мужаковское нарѣчіе сербо-лужицкаго языка, переходное отъ верхняго въ нижнему: *grobla* = верхнелуж. *hrebja* ¹⁾. Ср. словацкое: *hrobl'a*, *hrable*. чешск. *soplak*. польск. *grobla*, *osobliwy* (*osoblywy* въ молитвѣ Вацлава XV вѣка). *przzyrębla*. *sopla* ²⁾.

Итакъ, факты противурѣчаютъ дуалистическому дѣленію славянскихъ языковъ, если дѣленіе это основывать на способѣ смягченія губныхъ. Фактическое состояніе славянскихъ нарѣчій въ настоящую минуту въ вопросѣ о *l* epentheticum показываетъ, что одни нарѣчія, но не безусловно, его принимаютъ, другіе, также не безусловно, его отвергаютъ; что въ области одного и того же языка одно нарѣчіе съ *l*, другое обходится безъ него. Родословное древо невозможно и въ этомъ случаѣ. На вопросъ—составляло ли смягчающее *l* принадлежность уже обще-славянскаго праязыка, можно отвѣтить, что оно хотя отчасти, но было не безызвѣстно и языку эпохи протѣической: за это говоритъ $\sqrt{\text{плю}}$ *плю* *плю*, бытующій только въ этой формѣ, съ незначительными вариациями, во всѣхъ славянскихъ языкахъ, тождественный съ литовскимъ *spiau* въ глаголѣ *spiau-ti*, лат. *spi* въ *spi-o*, греч. πτόω вл. πϋ-ϋω ³⁾; отчасти основа *блюд* въ рус. *блюдо*, верхнелуж. *blida* ⁴⁾ = *biuda*; наконецъ общій характеръ историческаго движенія — отъ болѣе сложнаго явленія (губн. + *l*) въ болѣе простому

¹⁾ «Časopis towafstwa maćicy serbskeje» 1869. p. 84. статья Вѣлана.

²⁾ Kolberg «Lud. V. Krakowskie» I. 24. Malinowski «Modlitwy Waclawa» Kraków. 1876. 70 а.

³⁾ Fick. «Die ehem. Einheit». 388. Его же «Vergleichendes Wörterbuch der indogerm. Sprachen». I. p. 835.

⁴⁾ J. Schmidt. въ «Zeitschrift» въ Куна. XXIII. 4. p. 348. По Миллоичу, *блюдо* заимствованное слово изъ готскаго (Lex. p. slov.): но и въ этомъ случаѣ заимствованіе говоритъ въ пользу общераспространенности *l* epenth., слагающей въ глубокую старину.

(губн. + *j*). Но будь оно даже явленіемъ эпохи позднѣйшей въ общей исторіи славянскихъ языковъ (извѣстно, что сербскій языкъ не допускаетъ непосредственнаго смягченія губныхъ и въ иностранныхъ словахъ) — главный выводъ останется тотъ же: съ точки зрѣнія *l* взаимное отношеніе славянскихъ языковъ опредѣляется различною степенью консервативности каждаго изъ нихъ, но отнюдь не дуалистическимъ родословнымъ древомъ. Тотъ же выводъ мы получили и изъ обзора судебъ сочетаній *t, d+l* въ славянскихъ языкахъ.

3) Сочетаніе *t, d+n*. Фактическое состояніе славянскихъ языковъ съ точки зрѣнія этихъ сочетаній тоже, что и съ точки зрѣнія сочетаній *t, d+l*: оно не безусловно неизвѣстно на югъ-востока, не безусловно бытуетъ и на сѣверозападѣ. Такъ, съ одной стороны, въ русскомъ языкѣ сочетаніе *t, d+n* очень входу: *злотнуть, свистнуть* и *свиснуть* (нѣкоторая разница въ значеніи) *тверднуть*; въ сербскомъ: *свитняк*¹⁾, *паднути* — *днем, прднути, отерднути*; въ болгарскомъ: «*треки пѣтъ летнала*», «*звби испаднале*»²⁾; въ словенскомъ: при *oberniti* (*√верт*) *obertnija* (промысль), *terdni* = твердый (ср. у Трубера: «*terdni veri*» апостолъ 1577 г. XXIII); *past* и *padniti, veniti* и *vedniti, zveniti* и *zvedniti*³⁾ — безразлично. Не забудемъ, что и въ старословенскихъ памятникахъ — позднѣйшихъ — встрѣчается сочетаніе *d+n*: *крднжти. паднжти* при *охлмнжти. свнжти*.

Наоборотъ, стремленіе къ упрощенію сочетаній *t, d+n* — непріятнаго стеченія двухъ консонантовъ, имѣетъ мѣсто и въ слав. языкахъ сѣверо-запада, и безспорно древнѣйшія сочетанія *t, d+n* являются въ формѣ одинокаго *n*. Въ чешскомъ при *vádnü, svitnu* — *jm, vm, däm* (*m = n*); «*Vrni, vrni kolovrátek*», но «*Až ten dub pokvete bílou ratolesti*». *Erben. «České písně»* (1864) р. 5. 188. Въ нижнелужицкомъ разматриваемое сочетаніе еще въ процесѣ упрощенія: одинаково

¹⁾ См. Вуков «Рѣчникъ» s. o. Ср. «искрднѣга» въ апостолѣ перевода Далматина (1563) стр. 31.

²⁾ Миладиновци «Пѣсни» № 2 и др. ср. Верковичъ: *пустне, порастнеше* № 11, 8 и др.

³⁾ Wolf «Deutsch-sloven. Wörterbuch» р. 482, 1878 s. o. *fallen, welken*.

правильны формы: *ksadnuš* и *ksanuš*, *predni* и *preni*¹⁾, *padnuš* и *panuš*²⁾ Верхнелужицкй языкъ давно уже выработалъ форму *n* вмѣсто *dn*: у Варихія въ XVI ст.: *kranicz* = нижелужиц. *ksanuš*³⁾. Въ полабскомъ: *pitgeine* = покинетъ при *krodne*; но *krodne*⁴⁾ Въ польскомъ: *świstać* — *świsnąć*, *Gniezno* вм. *Gniezdno*.

Такимъ образомъ, современное состояніе сочетаній *tn*, *dn* въ славянскихъ языкахъ показываетъ, что бытованіе ихъ не ограничено западомъ, равно какъ и наоборотъ; что всякая попытка между языками запада и востока провести демаркаціонную линію — съ точки зрѣнія разсматриваемаго сочетанія, противорѣчитъ дѣйствительности. Различіе славянскихъ языковъ въ данномъ случаѣ заключается лишь въ томъ, что одинъ языкъ бережнѣй сохранилъ старину — праславянское сочетаніе *tn* или *dn*, другой очень рано сталъ шлифовать это довольно неуклюжее сочетаніе. Если ст. сл. *bronь*, чеш. *brunaty* (ср. *candidus bron* «*Mater verborum*». f. 98) предполагаетъ основную форму *brodna* скар. *bradhna*, какъ утверждаетъ Физъ («*Vergl. Wört.*» II 622), то шлифование сочетанія *dn* ведетъ свое начало съ праязыка славянскаго. Малорус. *сѣмьй* уже изстари: «въ *сѣмьи* да празноуютъ» (сборникъ до 1200. *Срезневскій* «Памятники русск. письма и языка». 201). Въ русск. языкѣ на слово отшлифованное приходится одно нешлифованное. Есть наконецъ языки, гдѣ одинаково бытуетъ слово то съ *t*, *d*, то безъ него, такъ что на нашихъ глазахъ совершается процессъ упрощенія — измѣненіе сочетаній *t*, *d* + *n* на *n*, процессъ, который давно начался въ области русскаго языка и который не чуждъ и тѣмъ языкамъ, гдѣ по теоріи дуалистической имѣетъ мѣсто лишь форма *t*, *d*, + *n*. Другими словами, и съ точки зрѣнія сочетанія *t*, *d* + *n* — третьяго признака Шафарика — взаимныя отношенія славянскихъ языковъ въ насто-

¹⁾ *Hauptmann* оп. с. 11. «Обыкновенно — *ksanuš*» — говоритъ *Zwahr*. («*Niedl.-wend. Wörterbuch*» p. 170).

²⁾ *Zwahr*, оп. с. 23 .

³⁾ «*Der kleine Catechismus*» 1597 г. p. 176.

⁴⁾ *Schleicher* оп. с. § 255.

ящую минуту опредѣляются степенью консервативности каждаго изъ нихъ: различная степень дифференцируетъ языкъ, такъ какъ по существу дѣла нарѣія славянскія—одинъ языкъ. (ср. выше *lis: stlis*). Отсюда самъ собой вытекаетъ и второй выводъ: славянскіе языки не позволяютъ предполагать двухъ славянскихъ адамовъ, изъ которыхъ одинъ бы родилъ леха и чеха, другой руса и серба. Попытки объяснять отношенія славянскихъ языковъ родословнымъ дровомъ совершенно не соотвѣтствуютъ реальному состоянію самихъ языковъ.

Въ поясненіе только что сказаннаго позволю внести нѣсколько указаній изъ исторіи латинскаго языка. Мы видѣли выше, что латинскій языкъ предложилъ намъ весьма цѣнную аналогію для лучшаго освѣщенія отношенія чеш. формъ *tl, dl* въ русской—одного *л*: тотъ же латинскій языкъ даетъ намъ данныя изъ своей исторической жизни и для уясненія отношенія сочетаній *tn, dn* и ихъ русской формы *н*. Такъ выраженія: *sacūmen, frēnum, pēnna, rāmentum, rēmus* пошли отъ *sacud-men, frēd-num, ret-na, rad-mentum, ret-mus*¹⁾. Разница между обѣими формами указанныхъ словъ очевидно таже, что между р. *вянуть* и чешск. *vadnouť*: *frēnum* изъ *frēdnum*, какъ *вянуть* изъ осн. *вяднуть*, т. е. *п* изъ *tn, dn*. Но путь, который прошли въ латинскомъ языкѣ формы *п* изъ формъ *tn, dn* есть, очевидно, ассимиляція: она ясна въ усиленіи кореннаго вокала (*ē* изъ *ě*), въ удвоеніи *п* (*pēnna*), тогда какъ между формами: *ksadnuš* и *ksanuš* въ нижнелужицкомъ, *vedniti* и *veniti* въ словенскомъ нѣтъ количественнаго различія. Но какъ *frēnum* и *frēdnum* суть факты одного и того же языка, но различнаго историческаго датованья: такъ точно р. *вянуть* и чешск. *vadnouť* — факты одного и того же языка, но различныхъ поръ, т. е. разница между ними опредѣ-

¹⁾ Fick «Die ehem. Einheit» 190. 192. 299 или *eo-же* «Vergl. Wörterbuch d. indogerm. Spr.» I. 542. 632. 658. 740. 495. Лат. *fundus* — при пред. полагаемой прасормѣ *bhudna*—путемъ метатезиса избѣжало сочетанія *dn. ib.* р. 702. Ср. *abié-gnus* вм. *abiet-gnus*.

ляется болъшею консервативною въ разсматриваемомъ явленіи чешскаго языка и меньшею— русскаго.

Мы разобрали, такимъ образомъ, основныя положенія Шафарика въ пользу раздѣленія славянскихъ языковъ на двѣ вѣтви. Видѣли, что дуализмъ есть искусственная теорія, не отвѣчающая реальному отношенію славянскихъ языковъ, которые не знаютъ двухъ различныхъ отцовъ, но относятся между собою, какъ *варианты одного и того же языка*. Существующая разница есть необходимое слѣдствіе исторической мѣняемости языка, обусловливаемой первымъ назначеніемъ языка—быть возможно удобнѣйшимъ орудіемъ, слугой для взаимнаго общенія людей, результатъ неодинаковаго или неравномѣрнаго историческаго движенія славянскаго праязыка на различныхъ пунктахъ его территоріи, которая и въ эпоху славянскаго единства не могла не быть значительной уже въ виду возможности образованія такой массы нарѣчій славянскихъ изъ одного праязыка, какою знаетъ исторія и современная жизнь, и нарѣчій, специфическія черты которыхъ, образующія ихъ фізіогномію, переходятъ за предѣлы историческаго времени.

Безспорно, дуалистическое дѣленіе, предложенное и обоснованное Добровскимъ, усиленное Шафарикомъ, имѣло и всегда будетъ имѣть глубокое практическое или педагогическое значеніе, когда напр. русскій учится чешскому языку, чехъ русскому и т. д.; но видѣть въ немъ выраженіе сущности взаимныхъ отношеній славянскихъ языковъ, картину историческихъ судебъ ихъ, ихъ генезисъ, не позволяетъ наличное состояніе славянскихъ языковъ, живыхъ и мертвыхъ, которые, по всему праву, мы можемъ и должны называть *нарѣчіями* и не болѣе, какъ необходимыя проявленія ранняго дифференцирующаго момента въ исторіи славянскаго праязыка, какъ и въ исторіи каждаго другаго языка, продолжающаго жить въ обширной семьѣ своихъ потомковъ.

ГЛАВА III.

Судьбы z и сочетаний $t, d, + j$, какъ основа классификации.

Вникая въ современное состояніе славянскихъ нарѣчій, мы можемъ найти и другія явленія, помимо указанныхъ Добровскимъ и Шафарикомъ, и съ тѣмъ же значеніемъ въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ или внутренней связи языковъ нашей семьи. При нѣкоторой искусственной подтасовкѣ ихъ — они скажутъ свое слово за дуализмъ и тѣмъ сильнѣе утвердятъ теорію двухъ адамовъ; разсмотрѣвъ же ихъ поближе, такъ, какъ ихъ знаетъ фактическое состояніе славянскихъ нарѣчій, мы получаемъ старый выводъ: дуализмъ съ его родословнымъ древомъ невозможенъ, — онъ фикція, на мѣсто которой необходимо поставить теорію *постепеннаго* образованія славянскихъ нарѣчій отъ одного языка — отъ одного адама, образованія, опредѣляющагося неодинаковой исторической мѣняемостью нѣкогда единаго славянскаго языка на разныхъ точкахъ его территоріи.

Я имѣю въ виду судьбы звука z и первичныхъ сочетаній $t, d + j$. Представленіе этихъ звуковыхъ явленій на исторической почвѣ славянскихъ нарѣчій столь же поучительно, сколько и судьбы сочетаній $t, d + l, n$, смягченія плавныхъ. На сочетанія $t, d + j$ было уже обращено вниманіе Добровскимъ, но обстоятельно оно разсмотрѣно лишь въ наше время Ю. Даничичемъ. Шафарикъ упустилъ ихъ изъ виду, какъ моменты, которые не могли идти въ ладъ съ теоріей дуализма.

Г. Выхода изъ точки зрѣнія теоріи дуалистической и обративъ вниманіе на представленіе звука *z*, который въ старословенскихъ памятникахъ является секундарнымъ выразителемъ звука *o* (уже въ глаголитѣ влоціевой—*кровьѣж*, *начатокѣ*), въ главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, съ которыми обыкновенно считаются, какъ съ историческими членами нашей семьи, можно утверждать, что юговосточная «вѣтвь» остановилась на *o*, какъ на эквивалентѣ *z*, тогда какъ западная отождествила *z* съ *ь-рю*, т. е. перевела *o* въ *e*: *leb*, *heb* etc.. Что *z*, какъ равносильный звуку *o*, есть фактъ изъ древнѣйшей исторіи славянскихъ нарѣчій, показываетъ сравненіе ихъ съ языкомъ ближайшаго родства — литовскимъ (употребляю общее наименованіе для цѣлой семьи), и языками родства отдаленнѣйшаго — латинскимъ, греческимъ, арійскимъ: слав. *z* — *o* отвѣчаютъ *a*, *u*, *o*: лит. *parvas*, *givos*. лат. *domus*. гр. *δῶμος*. с. *dama*, а вокалы *a*, *u*, *o* указанныхъ языковъ, по общему закону, являются на почвѣ славянской въ видѣ *o*, по исключенію, въ видѣ *i* (*mo* = *jigit*. *имя* = *naman*). Соотвѣтствіе это было найдено и утверждено еще Вонпомъ; обстоятельнѣе обследовано Курціусомъ въ извѣстной монографіи «О расщепленіи звука *A*»¹⁾. Очевидно, если въ какомъ славянскомъ нарѣчій *z* = *e*, то предъ нами фактъ болѣе новой эпохи въ жизни славянскихъ нарѣчій. Если въ современномъ сербскомъ *z* = *a*, то это *a* пошло изъ *z* = *o*, какъ указываетъ и новый, и старый языкъ: *носимо*. *вук*. *муниѣ*. *любовь* старыхъ грамотъ, рукописей, ошибочно относимыхъ въ разрядъ русскихъ²⁾.

Так. обр., на юговостокахъ *z* = *o*, на сѣверозападѣ = *e* — новое основаніе для принятія теоріи первоначальнаго распадѣнія славянскихъ нарѣчій на двѣ «вѣтви», теоріи родословнаго древа съ двумя адами. Но болѣе тщательное отношеніе къ современному состоянію славянскихъ нарѣчій позволить ли остановиться на этомъ выводѣ? Дѣйствительно ли судьбы *z* идутъ въ согласіе съ теоріей Шафарика?

¹⁾ «Vergl. Grammatik» I^o § 103. Сочиненіе Курціуса см. выше.

²⁾ См. мой «третій отчетъ» и ниже. *Данчицъ* «Основе» 178. 55.

Отвѣтъ отрицательный: и судьбы z въ жизни славян. нарѣчій, какъ и указываемыя Шафарикомъ основы классификаціи этихъ нарѣчій въ двѣ «вѣтви» — сочетанія $t, d+l, n$, смягченіе губныхъ, ясно показываютъ всю искусственность и потому фальшивость теоріи дуализма. Въ нарѣчіяхъ востока z можетъ облечься въ чешскую форму — e , въ нарѣчіяхъ запада — въ русскую форму — o .

Въ болгарскомъ языкѣ, не смотря на крайнюю и старую уже порчу въ немъ славянскаго вокальнаго организма при развитіи всезаглушающаго темнаго звука z , мы находимъ еще примѣры замѣны z звукомъ e и, главн. образ., въ нарѣчій Македоніи: «Кой ке му носе *тенка* та пушка на рамо?» отвѣтъ: «Онъ ке ми носе *тенка* та пушка на рамо». (изъ рукоп. собр. моего ученика болгар. Каранова). Масса примѣровъ употребленія формы *тенки* въ пѣсняхъ Верковича: (№ 14, 30, 39, 42, 44). У Миладиновцевъ — *тонки* (№ 88, 102 и др.).

Новый вокаль, служащій для разъединенія группы консонантовъ, въ видѣ e , по западному, гдѣ въ русскомъ o : *вогеньо, іогенз, даделз* (Верк. № 14, 44, 43, 20). Русское *сонз* = *сынз* (В. № 59) = чеш. *sen*¹⁾. Въ 1 Plur. *ме* при *мо*, какъ въ западныхъ нарѣчіяхъ, въ противность малорусскому *мо* = стсл. *мъ*: *допуциме, земиме, заминаме, фатихме* (Верк. № 2, 17, 38). *сме* = серб. *јесмо* (Милад. № 139 и др.). Наконецъ, глухой звукъ въ живой рѣчи приближается болѣе всего къ звуку e : «*отидо'е и си з зедо'е*» (Милад. № 17)²⁾.

Въ кайкавскомъ нарѣчій, что между Дравой и Савой, обычнѣе, чѣмъ въ болгарскомъ, является e гдѣ мы бы ожидали,

¹⁾ Въ одномъ памятникѣ среднеболгарскомъ: *трѣсть* = рус. *трость*, *трѣсть*, чешск. *trest* (содержаніе и камышь). Miklosich «Lexicon» в. ч.

²⁾ *Aug. Dozon.* въ своемъ собраніи болгарскихъ пѣсенъ (Paris. 1875) глухой звукъ изображаетъ французскимъ *ei*: *двѣдѣ—deuchde, рѣка—reikar.* 345. Можетъ быть, и обычное въ западныхъ нарѣчіяхъ e , гдѣ въ русскомъ o , въ старослов. z — o , образовалось изъ общеславянскаго o (и a) тѣмъ же путемъ, что болгарское e въ глухомъ звукѣ изъ $o, a, y, t. e.$ пройдя ступень глухаго звука: чеш. *sen* изъ *son* чрезъ *sm*.

о: въ корнѣ—*kesno* = серб. *касно*; суф. *ок* = *ек*: *vtorek*, *petek*, *nizek*, *kratek*; при *l*, если впереди консонантъ, развивается *e*: *mogel*, *rekel*, *spekel*, *pokel*, *rasel*; въ склоненіи именномъ g. pl. f. темъ *a* — *ev* вм. *ov*: *bukev* (*bukva*); въ склоненіи мѣстоименномъ, въ согласіе съ польскимъ и чешскимъ языками, *e*, гдѣ въ русскомъ *о* — dat., loc. s. m. n. adj. *ему*, *им* при *оту*, *от*: *pri velikem* = *velikom*; тѣ же падежи fem. имѣютъ *i*, *oj*, при чемъ *i* скорѣй всего изъ *ej*: *veliki*,—*koj*²⁾; предлоги *k*, *v*, *s*, *z* предъ именемъ съ тѣмъ же звукомъ получаютъ *e*: *ke klopi*, *se sestro*³⁾).

Mutatis mutandis, тоже отступленіе мы встрѣчаемъ въ нарѣчіяхъ сѣверо-запада, но съ тою разницей, что здѣсь цѣлая группа языковъ *окаетъ* среди сосѣдей *екающихъ*, не говоря о несогласіи, что встрѣчается между вѣтвью извѣстнаго нарѣчія и имъ самимъ. Начну съ этого несогласія.

Языкъ словаковъ принято считать вѣтвью или нарѣчіемъ чешскаго языка. Когда говорятъ о нарѣчій малорусскомъ, въ противность великорусскому, то подразумѣвается, что взаимныя ихъ отношенія и отношеніе каждаго изъ нихъ къ идеальному общерусскому языку опредѣляются разницей въ вопросахъ вторыхъ и согласіемъ въ вопросахъ основныхъ. Только подъ этимъ условіемъ возможно допустить существованіе русскаго праязыка — отца обоимъ русскимъ нарѣчіямъ, хотя и это обстоятельство не отрицаетъ возможности діалектическихъ варіацій уже въ области идеальнаго праязыка, какъ этого требуетъ и понятіе жизни языка. Дѣйствительно,

²⁾ Примѣры беру изъ собранія Валявца «*Narodne pripovjedke u i okolo Varaždina*» (1858. X + 315). Ср. *Kristianovitch* «*Grammatik der kroatischen Mundart*» (Agram. 1837) въ разн. мѣст.

³⁾ *Janežič* «*Slovenisches Sprach- und Uebungsbuch*». (Laibach 1872) § 1 пр. Кайнавское нарѣчіе весьма близко къ языку словенцевъ, почему явленія обоихъ языковъ у меня вмѣстѣ. О склоненіи мѣстоименномъ у словенцевъ см. *ib.* § 10. Прибавлю нѣсколько указаній изъ стараго языка. У меня подъ руками «*Szveti Evangeliumi z koterimi szveta sztolna czirkva Zagrebchka szlovenszko-Horvaczka chez leto po nedelyah i szvetkeh sive*» (vu Zagrebu. 1730 in 8): *pochetek. szvetek. napiszek. teknul sze. rekel. razepni, — ite. zdehnul. sitek. laket* и др. (р. 21. 38. 53. 22. 32. 51. 52. 94. 95. 99).

въ основныхъ пунктахъ между малорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями болѣе или менѣе полная гармонія: вспомнимъ сочетанія *t, d + l, n*, вставное *l, z*, сочетанія *t, d + j*, вокализацию плавныхъ группъ (о послѣднихъ двухъ явленіяхъ ниже).

Но этой гармоніи нѣтъ между чешскимъ языкомъ и его словацкимъ нарѣчіемъ, и, главнымъ образомъ, въ судьбѣ *z*. Въ корняхъ, суффиксахъ, флексіяхъ, въ явленіяхъ новой, поздней вокализациі чешскому *e* — *z* отвѣчаетъ словацкое *o*: *son, piatok, mohol* и т. д., т. е. словакъ раздѣляетъ вокализацию своего русскаго сосѣда на востокъ, и продолжаетъ ее на западъ, гдѣ она не имѣла бы права быть ¹⁾. Но вокализациа *z* — *o* несомнѣнно древнѣе вокализациі *z* — *e*, слѣдов. въ этомъ случаѣ чешскій языкъ имѣетъ значеніе нарѣчія, а словацкое нарѣчіе — значеніе языка. Но вмѣсто того, чтобы чеха дѣлать отцемъ словака, или наоборотъ, естественнѣе и справедливѣе, принявъ во вниманіе фактическое отношеніе словацкаго и чешскаго нарѣчій въ вопросѣ о звукѣ *z*, понимать это отношеніе, какъ результатъ неодинаковой консервативности одного языка на разныхъ пунктахъ его территории: на западѣ *o* измѣнилось въ *e*, на востокѣ оно сохранилось. Так. обр. словацкое нарѣчіе своимъ ованьемъ, въ противность чешскому еканью, ясно показываетъ, что нѣтъ возможности дѣлить славянскіи нарѣчія на двѣ категоріи, порядка, вѣтви съ точки зрѣнія *z*. Но принявъ во вниманіе, что овающій словакъ по мѣрѣ отдаленія на западъ болѣе и болѣе переходитъ въ овающаго чеха и наконецъ сливается съ нимъ (Нитра, Тренгинь), естественный выводъ, что какъ здѣсь, на частномъ примѣрѣ отношенія словацкаго нарѣчія къ чешскому языку, жизнь не знаетъ скачковъ, а знаетъ лишь постепенное, почти неуловимое перелитіе или переходъ одного типа языка въ другой, разность между каждами двумя сосѣдями опредѣляется разностью или неодинаковостью ихъ исторической жизни—одинъ болѣе консерва-

¹⁾ См. мой 2 и 3 отчетъ въ «Запискахъ Имп. Новорос. Унив.» т. XX; мою «Записку о путеш. по слав. землямъ» ib. т. XIII.

I Словаки, Словенцы, Словаки и Славянскіи нарѣчія. Отвѣтъ на вопросъ о нарѣчійхъ зрѣніи - зрѣніи на Нарѣчійхъ зрѣніи

тивень, другой менѣ; такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ цѣлаго круга славянскихъ нарѣчій должна существовать также постепенность перехода, неразрывность, цѣпность, внутренняя связь. А это послѣднее условіе исключаетъ систематизацію славянскихъ нарѣчій по шаблону родословнаго древа, которое для языковъ—сосѣдей тотчасъ же выставляетъ прародителя — невозможнаго.

Только что сказанное станетъ еще болѣе яснымъ, когда мы обратимся къ языку славянъ, населявшихъ нѣкогда страну на сѣверъ отъ чешскихъ горъ къ Балтійскому морю и на западъ отъ Одры (Oder). Отъ этого многочисленнаго племени сохранились двѣ этнографическія крупныя — верхніе и нижніе лужицане или сербы (200 т. чел.). Одно нарѣчіе—верхнее или мильчанское, сближаютъ съ чешскимъ языкомъ, другое — собственно лужицкое, съ польскимъ; но въ практической жизни оба нарѣчія сближаются почти до отождествленія; книги, газеты почти исключительно на верхнелужицкомъ—но идутъ повсюду. Но обратимся къ фактическому изложенію—къ представленію з въ обоихъ нарѣчіяхъ.

Въ этомъ пунктѣ оба нарѣчія одинаково тѣсно сближаются другъ съ другомъ, и одинаково различаются отъ своихъ сосѣдей — чеха и леха: з въ обоихъ лужицкихъ = о, какъ въ русскомъ и восточнословацкомъ. Такъ полск. *wesz, reż, leb* = нижнелуж. *woś, roż, łob*. Тоже въ суффиксахъ, деκлинаціи и т. д. Исключеніе составляютъ слова съ *l, r*: тогда верхнелужицкое знаетъ и здѣсь о = слов. з — *pełny, hordy, trostka*, нижнелужицкое—обыкновенно *e, ja: pełny giardy* (хотя, несомнѣнно, въ древнѣйшую пору *el* напр. замѣчалось *ol*) т. е. идетъ въ согласіе съ польской вокализацией (см. ниже). Так. обр. полную русскую вокализацию мы видимъ въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ нарѣчій сѣверозапада—верхнелужицкомъ, и это согласіе не позволяетъ и мысли о двупорядковой классификаціи. Но какъ въ небольшой области верхнелужицкаго нарѣчія при общемъ господствѣ о бытуетъ, діалектическая вариация *e* — въ говорѣ мужаковскомъ (граница между верхнимъ и нижнимъ): *moč = meč*¹⁾; такъ точно

Какъ у сръбскихъ
сербовъ все
то жъ и у насъ
задржало и у
милочанъ
а у сръб. на Балт.
на, и т. д.
у дуцкихъ о = а

¹⁾ См. «Časopis tow. Mač. serbsk». 1869.

и въ массѣ славянскихъ нарѣчій есть такія, гдѣ $x = e$, гдѣ работаль тотъ же духъ діалектизаціи, который обусловиль уклоненіе мужаковскаго говора отъ типа лужицкихъ нарѣчій. Т. е. отношеніе чешскаго или польскаго языка къ русскому съ точки зрѣнія x есть отношеніе діалекта къ своему языку.

Но въ то же время
тоже самое
то же самое
то же самое

Въ языкѣ или нарѣчіяхъ вымершихъ славянъ Германіи x отвѣчалъ звукъ o или o съ нѣскольکو глухимъ отгвнкомъ, сближавшимъ его съ a (какъ въ южносербскомъ): *doost, doast, dást. wauk* изъ *volk*¹⁾, т. е. языкъ той же «ляшской» или польской вѣтви отстуетъ отъ своего рода-племени и втораго порядка и идетъ въ чужой огородъ — русскій или перваго порядка.

Так. образомъ, хотя на основаніи двойной судьбы звука x и можно бы было подмѣтить въ славянскихъ нарѣчіяхъ два типа языка — типъ o и типъ e , но это дуалистическая классификація была бы совсѣмъ не та, что препоручается дуалистами — классификація на вѣтви юго-восточную и сѣверо-западную: ибо группировка нарѣчій съ точки зрѣнія x были бы совершенно иная, чѣмъ напр. съ точки зрѣнія *l epentheticum*, такъ какъ указываемые обыкновенно признаки различія и сходства внутренней, причиной связи между собою не имѣютъ, и каждый признакъ можетъ и даетъ свою дуалистическую группировку. Если же многообразіе группировокъ есть фактъ современнаго отношенія славянскихъ нарѣчій и есть необходимое законное слѣдствіе ихъ историческихъ судебъ (оно можетъ быть страннымъ лишь при механическомъ взглядѣ на жизнь славянскихъ нарѣчій по идеалу родословнаго древа), то ясно, что мечтать о разсѣченіи единаго славянскаго тѣла на двѣ полсти нельзя. Но это многообразіе сейчасъ же приводится къ единству, коль скоро разнообразіе взаимныхъ отношеній мы поймемъ какъ результатъ неодинаковости историческихъ измѣненій на разныхъ пунктахъ нѣкогда единой

¹⁾ Pfuhl «Čas Mác. serbsk.» 1864. 164. 171. ср. у насъ ниже.

славянской территорій, *единого* славянскаго тѣла, а въ основу классификаціи поставимъ принципъ большей или меньшей консервативности, большей или меньшей способности къ измѣняемости тѣхъ частей славянскаго тѣла, на почвѣ которыхъ выросли славянскія нарѣчія, какъ ихъ знаетъ наука.

Сочетаніе зубныхъ съ небнымъ j: t, d, + j. Съ сочетаніемъ $t + j$ я соединяю сочетанія горт. $k, g, x + t$, такъ какъ измѣненія сочетаній обоого рода въ ихъ послѣдней стадіи тождественны въ каждомъ изъ славянскихъ нарѣчій. Я не вхожу въ разсмотрѣніе причины совпаданія столь различныхъ сочетаній какъ $t + j$ и $k, g, x + t$, и констатирую его какъ фактъ ¹⁾.

Сочетаніе tj въ славянскихъ нарѣчіяхъ даетъ слѣд. серію формъ:

щ (т. е. *шч*) въ старословенскомъ: *сѣща. мѣщѣ.*

шт (изъ *шч*, какъ показываетъ наприм. исторія чешскаго языка—современному, съ XV стол., *št* отвѣчаетъ старое *šc*: *ještě = ješče*; въ нарѣчіяхъ чешскаго языка доселѣ еще *šc*) въ болгарскомъ (восточномъ) и дако-славянскомъ (см. ниже).

нь (т. е. *kj, k'*) въ болгарскомъ (западномъ, македонскомъ), отчасти сербскомъ (на югозападѣ), но особенно въ старосербскомъ;

ть (т. е. *t'*) въ болгарскомъ (македонскомъ), отчасти сербскомъ (Босна);

ѣ (т. е. мягкое *ч* или *тьч*) въ сербскомъ и отчасти болгарскомъ;

ч въ кайкавскомъ, словенскомъ, русскомъ;

с въ польскомъ, чешскомъ, отчасти русскомъ (бѣлорусскомъ) и сербскомъ ²⁾, обоихъ лужицкихъ и полабскомъ (и вообще въ языкѣ славянъ прибалтійскихъ).

Столь же многочисленную серію формъ даетъ и сочетаніе *dj*:

¹⁾ Объясненіе, предложенное г. Даничичемъ нѣсколько искусственно; но пока можно остановиться и на немъ. (*ñ i ĵ u istoriji slovenskih jezika* въ современномъ изданіи Загребской Академіи наукъ «Rad» I. 119).

²⁾ Именно въ чакавскомъ у Рѣши *ñ = ц: хоцу. Караджийѣ «Српске народне пословице»* Веч. 1849. XXXI. примѣч.

*сѣща
сѣща
сѣща*

мѣта ^{дон.}
 мѣта ^{срѣ.}
 мѣта ^{ч.}
 мѣта ^{срѣ. и рус.}
 мѣта ^{срѣ.}

жд въ старословенскомъ, болгарскомъ (востокъ), отч. сербскомъ.
 ъ въ болгарскомъ (македонскомъ) и старосербскомъ.

Ђ (т. е. *дж* или *дж'* = итл. *giorno*) въ сербскомъ и отчасти въ македонско-болгарскомъ, кайкавскомъ и старословенскомъ (gl. sloz. assem. и др.)

ј въ кайкавскомъ, словенскомъ, отчасти въ чаковскомъ.

ж въ русскомъ и отчасти въ болгарскомъ, сербскомъ и старословенскомъ (gl. sloz. Срезн. 203).

дж въ русскомъ нарѣчїи Карпатъ, Черной Руси, бѣлорусскомъ и отчасти въ черногорскомъ ¹⁾.

dz, dz въ польскомъ верхнелужицкомъ, словацкомъ и отчасти въ болгарскомъ (макед.) чававскомъ ²⁾ и бѣлорусскомъ.

z, z въ чешскомъ, верхнелужицкомъ, нижнелужицкомъ ³⁾, отчасти старословенскомъ (*розьство*. gl. sloz. Срезн. 203) и малорусскомъ (*розьство*).

Обративъ вниманіе, что въ языкахъ т. наз. юговосточной вѣтви оба праславянскія сочетанія *t*, *d+j* выражаются главнымъ образомъ шипящимъ звукомъ—будетъ ли это сложный звукъ или сочетаніе—*ц*, *шт*, *ѣ*, *ч*, *жд*, *ђ*, *ж*, *дж*, а въ сѣверо-западной свистящимъ—*с*, *dz*, *z*, естественно приняти къ заключенію, что неодинаковая судьба нѣкогда одного сочетанія, но такъ, что измѣненіе его съ одной стороны сближаетъ между собой нарѣчїя юговостока, съ другой—сѣверозапада, есть новое достаточное основаніе для принятія двухъ основныхъ токовъ въ исторїи славянскихъ нарѣчїй, двухъ основныхъ вѣтвей, а потому двухъ порядковъ. Дѣйствительно, это основаніе было принято Добровскимъ (пятый признакъ). Но болѣе частное, болѣе мелкое разсмотрѣніе

¹⁾ *Потебня* «О звуковыхъ особенностяхъ рус. нарѣчїй» отг. ст. 71. *Житецкій* «Очеркъ звуковой исторїи малорус. нарѣчїя» 306. Мой перв. отчетъ въ «Зап. Нов. Ун.» р. XVIII. 43—233. *Вук* «Рѣчникъ» в. ч. *срджба*.

²⁾ *Караджичъ* «Пословице». XXXI. Польское *dz* теперь почти какъ сербское *ђ*; верхнелужицкій языкъ имѣетъ собственно *dž* серб. *ђ*; но оно изъ *dz*.

³⁾ *Pfuhl* «Laut-und Formenlehre» р. 16. *hosроза. howjazy*. Нижнелужицкое *ž* = почти *ж* изъ *z*, *dz*.

представительства доисторических сочетаний *tj*, *dj* в славянских нарѣчіяхъ показываетъ, что свистящая форма знакома юговостоку (*ц*, *дз* в чакавскомъ діалектѣ и бѣлорусскомъ нарѣчіи), что нерѣдко рядъ формъ, а не одна, представляетъ каждое изъ сочетаній *tj*, *dj* въ области одного и того же языка, или, что тоже, одинъ языкъ владѣетъ нѣсколькими формами, такъ что измѣненіе соч. *tj*, *dj* не можетъ служить отличительной чертой даже отдѣльно взятаго славянскаго нарѣчія, по крайней мѣрѣ, если мы не преслѣдуемъ цѣлей практическихъ. Мало того, какъ показываетъ чакавскій вариантъ сербскаго языка (въ большинствѣ случаевъ), еще болѣе — кайкавскій — извѣстное нарѣчіе или языкъ формой сочетанія *tj* можетъ относиться къ одному типу, — сочетанія *dj* къ другому.

Если так. обр. съ точки зрѣнія сочетаній *tj*, *dj* нарѣчія т. наз. юговостока переплетаются съ нарѣчіями запада, если вмѣсто устанавливаемаго теоріей однообразія мы видимъ фактическое разнообразіе въ каждомъ изъ предполагаемыхъ двухъ основныхъ стволовъ или вѣтвей славянства; то, очевидно, двупорядковой классификаціи не отвѣчаетъ дѣйствительное состояніе славянскихъ нарѣчій, ихъ взаимныя отношенія не оправдываютъ ее. И здѣсь, какъ и въ моментахъ, разсмотрѣнныхъ выше, жизнь не знаетъ тѣхъ условій, которыя навязываются ей теоріей: родословное древо переходитъ въ область свободныхъ предположеній.

Если двупорядковая классификація не уясняетъ взаимныхъ отношеній славянскихъ нарѣчій съ точки зрѣнія соч. *tj*, *dj*, то спрашивается, какъ понять разницу и сходство, предлагаемыя нарѣчіями въ переработкѣ первичныхъ, праславянскихъ сочетаній зубныхъ съ небнымъ *j*?

Вопросъ этотъ подвергся уже критикѣ въ извѣстной монографіи знаменитаго сербскаго слависта Ю. Даничича: «О Ъ, Ѓ въ исторіи славянскихъ языковъ» («Rad» I. 1867 г. см. выше). Остановимся на ней, чтобы видѣть, что можетъ дать генезисъ славянскихъ представителей протѣническихъ сочетаній *tj*, *dj* для пониманія взаимныхъ отношеній славянскихъ нарѣчій, от-

ношеній, которыя не опредѣляются теорією дуализма и выведеннымъ изъ нея родословнымъ древомъ.

Даничичъ, задавшись мыслью опредѣлить генезисъ славянскихъ нарѣчій изъ наличныхъ формъ первичныхъ сочетаній *tj, dj*, выходитъ изъ основнаго положенія, что современныя сербскія формы этихъ сочетаній: *ћ, ђ* тождественны праславянскимъ *tj, dj*, т. е. сербскій языкъ стоитъ въ этомъ случаѣ на ступени общеславянской; его формы *ћ, ђ* основныя формы, и онъ самъ—основной языкъ. Второе положеніе Даничича: въ исторіи славянскихъ нарѣчій звуки *c, z, s, z* абсолютно старше соответствующихъ имъ шипящихъ *ш, ж, щ, ж*. Выйдя изъ этихъ положеній, Даничичъ составилъ проектъ новаго, «генетическаго» размѣщенія слав. нарѣчій: въ неодинаковости отношеній ихъ къ сочетаніямъ *tj, dj* онъ попытался указать внутреннюю связь ихъ историческихъ путей.

Изъ праславянскихъ сочетаній *tj, dj*, сохранившихся неприкосновенно въ сербскихъ *ћ* и *ђ*, путемъ постепенной асибиляціи небнаго *j* въ *s* и *z* развились формы *ts, dz* или *c, z*, на каковой ступени стоятъ нарѣчія чешское и польское, и наконецъ чрезъ отвердѣніе *s, z* образовались формы *tš, dž* или *ч, ж* (дж), составляющія принадлежность русскаго языка. Другими словами, въ исторіи образованія славянскихъ нарѣчій фаза русскаго языка самая новая; она предполагаетъ для своего образованія фазу чешскаго или польскаго языка, а эта послѣдняя фазу древнѣйшую—общеславянскую, фазу сербскаго языка. Ходъ генезиса славянскихъ нарѣчій былъ бы слѣдующій: изъ общеславянскаго языка выдѣлилась вѣтвь чешско-польско-русская, между тѣмъ какъ основной языкъ продолжался въ нарѣчій, что мы называемъ сербскимъ ¹⁾, а уже изъ вѣтви чешско-польско-русской отдѣлилась вѣтвь русская, между тѣмъ какъ вторая главная вѣтвь продолжала жить въ нарѣчій чешско-польскомъ, и т. д. Так. образ. родословное древо Шафарика или Шлейхера оста-

¹⁾ Для меня слова: *сербскій, хорватскій* тождественны, ибо выражаютъ одно и то же этнографическое понятіе. Разница является, когда мы станемъ на точку зрѣнія исторіи, культуры. Такъ понимаютъ и сами хорваты.

лось и у Даничича, только развѣтвленію его дано иное направ-
леніе ¹⁾).

Дѣйствительно-ли сербскій языкъ съ точки зрѣнія сочетаній *tj, dj*
есть общеславянскій — изъ свѣдой старины, а русскій — пленецъ,
вчера еще только что оперившійся. Дѣйствительно ли хроноло-
гическая пропасть лежитъ между сербскимъ и русскимъ языками?
Дѣйствительно-ли, польскій и чешскій языки на ступени болѣе
древней, чѣмъ русскій?

Разсмотримъ основанія проекта Даничича: 1) Ъ, Ѣ = пра-
слав. *tj, dj*; 2) изъ зап. слав. *c (ts), z (dz)* пошло рус. *ч (ts),*
ж (dz).

1) Вглядѣвшись въ природу Ъ и Ѣ, я не могу признать ихъ эквивалентами праславянскихъ сочетаній *tj, dj*. и слышатъ и не
интересно!

а) Ъ. Что слышится въ Ъ, когда сербъ произноситъ свое
плаѢа, сејеѢа? Слышится звукъ, нѣсколько трудно схватываемый,
мѣняющійся болѣе или менѣе съ лицомъ, но тѣмъ не менѣе въ
немъ звучитъ т. ск. нота звука *ч*; *ч* окрашиваетъ Ъ; Ъ =
рус. *ч*, но болѣе мягкаго, болѣе нѣжнаго выговора. О близости
ч и Ъ говорить и взглядъ самаго народа. Въ хорватскомъ при-
морьѣ—у Сеня и Рѣки (*Zengg, Fiume*), при «мазураваньи»
тамошнихъ хорватовъ, оба звука — *ч* и Ъ даютъ одинъ и тотъ
же звукъ *ч*, напр. *хоуу* ²⁾: отъ тождественности слѣдствій есте-
ственно заключать, по крайней мѣрѣ, къ особенной близости ос-
нованій *ч* и Ъ. Обратимся къ сербамъ Венгріи—Баната, Бачки: у
нихъ Ъ перешло въ *ч*. Ср. Вук «Рјечникъ» *врчати, врнчати*. Произно-
шеніе это сербу княжества справедливо кажется нѣск. грубымъ. Въ
Бѣлградѣ я не разъ слышалъ насмѣшки надъ бачаниномъ по поводу Ъ.

Правописаніе итальянское Далмаціи — *ch*, гдѣ теперь *с*,
говоритъ о той же звуковой близости Ъ и *ч*: у сосѣднихъ кай-

¹⁾ Если сербская форма есть обще- или праславянская, если сербскій
языкъ поглощаетъ т. обр. собой понятіе праславянскаго, то мнѣ не вполне
ясно, какимъ образомъ можетъ быть рѣчь о выдѣленіи сербскаго изъ обще-
славянскаго: «а odatle izlazi da se ot zajedničkoga jezika slovenskog, koji je
ostao po što se naš odvojo od njega» и т. д. («Rad.» I. 121. 22).

²⁾ Караджичъ «Пословице». XXXI прим.

кавецъ и словенцевъ тоже *ch = č*, напр. у Габделича: *serchem* — *securro*, *шечу*.

Остановимся на мѣнѣ *šč* и *št* т. е. *ћ* и *т* (въ корнѣ или въ окончаніи) въ хорватскихъ словахъ: *šćuka* — *štuka*, *plašč* = *plاشت* (изъ плахта), *igrišće* = *igrіште* (основная форма *igrisko*, какъ въ польскомъ и карпаторусскомъ)¹⁾. Начнемъ съ послѣд-
няго слова. Если основная форма суффикса — *isko* (а это внѣ сомнѣнія), то при измѣненіи (јотациі) *o* на *e*, *k*, встрѣтившись съ *jo* или *e*, могло дать лишь *č* (č), т. е. *isko* = *išće*, *išće*; но въ хорватскомъ мы имѣемъ вм. *išće*, *išće* — мѣна *č* на *ć* (*ч* на *ћ*) мыслима лишь при всегда сознаваемой близости обоихъ звуковъ. Что касается второй формы того же суффикса — *ште*, то, какъ показываетъ историческое движеніе славянскаго консонантизма, *št* предполагаетъ для своего образованія *št*, *šč*. Этимологически необходимое *шч* даетъ въ древнѣйшихъ старословенскихъ памятникахъ *шт*: *штлдиѣ* при *шцлдиѣ* въ Остромирѣ, *штезикти* вм. *иза(ис)чезикти* въ глаголитѣ клоцѣвой; само начертаніе *щ* указываетъ, кажется, свои составныя части: *ш* и *у*, т. е. что въ рѣчи изобрѣтателя кириллицы слышались звуки *ш*, + *ч*, гдѣ позже *шт*. Ср. описки въ пражскихъ глагольскихъ отрывкахъ *шч* вм. *щ*: *шчедроты* (*Срезн.* «Глаг. пам.» 53). Еще яснѣе изъ начертанія *ščz* старочешскихъ памятниковъ: около XV вѣка оно переходитъ въ *шт*, т. е. *šč* въ *št*²⁾. Даже въ болгарскомъ языкѣ, для котораго *шт* — излюбленная форма, есть консервативные говоры во Фракии съ *шч* вм. *шт*³⁾. Если допустимъ, что *išće* развилось изъ *išč'e*, т. е. послѣ того какъ *č* (изъ *kj*) перешло въ *c'*, то результатъ одинъ: *c'*, *ћ* близко къ *č*, *ч*.

Обратимся къ словамъ: *šč'uka*, *plašč'*. Какъ показываетъ сравненіе современнаго чешскаго языка съ старымъ, формы —

¹⁾ *Mažuranić* «Slovník hrvatska» § 61.⁵

²⁾ Ср. мой второй отчетъ въ «Зап. Имп. Нов. Ун.» XX. 3—81 и др. *zadosciemi*, *zadosciemi* въ *Passional'ъ Mus.* XIII—XIV в. р. 348. 468 и др.

³⁾ Ср. пѣсни Миладиновцевъ, Верковича и Дринова («Период. списаніе» кн. XI):

šuka, plaši, развились изъ формъ: *ščuka, plašč* — сочетаніе *tj* эпохи исторической не имѣетъ ничего общаго съ онимъ эпохи доисторической: ибо *tj* въ *plašč* изъ * *plastja* даетъ *č*, какъ въ русскомъ, а не *c*, какъ мы бы ожидали. Если же *tj* въ *plaši* давало *č* въ чешскомъ, то въ виду несомнѣннаго перехода *č* въ *c'* въ окончаніи *isc'e* изъ *iskjo*, естественно заключать, что и въ сербскомъ языкѣ сочетаніе *tj*, въ основной формѣ словъ какъ *plašc'*, сначала дало *č*, а уже позже это *č* перешло въ *c'*, Ъ. Мы получаемъ старый выводъ: *c'*, Ъ близко къ *č*, *ч*, можетъ быть даже разсматриваемо, какъ его вариация, можетъ предполагать для себя древнѣйшее *č*, *ч*.

Если такъ образомъ серб. Ъ близко и въ произношеніи, и въ пониманіи народа къ русскому *ч*, такъ что оба звука могутъ взаимно мѣняться; если Ъ въ одномъ случаѣ предполагаетъ древнѣйшій звукъ *ч*, какъ свою исходную точку, въ другомъ—подобное предположеніе не невозможно; то необходимо слѣдуетъ тотъ простой выводъ, что Ъ, *c'* не имѣетъ ничего общаго съ проэтноическимъ славянскимъ сочетаніемъ *tj*; съ другой стороны, что между нимъ и соответствующей русской формой (*ч*) нѣтъ пропасти; и что Ъ можно даже понимать какъ своеобразное, позднѣйшее видоизмѣненіе *ч*.

Въ виду этихъ данныхъ, первое основное положеніе Даничича—сербское Ъ=праславянскому *tj*, сербскій языкъ стоитъ на ступени праславянской, есть базисъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, я не могу считать вѣрнымъ. А сомнительно основаніе, сомнителенъ и выводъ—постройка генезиса славянскихъ нарѣчій—Даничичево родословное древо.

Но если я утверждаю, что Ъ есть звукъ *ч*, съ легкой вариацией, что его можно, а, можетъ быть, и должно, выводить изъ *ч*, то этимъ я не отрицаю возможности звуковаго совпаденія современнаго сербскаго Ъ и праславянскаго *tj*, но совпаденія *случайнаго*—въ діалектахъ. Слишкомъ извѣстны случаи, когда языкъ фазы самой новой повторлетъ у себя явленія самой ранней доисторической жизни: таково сербское *a* изъ *z*, сближающее серб-

скій языкъ съ санскритомъ (сан=*svapnas*); таково неударяемое великорусское о на югѣ, того-же значенія.

Дѣйствительно, въ діалектическихъ сербскихъ представителяхъ основнаго соч. *tj* есть и *tj*, *ть*, и главнымъ образомъ въ Боснѣ: напр. *kerštjenje, bratjo, smertju, razkèrštje* вм. *krišćenje, браћо* и пр. ¹⁾, хотя *tj* не исключаетъ и Ъ: «*ja bi ići ako bi nedoci*» ²⁾. Хорватскій письменный языкъ, какъ и боснійскій говоръ, отступаютъ отъ сербскаго въ употребленіи *tj* вм. *ć=Ъ*: *bratja, vratjati*, кажется, подъ влиянемъ народной вайкавской рѣчи: *cvetja, listja*. Но кромѣ *tj* есть еще вариантъ *kj*—и также на западѣ: въ грамотахъ сербскихъ, съ самаго ранняго времени, *къ* есть постоянный замѣститель Ъ—*хокю*, имена на *икъ*; греч. *проиха* дало *прикиа*, теперь *прѣија*. Формы *ti* и *kj* при Ъ, въ соотвѣтствіе русскому *ч*, *ть*, знаетъ и болгарскій языкъ въ своемъ македонскомъ нарѣчьи, но съ тою разницею отъ сербскаго языка, что въ немъ свободно, въ устахъ одного и тогоже человѣка, слышится то *tj*, то *kj*: *хокју, хотју; цвекје, цветје* (см. пѣсни Верковича, Миладиновцевъ, изъ сборника Каранова въ моей «Запискѣ о путеш. по слав. земляхъ» р. 44. Ср. «Мене болень, сестро, *гледаеки*, или дворѣ, сестро, *метееки*» Милад р. 242). При незамѣтномъ переходѣ болгарскаго языка въ сербскій въ Старой Сербіи (Ипекъ=ПеѢ)—жизнь не знаетъ демаркаціонныхъ линій—намъ понятно, почему современное болгарское *kj* встрѣчается въ грамотахъ Дубровника и вообще старыхъ грамотахъ сербскихъ ³⁾, такъ какъ центръ исторической жизни сербовъ было время—южная, пограничная съ Македоніей Сербія.

¹⁾ *Jukić* «Narodne pjesme bosanske» Osiek. 1858. 41, 53, 58.

²⁾ *ib.* 53. Въ нѣкоторыхъ говорахъ велико-русскихъ *ч* въ *ть* при тѣхъ же условіяхъ, какъ въ сербскомъ Ъ въ *tj*: *ноть* (Штебля «О звуковыхъ особенностяхъ рус. яз.» отд. стр. 90).

³⁾ *Šafařík* «Pamätky». *Mitlosich* «Monumenta Serbica». Отмѣтимъ выраженіе дубровн. грам. 1419: «кнезу Радичу Стѣиковициемъ», гдѣ *ч* вм. *kj* Тоже *kj* (=к) мы встрѣчаемъ даже въ памятникахъ латинскихъ Далмаціи, *Vekenege, Vekemir, Vecemiro, Vilikiri* (*Kukulević* «Codex diplomaticus» I. 1066. 1070, 72, 77 г. р. 125, 136, 141, 144, 177, 174 и др. Ср. *Šafařík* «Geschichte der südslawischen Literatur» III' p. 154.

1) Ясно поэтому, въ виду указаній македонскаго нарѣчія, что старыхъ грамотъ не есть придуманная писцами формула для выраженія-де сербскаго Ъ, а истинный выразитель живаго явленія языка.

Итакъ же то и в... да же а в ба е в м и с в о м и н а с а м и н а м и т о л с т о р с т а н о в о и т ъ у в н о у м а м -

2) Взаимная свободная мѣна *tj* и *kj* не ограничивается южными нарѣчіями: она болѣе или менѣе извѣстна на цѣлой территории славянства, и имѣетъ потому общее физиологическое основаніе. Въ нижней Краинѣ: *kej=tej*, *kejdan=tejdán*; въ старословенскомъ: *блѣстьти* вм. *блѣскѣти*; loc. sing., nom. pl. adj. masc. и др.: *ioудействѣмъ*,—*тѣи* вм. *скѣмъ*, *скѣи*; въ фрейзингенскихъ отрывкахъ: *choku*, *prigemlioki*, *criskeni* (=крескѣни); въ чешскомъ—*slovenšti*, но въ словацкомъ еще *-skti*; въ прибалтійскомъ (полабскомъ): *tjaurín*—корень, *tjaurepótka*—куропатка; *skiona*=стѣна; въ русскомъ (въ Карпатахъ—бойки): *kjesko*. *kisto*=тѣсто¹⁾.

Итакъ же то и в... да же а в ба е в м и с в о м и н а с а м и н а м и т о л с т о р с т а н о в о и т ъ у в н о у м а м -

сурр...

3) Итакъ, *tj*, *тѣ* при обычномъ *ѣ*, Ъ есть только вариантъ, находящій сочувственный отголосокъ и внѣ области сербскаго языка. Степень же сербскаго языка въ исторіи развитія первоначальной группы *tj* есть ступень, если не тождественная, то болѣе чѣмъ близкая ступени русскаго языка: *ч=tš*, Ъ=*tš'*. Допустимъ ли, что *ч* (*tš*) изъ Ъ (*tš'*), по аналогіи чеш. *však* изъ *všiak*, или наоборотъ (что справедливѣе по моему мнѣнію, въ виду общераспространенности измѣненія *tj* въ *ч*—оно въ чешскомъ вм. *с* въ словахъ: *plašč*, *radoščati*, и одиночности сербскаго Ъ въ тѣхъ же случаяхъ) Ъ есть вариация *ч*, оба эти звука — *ч* и Ъ нельзя развести; они явленія одного порядка; межъ ними нѣтъ пропасти²⁾. Ставь на эту точку зрѣнія, антагонизмъ въ

Итакъ же то и в... да же а в ба е в м и с в о м и н а с а м и н а м и т о л с т о р с т а н о в о и т ъ у в н о у м а м -

Итакъ же то и в... да же а в ба е в м и с в о м и н а с а м и н а м и т о л с т о р с т а н о в о и т ъ у в н о у м а м -

¹⁾ Metelko, «Lehrgebäude der slov. Sprache» p. 11. въ нижней Краинѣ. Hattala «Slovenska mluvnica» § 163. Pfuhi, памятники полабскаго языка въ «Časopisu tovarštva Mašicy serbskeje.» 1869. 181. 171. Wahlewicz въ «Čas. Muz. král. českého» 1840. 50. Головацкий «Росправа о языкѣ южнорусскомъ» p. 71. 72.

²⁾ Проф. Ягичъ говоритъ: «Ѣ состоитъ изъ *ts* или, по болѣе грубому вайдавскому выговору, изъ *tš*» «Grammatika hervatska» p. 67; но *tš* = *ч*, слѣд. Ъ = *ѣ*, *ч*.

и у тѣ = и у тѣ = и тѣ.
ду тѣ = ду тѣ = ду тѣ

и тѣ = и тѣ = и тѣ
идѣ = и дѣ
срѣта = срѣта срѣтан = срѣтан аси
срѣд.
срѣст
и тѣ = и тѣ = и тѣ

кратка = кратк
кратка = кратк
кратка = кратк-еи

кратко = кратко
кратко

История развития сочетания *tj*, являющийся между сербским языком и его кайкавским наречием, исчезает, и искусственное примирение его, предложенное Даничичем, становится напрасным¹⁾: серб. *ћ* = кайкав. *ѣ* = рус. *ч*.

меджа
межа
меджа межа
визжа
вратан
горже = Горже
фавес
фавес
форе

б) *ћ*. Какъ *ћ* примыкаетъ тѣснымъ образомъ къ категоріи звука *ч*, такъ и сербская форма начального слав. сочетанія *dj* не только столь же тѣсно сближается съ русской формой той-же группы (*дж—ж*), но необходимо предполагаетъ ее, какъ такую, для своего образованія.

Въ нормальномъ сербскомъ языкѣ *ћ* звучитъ, какъ первый звукъ первого слога въ итальянскомъ словѣ *giorno* (изъ *diurnum*), т. е. въ немъ слышится мягкое *ж* съ предшествующимъ *д*, но оба звука сливаются въ *однопріемное гармоническое цѣлое*: *мећа* = *меджа*'а. Понятно, есть разница въ произношеніи *dj* и *ћ*.

Что *ћ* есть своеобразное произношеніе комплекса *дж*, говоритъ пониманіе народа.

Турецкія слова съ *dž* то остаются съ тѣмъ же сочетаніемъ, то мѣняютъ грубое *dž* на мягкое *ћ*; въ Боснѣ: *odžak*, *giemie*, *bukagie*²⁾. Наоборотъ, у черногорцевъ *дж*. вм. *ћ*: *срджаба*. L

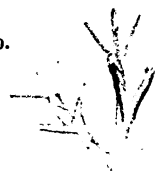
Въ наречіи Сениа и Рѣки въ соотвѣтствіе переходу *ч*, *ћ* въ *ч*, *дж* и *ћ* мѣняются на *дз* (или *дц*): *додзи* вм. *доћи*³⁾.

Если же *дж* и *ћ* взаимно мѣняются, если они могутъ давать одинъ и тотъ же звукъ, при извѣстномъ физиологическомъ измѣненіи голосоваго органа, то, очевидно, и въ пониманіи на-

¹⁾ «Я не сказалъ ни слова—говорить знаменитый славистъ—при этомъ дѣленіи объ языкѣ наиболее близкихъ къ намъ словенцевъ. Изъ того, что онъ не мѣняетъ *j* послѣ *d*, какъ поступаетъ и нашъ языкъ, но только теряетъ *d* (см. выше), съ другой стороны имѣетъ *ѣ* изъ *tj*, какъ русскій, я полагаю, выходитъ тотъ результатъ, что онъ былъ той вѣтвью на общемъ стволѣ языковъ славянскихъ, на которой былъ и нашъ языкъ, но эта вѣтвь, послѣ того какъ нашъ языкъ отдѣлился, осталось на стволѣ до послѣдняго (=русскаго) дѣленія.» («Рад.» I. 122). Образъ этотъ и отношенія частей его для меня туманны.

²⁾ Jukić «Вос. рјезме». 56, 54.
³⁾ Караджичъ «Пословице» XXXI. пр.

срджаба = срджа
срджаба = срджа

2 bozde = 2 denat
2 bozje
2 bozija
2 bozije

из
иза
ложѣ
ложѣ

рода они величины, сближающіяся до тождества. Наконецъ, форма *ж* в. *Ѣ* въ *ложѣ*, *ложѣ*, *ложѣ*, *ложѣ*, *ложѣ* прямо относятся *Ѣ* къ черногор. *дж*, какъ ея исходной точкѣ.

Но если *Ѣ*, какъ = *дж'*, не имѣетъ ничего общаго съ праславянскимъ соч. *dj*, то тѣмъ не менѣе есть говоры, гдѣ сербскому *Ѣ* отвѣчаетъ *dj*. Въ Воевѣ (ссылаюсь на собраніе пѣсенъ Юкича) нѣрѣдко *dj* в. сербскаго *Ѣ*, а для послѣдняго звука у Юкича начертаніе *gj*: *djevojka*, *dievoika*, *pokalugjerio* (стр. 64 и др.) Ср. Вуковъ «Рѣчникъ» s. v. *rodjak*. Но *dj* легко можетъ смѣшиваться съ *tj*, почему понятно, что въ старыхъ сербскихъ грамотахъ *Ѣ* означаетъ и *tj*, и *dj*¹⁾. Мало того: *dj* также легко мѣняется съ *gj*, какъ *tj* съ *kj*; отсюда въ восточныхъ краяхъ Черногоріи говорится напр. *ге* в. *Ѣе*²⁾. Эта мѣна объясняетъ намъ значеніе *ъ* (*uj*) въ старосербскихъ грамотахъ: *мею*, *соуенне* и пр., гдѣ въ нынѣшнемъ сербскомъ *Ѣ*; въ нихъ *ъ* (*uj*) — соответствуетъ *kj* = *Ѣ* (тамъ же). Сопоставивъ черногорское *uj* и *uj* грамотъ, ясно, что это *uj* грамотъ выражало настоящее произношеніе, а не было пустой формулой для сербскаго *Ѣ*. Спустимся внизъ на югъ—отъ Старой Сербіи въ Македонію, и въ языкѣ македонскихъ болгаръ мы и въ настоящую минуту видимъ свободное употребленіе въ устахъ одного и того человѣка—то *dj*, то *uj*, даже *Ѣ*, не говоря о другихъ формахъ, болѣе рѣдкихъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Примѣры въ собраніяхъ Верковича и др. Ср. мою «Записку»³⁾. Такъ обр. македонское нарѣчіе, представляя цѣлый рядъ формъ для основнаго *dj*, повторяющихся и въ области сербскаго языка—хотя и не столь свободно, опредѣляетъ значеніе сербскаго *dj*, какъ побочной, діалектической формы, такъ какъ основно-болгарская форма для сочетанія *dj* есть *жд* или *жс* (изъ *дж*).

devojka.
гоже-Троріи
Гура-Тигра
Гонан-Гунан
fel
de
ive
ze

иже жда

¹⁾ Jagić «Gram.» § 48 въ концѣ. См. Miklosich «Monum. serbica».

²⁾ Караджичъ «Пословице» XXXII.

³⁾ Русскому языку не безызвѣстенъ переходъ *uj* въ *dj*: «Глаго въ лжѣѣ бо въ дрлздѣ съмрътънѣи» Евгеніева Псалтырь XI в. Срезневскій «Пам. р. пис.» 155. Въ Ипатьевской летописи подъ 6.64 год.: «Гюри поиде къ Къневѣ. и приа и князь Дюри».

на основе выводов из предыдущих глав

Итакъ, въ виду сказаннаго о серб. звукахъ Ъ и Ы я не нахожу достаточныхъ основаній для того, чтобы видѣть въ сербскихъ представителяхъ праславянскихъ сочетаній *tj, dj* отголосокъ глубокой старины — отголосокъ изъ протнического состоянія нынѣшнихъ славянскихъ языковъ, когда не было ни чеха, ни леха, и видѣть въ исторіи сербскаго и русскаго консонантизма разницу основной формы и ея самой поздней передѣлки. Сами собою ясны тѣ отрицательныя слѣдствія, которыя вытекаютъ отсюда для «генетическаго» родословнаго древа Даничича.

2) Обратимся ко второй аксіомѣ Даничича: *ч, ж* изъ *с, з*, т. е. ступень русскаго языка предполагаетъ напр. ступень польскаго: *ч = tš* изъ *ц = ts*; *ж = dš* изъ *з = ds*.

Даничичъ обосновываетъ свое положеніе указаніемъ, что въ исторіи любого языка арійской семьи шп. *š* (а онъ второй элементъ въ консонантномъ дифтонѣ *ч, ж*) предполагаетъ свист. *s*, что только *s* является въ корняхъ, что въ исторіи формъ славянскихъ языковъ шипящее *š* опредѣляется «часто» древнѣйшимъ *ś* (Rad. I. 121). Указанія вѣрны: вспомнимъ напр. литов. part. p. act. *kėręs* и сл. *пекз*, тема *пекзи*; чешск. склоненіе мѣст. *vesь: všeho* и пр. Но явленіе, наблюдаемое какъ въ исторіи начальнаго фонетическаго развитія — выработки звуковаго разнообразія, такъ и въ позднѣйшей исторіи группы или одного языка, не есть безусловно-необходимое вездѣ и всегда, не исключаетъ возможности явленія прямо противоположнаго: развитія свистящаго звука изъ шипящаго.

Дѣйствительно, въ той самой группѣ слав. нарѣчій, которая имѣетъ свистящаго представителя для праформъ *tj, dj* въ соответствіе русскому шипящему, главнымъ образомъ извѣстенъ и переходъ шипящихъ въ свистящія: *cas, zona, piše*. Для краткости, это явленіе я назвалъ *мазураканьемъ*, по имени племени, которое особенно привязано къ свисту (см. мой «первый отчетъ»). Оно имѣетъ мѣсто, помимо рѣчи мазуровъ, въ силезскомъ говорѣ, въ нижелужицкомъ нарѣчій, полабскомъ, отчасти въ словацкомъ (Нижній Тренчинъ. *Šembera* «Dialectologie» 70) и верхне.

лужицкомъ (*Šafařik* «*Národopis*» 103)¹⁾. Особнякомъ у болгаръ: *чюзди* (*Везсонов* «*Пѣсни*» II. 19. Ср. *Верковичъ*. р. 225. 247); у сербовъ (о Черногоріи см. выше) *чрн*, *чрлјен* при *чрн*, *чрлјен* у хорватовъ западныхъ комитатовъ Венгрии (*Wasserkroaten* см. Курелца «*Jaške pesme*»); даже въ старословенскомъ (*розыство* при *рожьство* въ *glag. sloz. цльстити. supr.*), сѣверновеликорусскомъ, въ древнемъ новгородскомъ (*ночь*). Т. е. съ теченіемъ времени въ группѣ языковъ, какъ и въ отдѣльномъ языкѣ, могутъ развиваться *свои* явленія, которыя могутъ совпадать съ приемами далекой старины, но могутъ и не совпадать. Переходъ свистящаго въ шипящій въ исторіи чешскаго языка въ такихъ выраженіяхъ, какъ *však* изъ *vsiak*, идетъ согласно съ приемомъ праязыка нашей арійской семьи, когда онъ измѣнялъ свое *s* въ корняхъ на *š*. Чешскій, словац., отчасти сербскій вокализмъ при *l*, *r* (*vllk*, *črn*) совершенно напоминаетъ санскритскій при тѣхъ же *l*, *r*²⁾ — тождественность слѣдствій при одинаковости причины; но и мысли не можетъ быть о какой либо генетической связи между ними; въ мазураканьѣ же славянскія нарѣчія предлагаютъ явленіе *своего рода*, идущее въ разрѣзъ съ приемомъ старины общеарійской. Это значить, ссылка на отношеніе *s* — *š* въ эпоху напр. формации фонетическаго состава арійскихъ языковъ не можетъ говорить ни за, ни противъ въ опредѣленіи генетической связи элементовъ *s* и *š* въ западно-славян. с т. е. *ts* и рус. ч т. е. *tš*: что рус. ч есть необходимо результатъ болѣе древняго *s*. Напротивъ, принявъ во вниманіе явленіе мазураканья, можно полагать, что и отношеніе между *ночь* и *нос* тоже, что между *čas* и *cas*, *žona* и *zona* — фактъ относит. поздней даты³⁾.

¹⁾ Въ говорѣ будышинскомъ *š* = *s*. *Pfuhl*. «*Lautlehre*». § 6. 10.

²⁾ Я разумю здѣсь т. назв. вокалы *l*, *r*. Известно кумованіе славянскихъ глухихъ формъ *vl*, *vr* подъ видомъ вокаловъ *l*, *r* съ вокалами санскрита. Говлакъ говоритъ прямо: «*A nos yeux cette voyelle (т. е. r) est organique et doit être prononcée à peu près comme le r vocal du croato-serbe*». А *Novelaque* «*Mémoire sur la primordialité et la prononciation du r vocal sanscrit*» (Paris 1872) р. 5. О повтореніи вазисовъ развитія—ср. замѣчанія Неуманна: «*Das l der indogerm. Sprachen*» (Weimar 1873) р. 3.

³⁾ Обратное явленіе—шипящія вм. свистящихъ—весьма спародически:

Переходъ шипящихъ въ свистящiе мы видимъ и внѣ славянскихъ нарѣчiй—въ языкахъ романскихъ. Такъ въ провансальскомъ нарѣчiи *Albu g'* или *j* обращаются въ *dz* или *ds*: *gentilka—dzantio*, *jorn—dsoun*. Тоже въ нарѣчiи лемузинскомъ: франц. *ch* (*š*)=*ts* (*c*): *charmer—tsarmá*; *sachez—sotsas*; *g'*, *j*=*dz*: *gage—gadze*, *jour—dzour* ¹⁾.

Если же есть возможность объяснять свистящiе изъ шипящихъ, не выводить безусловно послѣднiе изъ первыхъ, то въ виду того, что характеръ шипящаго звука носятъ представители протническихъ сочетанiй *tj*, *dj* въ языкѣ большинства славянъ ²⁾, я полагаю бы, что много ближе къ первославянской формѣ сочетанiй *tj*, *dj*, съ точки зрѣнiя историческаго развитiя языка, ихъ русскiе или южно-славянскiе представители, чѣмъ чешскiе или польскiе, что естественно—для формъ *c*, *z* допустить посредствующую ступень русскаго языка, чѣмъ для *ч*, *ж* (*дж*) ступень напр. польскаго языка.

Основные положенiя Даничича так. обр. не могутъ имѣть безусловнаго значенiя, по крайней мѣрѣ, для меня, а съ тѣмъ и его родословное древо—съ сербскимъ языкомъ, какъ краеугольнымъ камнемъ. Я уже не говорю о томъ, что въ схему Даничича не вкладываются третiй членъ сербскаго языка и нарѣчiе словенское, съ своимъ русскимъ *ч* вмѣсто ожидаемаго *ћ* (что по Даничичу = *tj*), хотя съ *j* вм. *ж* (а форма *j* по Даничичу механически изъ *dj*=*ћ* чрезъ отпаденiе *d*); что необходимо въ старословенскомъ и болгарскомъ заставлятъ *š* и *ž*, что въ *tš* = *ч*, *dž* = *ж*, ска-

на Моравѣ нарѣчiе одерское, кое-гдѣ у словенцевъ (*Šembera* «Dialectol.» 55. 77), у черногорцевъ (*Карадж.* «Пословице» XXVIII) *з*, *с* въ *ж*, *ш* въ рѣчи ославянившихся цыганъ (см. ст. Богинича въ *Ausland*'ѣ, 1874 № 21. «Die slavisirten Zigeuner in Montenegro.»: *šit*, *šunce* = *sit*, *sunce*). Ср. новгородское нарѣчiе, уже съ XI в. *Срезневскiй* «Памятн. рус. письма и языка» 148. 151 и т. д.

¹⁾ *Diets* «Grammatik der romanisch. Sprachen» I² 109. 110.

²⁾ Старослов. *ц* = *ш* + *ч* т. е. развилось изъ *ч* чрезъ постепенное наращенiе впереди *ч* шипящаго паразитнаго коцонанта; кажется, тѣмъ же путемъ старослов. и болгар. *дж*: *dj* = *дж* = *ждж* = *жд*. Объ этомъ ниже. Кайнаско-словенское *j* = *dj* изъ *ž* или *z*.

вать на-лѣво отъ *t*, *d*, хотя форма для основнаго *tj* въ старословенскомъ была *щ*, т. е. *ш* + *ч* — слѣдов. дальнѣйшее развитіе *ч* (*tš*), безъ прыжковъ, а для *dj* — *жд* изъ *дж* (*ж*) тѣмъ же порядкомъ. Но къ этому мы возвратимся ниже.

Если древо Даничичево не исчерпываетъ отношеній *tj*, *dj*, какія предлагаютъ намъ славянскія нарѣчія — формамъ старословенскимъ и болгарскимъ дано не соответствующее объясненіе; если построено оно на основаніяхъ условныхъ — серб. *ћ* уравниено съ праславянскимъ *tj*, *ђ* съ *dj*: то естественно, оно не опредѣляетъ взаимныхъ отношеній языковъ слав. семьи съ точки зрѣнія сочетаній *tj*, *dj*, или генезисъ ихъ, и вопросъ — какъ обнять сходства и несходства, предлагаемыя въ данномъ случаѣ славянскими нарѣчіями — остается вопросомъ.

Отказавшись отъ мысли о дрѣвѣ, разсмотримъ историческія формы доисторическихъ сочет. *tj*, *dj* такъ, какъ ихъ знаетъ дѣйствительная жизнь; попытаемся так. путемъ опредѣлить процессъ образованія существующихъ формъ и тѣмъ — ихъ историческую послѣдовательность.

tj) Мы видѣли, серб. *ћ* есть звукъ тона *ч* (*tš*), такъ что въ такъ наз. третьемъ нарѣчій сербо-хорватскаго языка — кайкавскомъ — ему отвѣчаетъ чистое русское *ч*; разница лишь въ болѣе мягкомъ выговорѣ противу русскаго *ч*: если *ч* = *tš*, то *ћ* = *tš'*. Эта близость выговора и промежутое положеніе кайкавскаго нарѣчія, помимо другихъ моментовъ, необходимо требуютъ признать и близость *генетическую* — т. е. ступень сербскаго языка тождественна ступени русскаго; формы обоихъ языковъ одного образованія — путемъ обращенія *j* въ прасочетаніи *tj* въ шипящій звукъ — *š*. Если *š* изъ *š'*, то сербскій языкъ нѣсколько консервативнѣе русскаго, если наоборотъ — то и выводъ обратный.

Обратимся къ языкамъ старословенскому, дакославянскому и болгарскому. У нихъ для *tj* одна форма *шт* = *ст*: *хощж*; *pröstanie*, *parstai* (= шт), *karštiena*, *obrensfem* (= ст)¹⁾; *ца* или *штз*

¹⁾ Памятникъ языка славянъ Дакіи въ рукописи нештскаго музея, ман. гус. № I стр. V 14, VI 5; IV 3; IX 1. Ср мой третій отчетъ въ «Зап. Новор. Унив.» т. X, стр. 48—126 и слѣд.

=русск. хочу. Но употребленіе отдѣльнаго начертанія *щ* въ кириловскихъ рукоп., *щ* въ глагольскихъ (ср. глаг. *щ* = кир *ч*), и притомъ древнѣвшихъ и чистой ерови—начертанія, которое и своей формой, кажется, указываетъ на свои составныя части: *щ* — т. е. *ш* + *ч*; отступленіе въ супрасльской рукописи: *сжитимъ вопльченимъ* (243), гдѣ *ч* изъ *tj*, какъ въ современномъ словенскимъ, кайкавскомъ; наблюденіе надъ историческимъ движеніемъ славянскаго консонантизма: старочешское *šč* (XIII—XIV в.) даетъ позже *ši*, *šti*; серб. суф. *ште* изъ *иско* (рус., пол.), слѣд. посредствующая форма *ище* = *ииче*; — все это показываетъ, что если въ старословенскомъ *tj* = *щ*, то это начертаніе выражало звуковой комплексъ *ш* + *ч*, который легко могъ перейти въ *шт*—въ «легализованную» форму; что если въ болгарскомъ существуетъ форма *шт* для доисторическаго сочетанія *tj*, то и она предполагаетъ ступень *иш* т. е. *щ*. Дѣйствительно, описки въ родѣ *иш* вм. *щ*, *шт* (пражскіе глагол. отрывки и др. пам.), переходъ этимологическаго *ш* (с, з) + *ч* въ *щ*, *шт* (ищадіе) фактически подтверждаютъ значеніе *щ* какъ комплекса *ш* и *ч*, а не *ш* и *т*; друг. словами, *tj* давало на почвѣ старослов. языка *иш*—т. е. *štš*. Македонскіе говоры показываютъ, что проектируемая для болгарскаго языка древнѣйшая ступень *щ* = *šč* и теперь еще не чужда ему: ср. «*шчо* ми метеш мои рамни дворе»¹⁾.

Чѣмъ же разнится ст.слов., болг. *щ* = *štš*, дакослав. *ст*, *шт* (изъ *щ*) отъ кайкавскаго, русскаго и сербскаго *ч* (*tš*)? Очевидно, лишнимъ шипящимъ звукомъ впереди, элементомъ развитымъ. Первое *š* въ *щ* = *štš* (*ш* + *ч*) не можетъ быть объяснено этимологически; его основаніе необходимо физиологическое: шипящій звукъ послѣ *t* въ *ч* (= *tš*) вызвалъ впереди второе шипѣніе, и так. пут. языки старословенскій и болгарскій отда-

¹⁾ Не имѣя иного примѣра, беру этотъ—изъ собранія пѣсень пр. Дринова.—«Периодическо списанне на българското книжноно дружество» I кн. XI р. 159. Пѣсня изъ Дебъра. По поводу этого *иш* вм. *шт* въ *шчо* г. Дриновъ замѣчаетъ: «въ Дебърско и въ много други Македонски страни изговарятъ *иш* на мѣсто *шт* (*щ*)». ib. прим. 2. «Македонскіе болгары говорятъ не *шт*, но *иш* и *сч*.» ib. 204.

Каждъ урме за
шафисав. рана
ише имта дръ
до паресиме мапе
доксно-милви
исво; овда џ
досла очкава
шт. кто мали
да щ ставити
џр. претвирни
м. к. н. = шт.

~ о џ да мад џшт џовџе = џџе а џџарм џџ џџ - ст = џџ + џџ

џџџџ
џџџџ
џџџџ
џџџџ
џџџџ
џџџџ
џџџџ

лились отъ своего типа — ч, какъ выразителя прасочетанія *tj*, сохраненнаго остальными языками востока и юга славянства — русскимъ, кайкавскимъ, словенскимъ, сербскимъ. Ср. второе шипѣніе въ малорусскомъ *шчо* = р. *что*, карп. рус. *што* изъ *чо* (*tšo*) = словацкому *šo*, чакавскому *ча*, польск., чешск. *со* и т. д. ¹⁾

Так. образ., *щ* = *шч* предполагаетъ ступень ч, а не наоборотъ. Можетъ быть, при большой извѣстности весьма консервативныхъ македонскихъ говоровъ, найдется нарѣчіе, гдѣ еще доселѣ бытуетъ ч вмѣсто шч, какъ первый славянскій историческій выразитель доисторическаго сочетанія *tj*, нарѣчіе — мостъ между русскимъ языкомъ (+ другія, согласныя съ нимъ нарѣчія) и значительно отступающими отъ него старословенскимъ (если не обратитъ вниманія на супрасльское *въльченима*) и болгарскимъ. На эту мысль наводитъ меня выраженіе: *тѣчеше*, тема *тѣшт* въ единственной *дебрьской* пѣсни изъ собранія Дринова ²⁾; а Дебрь самый глухой, малодоступный уголь югозападной Македоніи (Албаніи): тамъ сохранилось и *з* = *о*, *ь* = *е*, часто *жс* вм. *жд* (что и въ цѣлой Македоніи), — все это моменты, которые даютъ ясный образъ болгаро-русскаго единства въ языкѣ. Въ пѣсняхъ макед. Верковича: остро *нокче* (Срезъ р. 131 и др.) вм. *ноктје*.

Было время, когда ступень русскаго языка въ исторіи развитія прасочетанія *tj* была ступеню и для болгарскаго. Между удалившимися отъ общенія съ Русью въ Прикарпатахъ югославянами (IV^в — VII в. по Р. Х.) у однихъ задержалась неизмѣнно старина *tj* = ч — кайкавцы, словенцы; у другихъ она измѣнилась, но слабо-сербы съ своимъ Ъ, (изъ котораго развились вторныя формы: *tj*, *kj*; это *tj* случайно совпало, какъ это нерѣдко замѣчается въ исторіи языковъ, съ протѣническимъ, праславянскимъ *tj*; наконецъ, у третьихъ сильнѣй работалъ духъ индивидуализаціи — развилось *шч* изъ ч — это были старословенцы (въ Панноніи), болгаре, дакославяне; но съ теченіемъ времени произошло упро-

Мостъ между русскимъ и болгарскимъ - боръ
нар. јестъ сѣ
сво *tj* = ч.
и ч.
какъ еме
какава
топота/кова
какава

ч/е шч

¹⁾ Въ Сильвестр. сборникѣ до 1350 г. «речъ чъ тобѣ Аврааме». Срез-невскій «Пам. рус. п. и яз.» 251. *чо* = *чо* или *че* = *что*.

²⁾ «Периодич. спис.» XI. XII. р. 163.

*за субал бѣла шча и тамъ шча: д.р. да се
ѣ обрѣташе од ч. а за обрѣташе се од шч
речъ шч ѣ развилъ се шч = ч сѣаго -*

*201 по
202 по
203 по
204 по
205 по
206 по
207 по
208 по
209 по
210 по*

Дело-вѣсти?
Дело-вѣсти
Дело-вѣсти
Дело-вѣсти
Дело-вѣсти
Дело-вѣсти
Дело-вѣсти
Дело-вѣсти
Дело-вѣсти
Дело-вѣсти

щеніе (ассимиляція), огрубнѣніе, и изъ *шч* явилось *шт* (изъ *штт*) — процессъ, осязательно ясный въ исторіи чешскаго языка, въ отношеніи словацкаго нарѣчія къ чешскому и т. д.

То есть, рус. *ч* = *tj* есть точка отправления для сербск. *ћ*, для болгар. *шт*, есть основная историческая форма для востока и юга славянства: разница и сходство между нарѣчіями этихъ частей славянскаго тѣла есть результатъ неодинаковаго историческаго движенія, неодинаковой консервативности нѣкогда единаго языка на разныхъ пунктахъ его области—отношеніе вполне ясное безъ всякой мысли: Авраамъ роди Исаака—сербъ роди руса.

Обратимся къ литовскому языку. Какую форму онъ знаетъ для доисторическаго сочетанія *tj*? Основная форма для *tj*, *dj* въ литовскомъ: *č* (sz. *cz*) *dž*; но какъ и въ славянскихъ нарѣчіяхъ — по говорамъ литовскимъ эти основныя формы мѣняются на *ts* (= *c*), *dz* (въ южнолитовскомъ), *tj*, *dj* (въ нижнелитовскомъ): inf. *pūs-ti* вм. *put-ti*—1 s. pr. *puczū* = *плачуть*—*плачѹ*; inf. *bandyti*—1 s. praeter. *bandžai* вм. *bandiau* = *будить* — *буджу* (въ карпаторусскомъ), *бужу*¹⁾.

Итакъ, русскій языкъ въ обращеніи основнаго соч. *tj* въ *ч* идетъ рука объ руку съ литовскимъ языкомъ, — кажется, моментъ достаточный, чтобы признать за русской формой значеніе формы общеславянскаго, по крайней мѣрѣ, для востока и юга славянства. Но если *tj* даетъ *č* въ литовскомъ, если при томъ же условіи получается *ч* (ч) и въ русскомъ, то эта гармонія требуетъ полагать, что и въ эпоху тѣснѣйшаго союза литовцевъ и славянъ—т. наз. литовско-славянскаго единства, уже бывало *č*, какъ историческій представитель доисторическаго *tj*: русская форма по-

¹⁾ *Schleicher* «Lithauische Grammatik» I. § 10. 2. § 22. 1. *Kurschat* «Grammatik der litauischen Sprache» (Halle 1876) § 117, 118. Для Куршата *tj*, *dj* въ *č*, *dž* механически — чрезъ вставку *s*, *ž*. Какъ въ сербскомъ или болгарскомъ одиночные говоры знаютъ *tj*, *dj* — случайное совпаденіе съ формами доисторическими, такъ и въ литовскомъ языкѣ, не смотря на массу нарѣчій—господствующая форма *č*, *dž*; но въ мемельскомъ нарѣчій — *tj* вм. *č*, *dj*, вм. *dž*. (*Kurschat* «Wörterbuch d. litauischen Sprache» I. 1. предисловіе р. IX). *t'* или *t + ja* даетъ *č*; *d'* или *d + ja* даетъ *dž*. *ib.* XI.

д. славянскій
речей восток
открыв. для славян
т, русск. ч,
серб. шч,
болгар. шт.

лучаетъ еще большее значеніе. Уже въ виду этого одного обстоятельства является справедливое сомнѣніе — удобно ли русской формѣ *ч* въ *свѣча*, *плачу* предпосылать западнославянскую *с* (*svíce. place*), какъ ея источникъ: не естественнѣе ли предположить отношеніе обратное? Это предположеніе тѣмъ необходимѣе, тѣмъ ближе оно къ значенію факта, что бѣльшая половина славянства—нарѣчія востока и запада, знаютъ шипящую форму для основн. соч. *tj*, тогда какъ только меньшая противопоставляетъ ему свое *с* (*ts*); что это *с*, въ виду нерѣдкаго въ нарѣчіяхъ измѣненія шипящихъ въ свистящія (нижнелуж. *cas* = *часъ et*), въ виду аналогіи романскихъ языковъ, въ виду словацк. *čo* = чеш. *со*, чеш. *čest.* при gen. *cti*, въ виду неутеряннаго и этими языками способности обращать соч. *tj* въ *č*, помимо посредствующей ступени *с*: старочешск. *ještě, radoščati*, какъ въ малорусскомъ или старорусскомъ—*радоши* (ср. у Влад. Моном. «*льнощами* внезапно бо человекъ погыбаеть»), наконецъ, въ виду измѣненія соч. *tj* въ *č* и въ литовскомъ,—по всему праву можетъ разсматриваться, какъ относительно новое замѣненіе старой формы *č*. Т. е. бытованіе формы свм. *č* въ нарѣчіяхъ запада не можетъ говорить противъ глубокаго по своей старинѣ или датъ значенія русской формы *ч*, которая, находя полное сочувствіе въ литовскомъ языкѣ, имѣетъ право быть возведенной къ эпохѣ литовско-славянскаго единства.

dj). Мы видѣли, что въ сербскомъ языкѣ ему отвѣчаетъ мнимый претендентъ на праславянскую (или до—) форму *Ђ*, въ сущности = согласному мягкому дифтонгу *дж'* или *джь*, произносимому въ одинъ пріемъ. Какъ показываютъ его составныя части, онъ обязанъ своимъ образованіемъ соединенію *d + ž*. Сравнивъ *dž* съ основной формой *dj*, ясно, что между формой сербскаго языка и формой праславянскаго языка связь по прямой нисходящей линіи, а разница въ измѣненіи небнаго *j* на шипящее *ž*, если только подобное измѣненіе возможно въ жизни славянскихъ языковъ. Но при *tj* мы видѣли, что сербская форма тѣсно примыкаетъ къ русской: существуетъ ли подобная связь между сербской формой дославянскаго сочетанія *dj* и ея русскимъ противнемъ?

Для соч. *dj* русскій языкъ на всей своей громадной територии знаетъ форму *ж*. Если *Ђ* изъ *дж*, то, очевидно, русская форма предполагаетъ тоже *дж*, какъ свой источникъ: *ж* пошло изъ *дж*, какъ и въ *свиснуть* изъ *тн*, а въ *мыло* изъ *дл*, путемъ облегчительнаго упрощенія—фактъ индивидуальной жизни языка. И серб. *Ђ*, и русск. *ж* возводятся къ одному общему источнику — *dž* изъ *dj*, послѣ мѣны *j* на *ž*: обѣ формы явленія *сopодчиненныя*. Отношеніе между ними тоже, что между итал. *giorno* и франц. *jour*: обѣ формы *gi* = серб. *Ђ*, и *j* = рус. *ж* предполагаютъ общую форму *dž* изъ *dj* въ *diurnum*. Эта предполагаемая для сербскаго и русскаго языковъ общая форма существуетъ и доселѣ — и именно въ области русскаго языка: въ карпато-русскомъ нарѣчїи (по сю и по ту сторону Карпатъ) и въ нарѣчїи холмской Руси рус. *ж* отвѣчаетъ *дж*, грубо произносимое; таже форма въ бѣлорусскомъ говорѣ Виленской и Гродненской губерній: *виджу*, *роджу*.

Так. образомъ, необходимый источникъ для сербскаго *Ђ* — *дж* нашелся—въ русскомъ языкѣ; слѣд. съ точки зрѣнїя соч. *dj* русскій языкъ стоитъ на ступени болѣе древней, сербскій на болѣе новой, т. е. отношеніе далеко не то, что установилъ Даничищъ, отведши русскому языку въ совокупности славянскихъ нарѣчїй мѣсто позади всѣхъ другихъ. Но и рус. форма *ж* изъ *дж*, слѣд. малорусская форма *дж* для основнаго соч. *dj* была нѣкогда общимъ достояніемъ цѣлаго русскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ она была обязательна и для сербскаго языка—т. е. ступени обoихъ языковъ были тождественны, оба языка взаимно покрывались. Только съ теченіемъ времени, грубоватая форма *дж* стала упрощаться въ каждомъ изъ обoихъ языковъ, но въ одномъ независимо отъ другаго, а потому результатъ упрощенія былъ различенъ въ каждомъ изъ обoихъ языковъ: въ сербскомъ языкѣ сочетаніе *d + ж* дало дифтонгъ *Ђ*, въ русскомъ—первый консонантъ отпалъ. Но новый законъ, какъ бы онъ ни былъ удобенъ для языка, могъ расширяться постепенно, то въ одной части его области, то въ другой,—отсюда понятно, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ територии каждаго изъ разсматриваемыхъ языковъ онъ могъ остаться безъ примѣне-

нія, или его могъ вытѣснить иной законъ. И дѣйствительно, мы видимъ, упрощеніе *ж* изъ *дж* не коснулось западныхъ окраинъ русскаго языка: кое-гдѣ въ бѣлорусскомъ, но особенно въ карпатскихъ говорахъ живетъ еще въ своемъ искономъ видѣ сочетаніе *дж*; наоборотъ, въ старомъ сербскомъ языкѣ, не говоря о новомъ, встрѣчается нерѣдко *ж* вм. *ѣ*, т. е. какое нибудь южное или западное нарѣчіе остановилось на русскомъ способѣ упрощенія, но, конечно, совершенно не зависимо отъ самого русскаго языка. Новой примѣръ того, какъ догматизмъ науки нерѣдко стоитъ въ разрѣзѣ съ фактическимъ положеніемъ предмета.

Въ грамотахъ сербскихъ, изданныхъ Шафарикомъ и Миклошичемъ, старослов. *рождѣство* почти постоянно является съ формой *ж* и его видоизмѣненіями: *ш*, *щ* вм. *ѣ*: *рожьства*. М. N CCVI, CCXXVI, VII, VIII, CCXLIII, CCLIV и др. *рожаства* *ѣ*. LXXXIX—CCV, CCXLV, CCLVI, CCLXIV и др. *рошьства* *ѣ*. CCCXXX. *роштва* *ѣ* CCXLI, *роштва* *ѣ* CCLXVI, LXXII—CCCXLIV, *рошва* *ѣ*. CCCLV, ср. *роженомоу*. (Дубр. гр. 1253. *Šafařik* «*Ramátky*» N. XVI). Въ зетской (=михановичевой, иловичской) кормчей 1263 года: *прѣже*. *дажѣ* (рукуп. Загр. Ав. Науеъ f 1 в. 17 в.). Въ словахъ Григорія Богослова, серб. ред. XV в. *рожѣство* (*Востоковъ* «Описаніе рук. Румянц. Музея» N LXXXV). Даже въ нынѣшнемъ языкѣ: *рожанство* (*Вук* «Рѣч.» ср. *ложје*. *срѣжа*). Могутъ замѣтить, что это явленіе (*ж*) въ сербскомъ языкѣ слишкомъ одиночно: но мы съ нимъ встрѣтимся и на почвѣ болгарскаго языка — въ Македоніи, при *ѣ*; слѣд. *ж* при *ѣ* явленіе не невозможное и для сербскаго языка, который, какъ мы видѣли при *ѣ*, предлагаетъ разительное сходство съ своимъ болгарскимъ сосѣдомъ на югъ.

Итакъ, сербское *ѣ* подчиняется карпато-русскому *дж*, имѣя въ немъ свою точку отправленія. Это подчиненіе не можетъ удивлять насъ уже по тому, что исторія знаетъ сербовъ, какъ выходцевъ именно изъ прикарпатскихъ странъ — земли нынѣшней бойковъ и лемковъ¹⁾. Выходя изъ Карпатъ, сербы могли выне-

¹⁾ *Хорватъ*—*хрватъ*, *Карпатъ* (въ народѣ *Горбы*), *хрѣбетъ*—*хрѣбе* слова эти Шафарикъ сводилъ въ одну семью, видя въ имени *хорватъ* свое-

сти еще карпато-русское *дж*, и только осѣвшисъ на новыхъ земляхъ, измѣнили *дж* на дифтонгъ *Ѣ*. На позднѣйшую выработку *Ѣ* карпатскими выселенцами на Балканъ, кажется, указываетъ и то обстоятельство, что *Ѣ* есть исключительная принадлежность юго-восточныхъ сербовъ, но не распространилась на западъ — на т. наз. чакавцевъ, которые знаютъ *j* вм. *Ѣ*. Если *Ѣ* можетъ подтвердить свидѣтельство исторіи — выходъ сербовъ изъ при-Карпатъ, то наоборотъ, карпато-русское *дж* — безусловный источникъ для серб. *Ѣ*, есть свидѣтельство исконнаго житья-бытья русиновъ — бойковъ и лемковъ — на землѣ, занимаемой ими и до-нынѣ — въ Карпатахъ.

Чакавцы имѣютъ *j* вм. ожидаемаго *Ѣ*; то же *j* = русск. *ж*, у кайкавцевъ и словенцевъ. Но въ то время какъ словенцы съ кайкавцами отдаляются отъ сербовъ своимъ чисто русскимъ *ч* вм. серб. *ѣ*, чакавцы стоятъ на ступени сербской — съ своимъ *ѣ*. *J* уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ чакавскаго нарѣчія. Въ винодольскомъ законѣ 1280 г. «да су нени *неурьени*» («Чтен. Моск. Общ.» 1846. 4 стр. 12); въ легендѣ о св. Екатеринѣ, XIV в.: *poroijenija. rogen. tei gniti* и др. (f. 1 b. 3 a. 1 b). То же *j* и въ старѣйшихъ свидѣтельствахъ кайкавскаго нарѣчія и словенскаго языка: въ фрейзингенскихъ отрывкахъ — *choife* (III. 23) = ст. слов. *хождѣше*.

Какъ понять, что не только столь близкіе языки, какъ сербскій и словенскій, но и нарѣчія самого сербскаго языка — кайкавское и чакавское — не согласны между собой въ переработкѣ первичнаго соч. *dj*? Какое отношеніе между *j* = *dj* и серб. *Ѣ* для того же сочетанія?

образное измѣненіе имени центрального русско-славянскаго хребта — *Карпаты Горбовы* («Starožitnosti» I 532). Но противъ этого мнѣнія пр. Гейтлеръ: онъ отождествляетъ имя *хорваты* съ литов. словомъ *karwotas* = вооруженный («Etimologija imena hrvat» въ Rad'ъ XXXIV). Но какъ бы то ни было — страна у Карпаты прародина сербо-хорватовъ. Къ этому заключенію пришелъ и загребскій академикъ Шулекъ, перебирая названія растений у славянъ. Къ сожалѣнію, мои свѣдѣнія объ этомъ интересномъ культурномъ очеркѣ ограничиваются рефератомъ секретаря академіи о дѣятельности послѣдней за 1876 годъ («Obzor» 1876 № 279). Выдетъ въ Rad'ъ XXXVIII. «

Даничичъ объясняетъ просто: въ Ъ = dj отпалъ первый членъ d, и такъ путемъ, т. е. непосредственно изъ серб. Ъ развилося словенское j. Но такъ какъ серб. Ъ = джъ, а dj вм. Ъ есть лишь діалектическая вариация; поэтому между j и Ъ никакой непосредственной связи быть не можетъ. Если же Ъ предполагается на болѣе древней ступени карпато-русское джс, то естественный вопросъ — не имѣеть-ли и j въ языкѣ словенскомъ и нарѣчійхъ кайкавскомъ, чакавскомъ связи съ карпатскимъ джс?

Откуда и какъ могло образоваться j какъ замѣститель основнаго сочетанія dj? Обратимъ вниманіе на слѣдующія явленія въ жизни славянскихъ и другихъ языковъ.

Словенское нарѣчіе измѣняетъ свистящ. z въ j: gen. s. m. n. *druziga* = *družiga* (Metelko «Lehrgebäude»), т. е. j изъ z. Ср. серб. *госпоја* (— Ъа). *грозја* = *грозница*.

Въ исторіи чешскаго языка извѣстенъ переходъ древнѣйшаго z въ j — въ сравн. степени: въ музейномъ псалтыри въ Прагѣ, XIV в. — «*namlazzfjeho*» (л. 287), но въ клементинскомъ: *f mlassyту* (122 а), гдѣ j опущена; тема слад.: *slaffi nad med* (Clem. 12 b), *nauslayffy* («Modlitby» р. пр. унив. б. XVII. F. 30 л. 3 а, XIV в). Опять j изъ z. Безусловно j изъ z: *prodej* вм. *prodeja*, *naděje*, *oděj* изъ **prodeze* (a) = р. *продажа*, *надѣже* (a), *одѣже* (a). †

Въ краковскомъ говорѣ иногда j вм. dz (= z): *raja* вм. *radza* (Kolberg «Lud.» V². р. 135), т. е. j изъ dz (z). †

Въ словацкомъ нарѣчій въ сравн. степ. свистящій или шипящій звукъ передъ суффикснымъ š переходитъ въ j: «*husku najkrajšiu*, *chochlatu*» («Sbornik piesni Matice slovenské» № 39). Тоже явленіе въ прил. *terazši* вм. *terazši*.

Наконецъ, аналогическое явленіе предлагаютъ романскіе языки. Въ неаполитанскомъ нарѣчій: *jentele* вм. *gente*; *leje* вм. *legge*; въ сардинскомъ: *taju* вм. *taggio*, миланск. *mazore*; въ гасконскомъ нарѣчій франц. языка: *yoye* вм. *joya* (Dietz. op. с. I. 81. 83. 85. 112). Вездѣ здѣсь j предполагаетъ древнѣйшій шипящій или свистящій звукъ.

Обратное явленіе — переходъ j въ шипящій z или š — обна-

бражда = шрдажа
шрдажа = шрдажа
надажда = нада
одежда = одежи = одежа
одежа
одево

Купи же забвене
редвота и мена се
Трудомъ свободенъ
чи нудъ назвене
отачна а самъ жо
ли насъ ило же ба
спудай надъ жо
мена медина
будику - ли буй
ило же джудило
у ринну ж есто
вазржене же
ррдину жа
рр ледр - л. 2 цо
Данничъ ир ето
ме енто да
j = dz = z оманъ
нело ус джиде

руживается въ известномъ измѣненіи мягкаго *r*—т. е. *ř*, въ славянскихъ нарѣчіяхъ сѣверо-запада: пол. *rzeka* изъ стараго (до XII—XIII в.) *řeka* (см. мой «перв. отчетъ»); ниже-луж. *tsava* изъ *řava* т. е. *trava*, гдѣ ясно, что мягкой тонъ звука *r* перешелъ въ шипящій (свистящій), помимо слѣд. вокала. Ср. *řavo*; *křivo*, *řeni* и т. д. Въ ниже-лужицкомъ языкѣ XVI ст. еще чистое *r* т. е. *ř*, на-сколько объ этомъ можно судить напр. по переводу новаго завѣта Н. Якубицы 1548 года (отрывки въ журналѣ пр. Ягича: «Archiv für slaw. Philologie» 1876 вып. 2-ой¹⁾). Это измѣненіе, утверждая тѣснѣйшую связь между *j* и шипящимъ, въ свою очередь поясняетъ выше указанный переходъ шипящаго или свистящаго звука въ *j*.

Если такимъ образомъ и съ точки зрѣнія общеславянской, и спеціально словенской, возможно понимать *j* какъ замѣну свистящаго или шипящаго звука, то позволительно спросить: не скрывается ли и за чакавско-байкавско-словенскимъ *j*=русск. *ж*=первич. *dj* въ словахъ, какъ *meja*, *mej*, *rojen*, свистящій или шипящій звукъ—*z* или *ž*, подобно чеш. *prodej*,—*ja* изъ *prodeža*?

Для меня возможенъ отвѣтъ положительный, въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Въ нарѣчій Истріи при *mej* = *межа* бытуетъ форма *mez* (Mikl. «Vergl. Gr.» I, 328).

2) Пов. нар. отъ наст. *пѣмь вѣмь*, *дамь*, $\sqrt{\text{пд. вѣд}}$ —*ječ*, *ječte*; *roveč*, *rovečte*²⁾. Если здѣсь \check{c} равносильно смягченію *dj* (ср. старослов. *вѣждь*, *даждь*; рус. *пѣшь* т. е. *пѣжь*), то

¹⁾ Въ греческомъ языкѣ хорошо известенъ переходъ основной *j* въ ζ (*z* или *dz*): санскр. *jūṣa*, рус. *южа* (позже *уза*), лат. *jus* = греч. $\zeta\upsilon\mu\eta$, санскр. *jug'* (*judž*) сл. *ю* (= *jugo*), л. *jugum* = гр. $\zeta\upsilon\gamma\upsilon\upsilon$ и т. д. Curtius. «Gr. Etym.» 551. Bopp «V. Gr.» I. § 19. Ср. монографію Schulze «Ueber das Verhältniss des *z* zu den entsprechenden Lauten der verwand. Sprachen» (Berlin 1867). При соединю еще указанія Ебеля: ирл. *nocht* = кимвр. *noith* (ночь); испан. *noche* = португ. *noite* въ подтвержденіе мысли, что между основн. *kt*, *gt* и слав. *ц*, *ч* стоятъ промежуточные формы: *xt*, *jt* («Zeitchr. f. vergl. Spr. for.» XIV. 241.)

²⁾ Valjavec «Nar. prip.» 83, 85.

замѣна смягченія отъ *dj* смягченіемъ отъ *tj* при близости *ж* и *ч* указываетъ, что *dj* даетъ *ž* (или *z*).

3) Въ «словѣнскомъ» языкѣ при *жд* существовали формы *ж*, *z*: въ влоц. глаголитѣ—*рожьство*, *розьство* (последняя форма 2 раза). Ср. союзъ *жде* и *же* въ супр. рук., ассеман. ев. (Срезневскій «Глаг. пам.» 144), одного происхожденія съ греч. *δέ*, англ. сакс. *to* = нѣм. *zu*. Въ словенскомъ *r* в. *že*: *kakor*; слѣд. союзъ *жде* (изъ *d'e*) и на почвѣ словенской—*же* (*r* — *ž* ср. рус. *неборакъ* в. *небожакъ*; серб. *морем* и др.).

морже = море

4) Въ фрейзинг. отрывкахъ: *vuuraken* (I. 13), т. е. *k'* или *č*—извѣстная форма *прасоч. tj* в. формы для соч. *dj vuuraken* в. *vuurdjen*, *rad*, *rod*. Ср. *ječ* выше.

5) При обычномъ *j* въ кайкавскомъ нарѣчїи на в. слышится *ѣ* и *дж*:¹⁾ — явленіе, прямо связывающее кайкавское нарѣчїе съ карпато-русскимъ, съ его *дж* в. русск. *ж*.

6) Естественное соотвѣтствїе съ *č*=рус. *ч* для *tj*: если соч. *tj* идетъ по русскому пути, то не зачѣмъ отступать отъ него и сочетанію *dj*.

7) Общезвѣстность *ж* въ семьѣ юго-славянской: *ж* сербскихъ грамотъ Далмаціи (сосѣдство съ чакавцами) при обычномъ *ѣ* изъ *дж* (см. выше); *ж*—форма для *dj* и въ языкѣ славянъ Дакїи: «*nadešen faf nego*»²⁾.

8) Согласіе русскаго *ж*, *дж* съ литовскимъ *dž* (*džj*): *bandžai* отъ *bandyti*, и болгарскомъ (см. ниже).

Итакъ, въ виду указаній кайкавско-словенскаго нарѣчїа и значенія *ж* какъ исторической формы основнаго сочетанія *dj* и для языковъ юго-славянскихъ, *j* въ *теја*, *рожен* странно вести непосредственно изъ доисторическаго сочетанія *dj* чрезъ отброску *d*: эта форма естественнѣй всего можетъ быть понята, какъ вариантъ *ж* или *z* (з діалектическое отступленіе), а это *ж*, какъ историческое замѣненіе *дж*—извѣстной первоисторической формы.

¹⁾ *Kristianovich* «Grammatik der croatischen Mundart» (Agram) 1837.
2. *Šafařík* «Národopis» 61. *Miklosich* «Vergl. Gr.» I. 253.

²⁾ Пештская рук. см. выше, IV. 12, XI 7, 10.

Какъ же тамъ етъ ъ — и безъ доследнаго вѣдѣнія

Это значить, отношеніе между частно-сербскимъ *j* и обще-сербскимъ *Ђ* можетъ быть лишь такое, какъ между русскимъ *жс* и сербскимъ *Ђ*, а каждая изъ этихъ формъ порознь относится къ карпатской формѣ *дж*, такъ къ своей исходной точкѣ. Такъ путемъ, сербскія и словенско-кавказская формы предполагаютъ бытіе русской (карпато-) формы, а не наоборотъ: ступень русская — основная для нихъ; обще-сербская — результатъ дальнѣйшей индивидуализирующей дѣятельности языка; частно-сербская (=кавказская, чакавская) и словенская — еще одинъ шагъ дальше по пути индивидуализаціи.

Что скажутъ другія славянскія нарѣчія объ устанавливаемомъ нами отношеніи формъ: *жс*, *Ђ*, *j*, *дж*?

Въ старословенскомъ языкѣ на мѣстѣ основ. соч. *dj жд*; въ болгарскомъ *жд*, при указанныхъ выше діалектическихъ вариантахъ — *Ђ*, *дъ*, *ь*; въ языкѣ славянъ Дакии *жс*, на сколько позволяютъ судить памятники этого языка (см. выше *nadeven* = *надеженсн*). Какое можетъ быть отношеніе между этими формами основнаго соч. *dj* и рассмотрѣнными выше?

Сербская форма *Ђ* есть своеобразная обработка карпато-русского *дж*; общерусская — *жс* имѣетъ тоже значеніе; кавказская и т. д. *j* — дальнѣйшее развитіе *жс* изъ *дж*. Ясно, что и болгарск. *Ђ*, *дъ*, *ь*, и дакослав. *жс* могли образоваться тѣмъ же путемъ, что и соответствующія имъ формы въ только что упомянутыхъ языкахъ, т. е. имѣютъ для себя основу въ карпато-русской формѣ *дж*. Естественно полагать, что и особнякомъ стоящая форма *жд* въ старословенскомъ и болгарскомъ имѣетъ тоже непосредственное отношеніе къ *дж*. Дѣйствительно, принято учить, форма *жд* — метатезисъ, т. е. предполагаетъ основную форму *дж*.

Но въ старословенскомъ, какъ и въ болгарскомъ, бытуетъ форма, которая ограничивая единоподержавіе формы *жд*, указываетъ, что жизнь не знаетъ предписаній, что одинъ и тотъ же языкъ на разныхъ точкахъ своей области свободно избираетъ то одинъ, то другой пріемъ. Дѣло въ томъ, что въ обоихъ языкахъ — слабо въ старословенскомъ, сильнѣй въ болгарскомъ — знакома и общерусская форма *жс* для доисторич. соч. *dj*.

Форма *ж* въ старословенскомъ утверждается извѣстными мѣстами влоціевой глаголиты: *рожьство* = *розьство*. Ср. оржжме, осн. оржд, съ *ж* и въ болгар. *Миладиновци* 80. 249 и др. Восточковъ указываетъ еще: *неоурошьшеис^а*, но въ памятникѣ нейтральнаго характера (въ объясненіяхъ въ фрейз. отр. «Фил. наблуд.» 37).

Въ пѣсняхъ болгаръ Македоніи: Панагюришта, Струга, Охрида, мы имѣемъ *ж* вм. ожидаемаго *жд*:

осн. град.: гражани (*Миладиновци* «Пѣсни» стр. 149. 150).

осн. дод (дѣд): кѣрвавъ дѣжъ ib 125 дош (28). Ср. серб. *дажд. диждевица* на западѣ (*Вук. с. в.*)

осн. клад: клажать (ib. 117).

осн. нуд: нужда дотерала (ib. 89, 117, 184, 303).

осн. род: рожаше (ib. 81). рожба (ib. 113, 133 и др.)

осн. туд. (тјуд): чужи, — жа, — жа, — жо, — жина (ib. 81. 24, 246, 454, 466 и др.).

осн. пд: не ѣште (ib. 200).

Ср. однош = серб. *дваш, дважде*. триш. (ib. 268, 342 и др.) гдѣ *ш* изъ *ж*, *жд*.

Старина *ж* въ болгарскомъ утверждается весьма древними памятниками языка. Въ сказаніи Іоанна Богослова *прѣже* (Срезн. «Памят. слов. письма» II. 411). Въ пергаментной минеѣ XIII в. въ библ. Новороссійскаго университета № 32 (собрание пр. В. И. Григоровича): «единого роженна видаще» f. 233^b. Въ сборникѣ поученій XVI в. той же библіотеки, писанныхъ на простонародномъ болгарскомъ языкѣ, № 63: *краж'би*. 141^b. *краж'ба* 144^a. *рож'би* 145^b. 179^{a,b} *рож'ба* 178^b. Въ простонародномъ сборникѣ той же библіотеки XVII в. № 65: *кражба* 293^b. Въ люблянскомъ сборникѣ XVII вѣка: *рожба*¹⁾.

Если вспомнимъ, что славяне, жившіе нѣкогда въ Эпирѣ и потерявшіе свою славянскую національность уже весьма давно — XII—XIII вѣкъ, оставивъ память о себѣ въ географическихъ именахъ страны, живущихъ и доселѣ, необходимо были и этно-

¹⁾ «Отчетъ о XV присужденіи наградъ графа Уварова» 1874 р. 336. 341 (статья ак. Срезневскаго).

графически близки въ своимъ сѣверовосточнымъ сосѣдямъ — болгарамъ Македоніи, продолжали болгарь на югъ: то встрѣча формы *жс* въ *жд*, при *шт* (ст) для соч. *tj*, въ мѣстныхъ именахъ Эпира поясняетъ съ одной стороны бытованіе формы *жс* въ современномъ языкѣ македонскихъ болгарь, уничтожая ея изолированность, съ другой — ставитъ внѣ спора ея глубокую старину въ языкѣ. Я пользуюсь матеріаломъ, собраннымъ покойнымъ Гильфердингомъ, въ приложеніи къ его исторіи болгарь («Собраніе сочиненій» I): Μεζουγοράνη = *Межоугоране* (р. 285). Μεγρέζα = *Медвежа* (286).

Это болг. *жс* = русск. *жс* изъ *dj* необходимо пошло изъ основ-
 Български чинаго *дж* путемъ простаго упрощенія. Если так. обр. фор-
 ресица *жа* на *дж* утверждается у славянъ Македоніи формой *жс*, то и болѣе
 цвек *дешка* — обычная въ болгарскомъ языкѣ форма *жд* не есть ли также резуль-
 Славито-Македонск. татъ постепеннаго измѣненія первоисторической формы *дж*,
 10% *сд* — помимо метатезиса? Метатезиса въ сочетаніяхъ *tj*, *dj* не знаетъ
 срав. македонск. ни одно нарѣчіе; метатезисъ легко устраняется и въ пониманіи
жа се дава — формы *шт* для осн. соч. *tj*: естественно сомнѣніе и отнесеніе
 отвржана — предполагаемаго метатезиса *жд* изъ *дж*.
бан у дома — *Tj*, измѣняясь въ *tš*, откуда ч (č), чрезъ вызовъ впереди
 болгарскомъ обычное сочетаніе *шт* (*štš*): а что имѣеть мѣсто по
 бугар др. — отношенію къ сочетанію *tj*, то можетъ быть примѣнено и къ его
предлеж — брату родному—сочетанію *dj*. Другими словами, основное соч. *dj*,
у ст — сд — мѣняя свое *j* на шипящій звукъ (какъ изъ *rj* — *rž*), преврати-
жа мѣ — жд — лось въ *dž* (*дж*) изъ *dš*; теперь *j* — *ž* вызываетъ впереди *d*
оме шива — второй шипящій, и получается новое сочетаніе *ждж*, какъ
 (мимда. — въ малорусскихъ словахъ *дожджъ*, *заяжджій* ¹⁾); но тяжелый
 вет да. — сложный звукъ *ждж* подвергся упрощенію—второе *жс* отпало, и
 явилась форма *жд* на мѣстѣ основ. соч. *dj*. Понятно, въ этомъ
 случаѣ ступень *жд* вполне тождественна ступени *шт*: *tj*: *tš* : *štš* : *št* = *dj* : *dž* (*dš*) : *ždž* : *žd*.

макед. макед.
дѣж
 мама
 мама
 мама

¹⁾ «Шлюй му въ очи, вѣнь ти каже, що дожджъ иде» (Галка «Звичай и обычай въ по-надѣ Збруча» (Львовъ 1862) II. 49.

мама
 мама
 мама

Остается коснуться еще одной формы болгар. языка. Въ отличающемся разнообразіи своихъ формъ нарѣчіи македонскихъ болгаръ изрѣдка встрѣчаются формы *эд* и *шк*, — обѣ простое видоизмѣненіе формы *жд*: 1) *чюзди, чюздина*. (Верковичъ. 38, 295, 262) *чюзди лоза*. (Безсоновъ. II 19), 2) *вешки = вешди* (Верковичъ 209); *д* мягкое въ *ь, къ*, а предъ гортаннымъ *жс* перешло въ *ш*. Форма *эд* имѣетъ специальный интересъ, какъ указатель отношенія между западнославянской формой *dz, z* и русской *дж, жс*.

Итакъ, отношеніе между *жд* (= *ждж*) и *жс* тоже, что между *шч* и *ч*. Эти болг. формы основ. сочетанія *dj*, вмѣстѣ съ формами *Ѣ, дь, ь, эд*, показываютъ, что разница между ними есть слѣдствіе неодинаковаго историко-діалектическаго движенія на цѣломъ пространствѣ даннаго языка, разности движенія на разныхъ пунктахъ его: на одномъ мѣстѣ языкъ оказался болѣе консервативнымъ, на другомъ менѣе. Но такъ какъ тѣже формы встрѣчаются и въ цѣлой совокупности славянскихъ нарѣчій, то и взаимное отношеніе этихъ формъ, ихъ связь опредѣляется тѣмъ же неравномѣрнымъ діалектическимъ дифференцированьемъ въ исторической жизни славянскихъ нарѣчій вмѣстѣ.

Не разсмотрѣны еще представители славянскихъ нарѣчій запада и сѣвера: *dz* въ польскомъ, *dz* въ словацкомъ, *z* въ чешскомъ, *dz* (почти *джс*) въ верхне- и нижне-дунайскомъ, то *dz*, то *z* въ рѣчи полабскихъ славянъ (у Шлейхера § 100 только *dz*, но правописаніе памятниковъ утверждаетъ и *z*—*tzejze* = *чужой*). Всѣ эти формы сводятся прежде всего къ двумъ: *dz* и *z*, а эти послѣднія къ одной основной *dz*, т. е. отношеніе между ними тоже, что между карпато-русскимъ *джс* и общерусскимъ *жс*; разница между ними и русскими въ неодинаковости измѣненія *j* въ основномъ сочетаніи *dj*. Для Даничича, какъ мы видѣли, отношеніе этихъ измѣненій опредѣляется первенствомъ свистящаго предъ шипящимъ, т. е. карпато-русское *джс* пошло напр. изъ словацкаго *dz*, или, что тоже, *джс* на древнѣйшей ступени началось также *dz*, какъ у словака, и *dz* было общою формой для всѣхъ славянъ запада, сѣвера, востока и отчасти юга (болгары). Но мы съ этой теоріей согласиться не можемъ, послѣ того какъ

ведже = вешди
= вешди

ведже = вешди = вешди
вешди = вешди
вешди = вешди

мы высказали свой взглядъ на отношеніе формъ *ч* (*tš*) и *с* (*ts*) въ основн. сочетанія *tj*; въ развитіи соч. *dj* мы можемъ искать аналогическое явленіе.

1) Языки большинства славянъ сводятъ свои многообразныя историческія формы соч. *dj* къ одной формѣ — *дж*: естественно, эта форма, не можетъ такъ легко уступить своего первенствующаго значенія своему противнику — *dz* — въ слав. языкахъ запада и сѣвера.

2) Сомнѣніе это тѣмъ вѣроятнѣе, если примемъ во вниманіе свойственную этимъ языкамъ мѣну шипящихъ на свистящія — мазураканье.

3) Это вѣрнѣе тѣмъ ближе къ необходимости, что *j* на глазахъ исторіи измѣняется у славянъ запада и сѣвера въ *ž*, а это *ž* въ *z*. Я имѣю въ виду историческую судьбу *r* мягкаго (*rj* или *ř*) у поляковъ, чеховъ и т. д.: *řeka* = *řeka* т. е. *ržeka*; но у лужичанъ верхнихъ *tšava*, нижнихъ — *tsava*, т. е. *trava*, *trava* = *tržava* = *tšava* = *tsava*.

4) Полякъ сохранилъ еще способность измѣнять *dj* именно въ *dž*, если предъ *d* коренное *z*, при чемъ это *ž* переходитъ въ *ž*, очевидно, подъ вліяніемъ *ž* послѣ *d*: *gwizdžę*, *ježdžę* и пр. ¹⁾.

5) Приоритетъ формы *дж* предъ *dz* необходимо признать въ виду литовскаго языка: *dj* въ литовскомъ даетъ *dž* (*джь*) — *bandžiai* вм. *bandiai* отъ *bandyti*, т. е. литовскій языкъ возводитъ карпато-русское *дж* къ эпохѣ литовско-славянскаго единства, имѣя *dz*, *dj*, вм. *dž* какъ мѣстнй, діалектическій вариантъ (см. выше), какъ *tj* даетъ *č* (т. е. *tš*) въ томъ же литовскомъ ²⁾.

Итакъ, въ виду этихъ соображеній и фактовъ, не русская

¹⁾ Бодуэнъ де Куртене «О древне-польскомъ языкѣ» § 37. Нашего взгляда на отношеніе пол. *dz* и рус. *ж* и Бодуэнъ (*ib*); но онъ опустилъ изъ виду существованіе формы карпато-русской *дж*, имѣющей столь поучительное и рѣшающее значеніе.

²⁾ Пр. Лескинъ, разбирая теорію Даничича, и соглашаясь съ первымъ положеніемъ, отрицаетъ второе, что рус. *ч*, *ж* (изъ *дж*) развилось изъ зап. слав. *с*, *z* (*dz*). («Beiträge zur vergl. Sprforsch.» VII p. 135.)

форма *дж*, не русскій языкъ предполагаетъ пол. форму *dz'*, и польскій языкъ, какъ условіе своего образованія, а наоборотъ: русская форма *дж* обязательна въ качествѣ основной столько же для нарѣчій сѣвера и запада, сколько и для нарѣчій юга; она потому есть общеславянская, и языкъ, носитель ея, сохранилъ въ своей формѣ доисторическаго соч. *dj*, какъ и въ формѣ сочетанія *tj*, наслѣдіе эпохи протѣническаго состоянія славянскихъ нарѣчій. Всѣ славянскія *нарѣчія*, на-сколько они разнятся отъ русскаго языка въ вопросѣ о сочетаніяхъ *tj*, *dj*, тяготеютъ къ русскому языку, какъ къ своему центру: ихъ формы суть варианты русскихъ. Была пора, когда всѣ славяне знали русское *ч* и *дж* (*ж*); затѣмъ, съ теченіемъ времени, сталъ сказываться индивидуализирующій духъ говоровъ, и—гдѣ больше, гдѣ меньше, духъ сепаратической индивидуализаціи ¹⁾.

по тому же
"необходима" въ
речитъ в б

Мы окончили съ сочетаніями *tj* и *dj*, какъ основами различенія славянскихъ нарѣчій, основами ихъ классификаціи.

Понятно, родословное древо Даничица теряетъ все свое значеніе, и всякая мысль о древѣ невозможна, какъ противная природѣ языка, характеру развитія, исторіи, образованія языковъ. Мы могли только вездѣ слѣдить за *генеалогіей формъ*, но отнюдь не за *генеалогіей языковъ* или *нарѣчій* этихъ формъ, — мы можемъ изъ генеалогіи формъ заключать лишь къ *хронологіи* языковъ — видѣть, кто древнѣе, кто новѣе, кто консервативнѣе, кто съ большимъ стремленіемъ къ индивидуализаціи. Но одинъ языкъ не родилъ другаго, — всюду на цѣломъ просторѣ славянскаго міра одинъ и тотъ же языкъ: лишь въ одномъ пунктѣ его территоріи одна и таже нѣкогда форма подверглась одному измѣ-

¹⁾ Есть мнѣніе, что карпато-русское *дж* изъ *ж* (въ родѣ того, какъ въ нарѣчій болгарско-дубьскомъ *лѣджа* вм. *лѣжа*. «Период. Спис.» XI. 151) —напр. у г. Житцаго «Очеркъ звук. истории малорусскаго нарѣчія» 239; — но оно можетъ быть выставлено лишь при неполной оцѣнкѣ слав. нарѣчій и общаго историческаго движенія сложныхъ консонантовъ. Въ подтвержденіе себя я могу сослаться на такого глубокаго и тонкаго знатока русской діалектологіи, какъ пр. Потебня, утѣраша не мало поту въ работахъ изъ этой области («Филологич. Зап.» 1876. I. 40. прим.)

Нам навичу дошли су из суседства
и описати њихове промене као
мудрачу доде
им и да се за
дринде сфору
на с'отоману
србину.

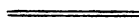
нению, въ другомъ другому, и эта неодинаковость измѣненій обусловила образование существующихъ нарѣчій. Сходство и различіе есть результатъ неодинаковаго историческаго движенія, діалектическаго дифференцированія, на разныхъ точкахъ славянскои территории, при чемъ измѣненіе каждой точки шло независимо отъ измѣненія другой, въ силу чего возможна близость двухъ нарѣчій, далекихъ географически, и отдаленность — при географической близости (кавказское ѣ = русское ч, но польское с).

Славянскія нарѣчія не выходили одно изъ другаго, не отдѣлялись, какъ отдѣляются вѣтви отъ ствола. Было время, когда предки русскихъ, поляковъ, чеховъ, сербовъ и т. д. находились въ состояніи этнографическо-лингвистическаго безразличія, языки ихъ были на одной ступени; но мало-по-малу, въ разныхъ мѣстахъ нѣкогда единой территории языка и разновременно, подъ вліяніемъ различныхъ условий: психическихъ (облегченіе, упрощеніе) или матеріальныхъ (вліяніе природы, культурныхъ отношеній, смѣшенія), стала обнаруживаться сепаратическая индивидуализація, гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе, и послѣднимъ результатомъ ея — была современная историческая индивидуальность каждаго изъ слав. нарѣчій. Но, усвоивъ новый духъ, формирующееся нарѣчіе не могло эманципироваться всецѣло отъ старины, — отсюда палеонтологическія явленія, фармаціи въ каждомъ нарѣчій (русское *дж*, *дн*, *тл* и т. д.).

Вопросъ — которое изъ слав. нарѣчій старѣе, консервативнѣе, рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ при перечнѣ разсмотрѣнныхъ доселѣ точекъ сходства и различія. Съ точки зрѣнія судьбы *ж*, *tj*, *dj* право на старѣйшинство — за русскимъ языкомъ, который свѣжѣй, чѣмъ кто другой изъ его собратьевъ, сохранилъ память о языкѣ былаго единства славянъ и носить въ характерѣ своемъ въ наибольшей степени черты общеславянскости. Въ исторіи сочетаній *tj*, *dj* чѣмъ ближе форма извѣстнаго нарѣчія къ русской, тѣмъ ближе оно къ языку праславянскому, и наоборотъ. Такъ точно, съ точки зрѣнія сочетаній *t*, *d*, + *n*, *l*, чѣмъ ближе какое нарѣчіе къ чешскому или польскому нарѣчію, тѣмъ ближе оно и къ праславянскому языку.

L'epentheticum признакъ нейтральный, хотя есть основаніе полагать, что это явленіе было знакомо и праславянскому языку, по крайней мѣрѣ — въ извѣстныхъ корняхъ.

Так. обр., повторяемъ, современныя различія и сходство нарѣчій, на-сколько они опредѣляются разсмотрѣнными явленіями, короче-ихъ взаимныя отношенія — есть результатъ взаимодействія двухъ силъ: косности и индивидуализированья или діалектическаго дифференцированья, силъ положительной и отрицательной. Перевѣсъ того или другаго начала обусловилъ степень индивидуальности, такъ сказать степень нарѣчности, силу изолирующаго дифференцированья. «Исторія развитія языковыхъ особей — говоритъ Фр. Миллеръ — есть ни что иное, какъ звуковое дифференцированье одной и той же формы, при чемъ бóльшая или мѣньшая сумма задержанныхъ формъ опредѣляетъ дальнѣйшее различеніе между отдѣльными языками» ¹⁾.

¹⁾ *Fr. Müller* «Grundriss der Sprachwissenschaft» I¹. (Wien 1876) p. 133.

ОСНОВНАЯ ВОКАЛИЗАЦІЯ

плавныхъ сочетаній: коно. + л, р + з — ь + коно.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Въ интересѣ возможнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній славянскихъ нарѣчій мы разсматривали доселѣ тѣ явленія ихъ жизни, которыя принимаютъ обыкновенно въ наукѣ, какъ основы, исходныя точки для систематизаціи нарѣчій. Мы видѣли, какъ невозможна общепринятая классификація языковъ славянской семьи, и видѣли, что такое въ существѣ дѣла основанія различія, какъ понимать фактъ различія и сходства, когда идетъ рѣчь о многочисленныхъ историческихъ представителяхъ единого до-историческаго языка.

Теперь мы обратимся къ серіи звуковыхъ комплексовъ, которые упускаются изъ виду при обычномъ размѣщеніи славянскихъ нарѣчій, но которые болѣе дифференцируютъ славянскія нарѣчія, по существу одного изъ своихъ элементовъ, чѣмъ явленія—признаки патентованныя, чтобы на судьбахъ этихъ комплексовъ въ жизни славянскихъ нарѣчій, на-сколько они дадутъ себя понять—прослѣдить, провѣрить, въ какой степени наше пониманіе взаимныхъ отношеній славянскихъ нарѣчій—ихъ моментовъ различія и сходства, удобопріемлемо съ точки зрѣнія этихъ комплексовъ.

Я здѣсь имѣю въ виду рядъ сочетаній, которыя, весьма разнообразны въ живыхъ и мертвыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ памятникахъ старословенскаго языка изображались просто—однооб-

разно: конс. + л + з — ь + конс., конс. + р + з — ь + конс. напр. вазкз, жазтз; грзdz, врзба и др. Прибавка ь означаетъ: или ь въ рукописяхъ. По существу среднего консонантнаго члена я эти сочетанія назову *плавными*.

И только что упомянулъ, что однообразной формѣ плавныхъ сочетаній старословенскихъ памятниковъ л, р, съ глухимъ вокаломъ послѣ, другія славянскія нарѣчія противуполагаютъ крайне разнообразныя формы, и каждое — въ предѣлахъ своей ограниченной территоріи. Сравнимъ напр. слова старословенскихъ памятниковъ, какъ вазкз, вазуха, жазтз, сазза съ ихъ русскими противными: *волкъ, блоха, желтъ, слеза*, мы видимъ, что одному сочетанію лз отвѣчаютъ въ русскомъ языкѣ четыре: *ол-ло, ел-ле*. Сравнимъ слова, какъ грзdz, крзвъ, врзба, крзстз съ ихъ русскими противными: *гордз, кровь, верба, крестъ*, мы получаемъ тоже соотношеніе — одной формѣ старословенской отвѣчаютъ четыре русскія: *ор — ро, ер — ре*. Если бы другія славянскія нарѣчія раздѣляли вокализацию плавныхъ сочетаній л, р русскаго языка, т. е. владѣли бы четырьмя формами для старословенскаго сочетанія лз и четырьмя для рз, тогда отношеніе славянскихъ нарѣчій и старословенскаго языка, съ точки зрѣнія плавныхъ сочетаній, было бы довольно просто и ясно. Но этого согласія нѣтъ: съ одной стороны, четыремъ формамъ русскаго языка другія славянскія нарѣчія противуставляютъ и свои; съ другой, каждая изъ четырехъ русскихъ формъ можетъ найти нѣсколько формъ въ любомъ нарѣчій — слова одной вокализациі въ русскомъ языкѣ распредѣляются по нѣсколькимъ семьямъ въ другомъ языкѣ. Немногіе примѣры пояснятъ только что сказанное.

Возьмемъ слово *волкъ* т. е. вокализациі *ол-лз*. Въ польскомъ языкѣ *wilk*, въ прибалтійско-полабскомъ *volk, wauk*, въ нижнелужицкомъ *velk*, въ верхнелужицкомъ *vouk (= volk)*, въ чешскомъ *vlk* (въ старомъ *wilk* т. е. *valk*), въ словенскомъ *volk*, въ сербскомъ *vuk*, наконецъ въ болгарскомъ *лъв'лк* и *вл'к*. Т. е. немногіе согласны съ вокализацией русскаго языка: прибалтійскій, верхнелужицкій и словенскій; что до другихъ, то рус. формъ *ол* они противуполагаютъ свои: *ил, ел, ал, у, вл-ль*.

Сл. воча.
волк = вача сра
ср. вука, дуга, жук

м. волк. вч.

ср. вилъ быта
жзлтъ, слеза

Вилъ
Вилъ
Вилъ
Вилка

Тоже многообразіе формъ, какое мы только что видѣли въ словахъ сочетанія *ол* — *лз*, мы получаемъ, если послѣдовательно проведемъ чрезъ всѣ славянскія нарѣчія слова какъ *жагъ*, *гъдъ*, *връка* и т. д. старословенскихъ памятниковъ, т. е. такія слова, сочетанію *лз* которыхъ русскій языкъ противопоставляетъ свои *ел*, *ор*, *ер* и т. д. Но каждое нарѣчіе, одно сильнѣй, другое слабѣй, мѣняется въ границахъ своей области по говорамъ, мѣнялось въ своей исторической жизни, которая для большинства славянскихъ нарѣчій опредѣляется пространствомъ 8—9 вѣковъ; слѣдов. вполне естественно, что любое плавное сочетаніе даннаго нарѣчія увеличитъ число своихъ формъ, если принять во вниманіе діалектическія варіаціи и историческій словарь этого нарѣчія. Дѣйствительно, литературно-польскому напр. *wilk* отвѣчаетъ кашубское *wilk*, и въ области того же кашубскаго діалекта при *wilk* бытуютъ формы: *velk*, *volk*; въ старосербскомъ яз. *волк*, *воук*, теперь *вук*.

Но этого мало: до какой степени мѣняемость свойственна языкамъ славянскимъ, какъ скоро рѣчь идетъ о плавномъ сочетаніи, видно напр. изъ того, что слова одной семьи, напр. семьи *волк* въ русскомъ языкѣ, имѣютъ нѣсколько формъ — вокализаций, т. е. распадаются на нѣсколько гнѣздъ, въ ближайшемъ къ нему языкѣ польскомъ: *polk*, *pułk*, *pelny*, *ślonce*, *dlugi*, *wilk* при кашубскомъ *wilk*.

Сравнивая между собой формы словъ четырехъ русскихъ вокализаций для старосл. сочетаній *лз*, *рз* въ цѣлой области славянскихъ нарѣчій, мы наблюдаемъ слѣдующія соотношенія:

1) Формы, и соответствующія имъ нарѣчія, различаются между собой вокализацией плавныхъ *л*, *р* двояко: а) материально — качествомъ вокала, б) позиціонно — мѣстомъ вокала. Ср. для а) *волк*, *wilk*, *vilk*, *vlk*, *vouk*, *вук* изъ *вулк* и др.; для б) *долг*, *dlug*, *полк*, но *pluk*; *кровь*, *krew*, но *krv*, *крв*, *карв* и пр.

2) Хотя формъ различной материальной вокализации и много, но ихъ можно разбить на двѣ категоріи: однѣ болѣе любятъ полный, чистый звукъ вокальный предъ *л*, *р*, другія — темный, глухой. Так. пун. одни языки остановились на вокальной

полнотѣ, другіе усвоили глухой выговоръ. Сравни *волкъ*, *wilk*, *volk*, *valk*, *гордый*, *hardy*, съ одной стороны и *vlk*, болг. *вѣлк* (*влк*, какъ написалъ бы сербъ, ср. болгарскія пѣсни у Караджича въ «Додатци к петр. сравн. рѣчнику», и какъ, къ сожалѣнію, сталъ писать мой ученый другъ, пр. Дриновъ), *hrdý*, *врдан*, съ другой. Формы первой категоріи принадлежатъ языкамъ: русскому, польскому, лужицкимъ, полабскоприбалтійскимъ, т. е. рѣчи тѣхъ славянъ, которые если и удалились отъ общей прародины славянской—Карпатъ-Днѣпръ, то не далеко, оставшись на великой «сарматской» равнинѣ; формы второй: чешско-словацкому, словенско-кавказскому (*gvrdu*, *prst*), сербскому, болгарскому и, кажется, дакославянскому, т. е. рѣчи славянъ-выселенцевъ далеко ¹⁾).

3) Языки, различающіе въ плавныхъ сочетаніяхъ вокализации матеріальную и позиціонную, принадлежатъ къ первой категоріи; по крайней мѣрѣ, они соблюдаютъ различеніе двоякой вокализации, и строже всѣхъ въ кругу ихъ — русскій языкъ: онъ никогда слова формы *ло*, *ро* и т. д. не переводитъ въ разрядъ словъ формы *ол*, *ор*.

4) Русскій языкъ, столь строгій въ различеніи двоякой вокализации, пользуется для этого систематически-последовательнаго различенія самыми скудными средствами — двумя вокалами: *о*, *е*, при чемъ слова вокализации *о* не смѣшиваются съ словами вокализации *е*: слово *волкъ* напр. не даетъ ни въ одномъ говорѣ гигантской территоріи русскаго языка формы **велкъ* или **вилкъ*, какъ это мы видимъ напр. въ сравнительно небольшой области польскаго языка. Но другіе языки первой категоріи пользуются многими вокалами: *о*, *и*, *е*, *і*, смѣшивая вокализации, не смѣшиваемыя въ русскомъ языкѣ: въ кашубскомъ — *volk*, *velk*, *wilk*; въ польскомъ — *pułk*, *pełny*.

Если, такъ обр., плавныя сочетанія старословенскихъ памятниковъ — *лз*, *рз* являются въ крайне разнообразныхъ формахъ въ сферѣ славянскихъ нарѣчій и даже нерѣдко на пространствахъ

¹⁾ Ср. мой «3-й отчетъ» въ «Зап. Новор. унив.» т. XX. 38—116.

одного нарѣчія, при замѣтной только выдержанности системы въ области, правда громадной, бѣльшей, чѣмъ всѣ области, взятыя вмѣстѣ другихъ славянскихъ языковъ, не исключая и мертвецовъ, — въ области одного языка — языка *русскаго*; если эта масса формъ необходимо развилась изъ немногихъ, какъ варіація немногихъ основныхъ темъ, какъ результатъ вѣковой дѣятельности діалектическаго инстинкта: то спрашивается — какъ найти ариаднину нить въ этомъ лабиринтѣ формъ плавныхъ сочетаній лз, рз, чтобы ввести въ эту массу порядокъ, историческую послѣдовательность? Какъ разобратся въ этой массѣ? Какъ и можно ли найти для нея праформу, а если не одну, то праформы? Какое нарѣчіе стоитъ ближе къ искомому праязыку? Какъ понять отношеніе славянскихъ нарѣчій между собой, какое можетъ имѣть значеніе родословное древо или дуалистическая классификація съ точки зрѣнія этихъ плавныхъ сочетаній лз, рз?

Мы сказали, что русскій языкъ показываетъ замѣтную выдержанность системы — *ор* не смѣшивается съ *ро* (*горда* — *кровь*), извѣстную стройность. Сравнимъ же формы русскаго языка съ формами языка старословенскаго, который — обычная точка отправления при всякомъ сравненіи въ области какъ славянскаго, такъ и общаго языкознанія, по крайней мѣрѣ — таковъ обычай.

Старословенскіе памятники предлагаютъ *два* или *четыре* формы плавнаго сочетанія, смотря потому, придавать ли значеніе различенію глухаго *з* отъ *ь*, или нѣтъ:

- 1) конс. + л + з + конс. — *взлзкз. плзть.*
- 2) конс. + л + ь + конс. — *жлътз. слъза.*
- 3) конс. + р + з + конс. — *грздж. крзвъ.*
- 4) конс. + р + ь + конс. — *врѣка. крѣстьз.*

Русскій языкъ этимъ *двумя* или *четырьмя* формамъ противопоставляетъ *восемь* формъ или комбинацій тѣхъ же элементовъ, при извѣстномъ равенствѣ — *з = о, ь = е*:

- 1) конс. + о + л + конс. — *волкз.*
- 2) конс. + л + о + конс. — *плоть.*
- 3) конс. + е + л + конс. — *желтъть.*
- 4) конс. + л + е + конс. — *слеза.*

- 5) конс. + о + р + конс. — *юрда*
- 6) конс. + р + о + конс. — *кровь*.
- 7) конс. + е + р + конс. — *верба*.
- 8) конс. + р + е + конс. — *крестъ*.

Двойное или четвертное количество формъ русскаго языка произошло, очевидно отъ различенія вокаловъ о=х, е=ь, предъ л, р и послѣ нихъ. Какъ относится остальные славян. нарѣчія къ этому несогласію русскаго языка съ старословенскимъ, при привилегированномъ положеніи послѣдняго—быть исходной точкой для разрѣшенія каждаго разлада между двумя любыми нарѣчїями? *Дѣь (четыре)* или *восемь форма* имѣють право на старѣйшинство: богатство формъ русскаго языка — фактъ позднѣйшаго историческаго развитія, или его раздѣляютъ и его славянскіе сочлены, т. е. это богатство не исконная-ли принадлежность цѣлаго славянства? Короче, *идь основная вокализация плавныхъ сочетаній: конс. + л, р + х—ь + конс.?*

Разсмотримъ каждое изъ четырехъ русскихъ сочетаній л и р съ точки зрѣнїя каждаго изъ славянскихъ нарѣчїй, отдѣльно сочетанія л, отдѣльно сочетанія р.

ОСНОВНАЯ ВОКАЛИЗАЦІЯ

плавныхъ сочетаній: конс. + л, р + з — ь + конс.

ОТДѢЛЪ I.

ПЛАВНЫЯ СОЧЕТАНІЯ: конс. + л + з — ь — + конс.

ГЛАВА I.

Послѣдовательность ол — лз.

1.

Разсмотримъ ближе слова семьи *ол — лз* въ *русскомъ* языкѣ.

Слишкомъ осмивѣковая монументальная исторія русскаго языка показываетъ, что форма *ол* была искони его достояніемъ, гдѣ въ старословенскомъ *лз*. Какъ сегодня русскій съвера говоритъ *волкъ*, юга *воук* (изъ *волкъ* не раньше XIV в. см. мой перв. «отчетъ» 35 или «Записки Нов. Ун.» XVIII. 225), такъ говорили и предки наши XI—XII столѣтій, безразлично — на Волховѣ-ли (остромирово евангеліе *лз*, *зл*, *злз* и др.) или на Днѣпрѣ (Изборьники 1073 и 1076 *лз*, *зл*), въ Карпатахъ (Галицкое евангеліе 1144 года: *зл*, *лз* ср. доскутья старыхъ рукописей галицко-русскихъ въ моемъ перв. «отчетѣ», въ началѣ). Излишне упоминать, что *зл* могло = только *ол* — въ памятникахъ русскихъ или подъ перомъ русскаго писца; что же до двойнаго *з* въ *злз*, то объ этомъ рѣчь ниже.

Остановимся прежде всего на отношеніи малорусскаго нарѣчія къ соч. *ол*. Мы знаемъ, что въ области этого нарѣчія широко распространилось измѣненіе звука *о*, кореннаго или суффикснаго, въ *і*, явленіе, которое не восходитъ своей стариной ранѣе XIV

вѣка ¹⁾. Безусловно подчиняя себѣ всякое *о*, этотъ спеціальный законъ малорусскаго вокализма не простирается однако на *о* въ сочетаніи *ол*: *воук*, *поуен*, но *вѣвця* ²⁾. Если *о* въ сочетаніи *ол* удерживаетъ свою природу не смотря на мощный напоръ новаго малорусскаго закона; если так. обр. русскій языкъ являетъ рѣдкую консервативность въ сочетаніи *ол*; если сочетаніе *ол* осталось неприкосновеннымъ на пространствѣ слишкомъ осьми вѣковъ, не смотря на сильныя потрясенія, вынесенныя языкомъ въ этотъ немалый періодъ его жизни: то нѣтъ достаточнаго основанія полагать, что слова семьи *волкз* звучали иначе, не съ *ол*, ранѣе

¹⁾ Мой перв. отчетъ 31 или «Записки» XVII. 221. Здѣсь же предложено и послѣднее объясненіе перехода *о*, *е* въ *і*.

²⁾ Ранѣе меня, извѣстный знатокъ малорусскаго и вообще русскіихъ нарѣчій, пр. Потебня, указалъ на неизмѣняемость *о* въ *ол*, какъ на замѣчательную особенность малорусскаго вокализма («О звуков. особенностяхъ рус. нарѣчій» отд. отт. 96). Но и неприкосновенность *ол* имѣетъ свои исключенія: въ галицкой грамотѣ 1424 г. «оу Вѣлчи» = *Волчи* (мой «I отчетъ». 31—221) Ср. обще-извѣстное *ирло* (Днѣпра, Дуная). Что *ирло* изъ *юрло*, видно изъ слѣд. мѣста молдавской грамоты XVI в.: «съ вѣсьми своими *ирлами* и иезервами» (Венелинг. «Влахоболгарскія грамоты» 217). Выраженіе *Вѣлчи*, можно объяснить или вліяніемъ аналогіи общаго измѣненія *о* въ *і*, какъ это видно и въ формѣ «дрыва» другой галицкой грамоты 1424 («Отчетъ» 31), или вліяніемъ польскаго языка: *волкз* = *wilk*. Форма *ирло* есть необходимо результатъ аналогіи. Аналогію мы увидимъ и въ другихъ плавныхъ сочетаніяхъ: у Шевченки то *черноброви*, то *чернобрѣви*. Замѣчательно, что, въ параллель неизмѣняемости *о* въ *ол*, тоже неизмѣняемость является и въ словахъ т. наз. «перваго» полногласія: въ *оло* первое *о*, предъ *л*, неприкосновенно, второе же подлежитъ вліянію спеціального малорусскаго закона—*олівонька*, какъ общерусское *полмя* изъ *полома*. Это, по мнѣ, показываетъ, что въ *оло*—ст. слов. *ла*, *ль*—каждое изъ *о* не одного происхожденія, не одной природы: второе *о* равнялось позже, какъ *полонз* изъ *полюз*, первое же—основное, неприкосновенное, Самъ Даничицъ, относя серб. *плѣн*—рус. *полюнз* къ *V⁻rag*—«пунити» («Основе». 135), отождествляетъ основные элементы обоихъ словъ: *полюнз* и *полюз*. Если *ол* въ корнѣ *мол* глагола *молоть* является въ основѣ граев. еъ *измѣненнымъ* вокаломъ—*мелю*, тогда какъ *полоть*—*полю* (*V⁻mol*—литов. *mal*, лат. *mol*, айскому *mar*. *Fisch* «Wörterbuch» II. p. 433. 434. *Данич.* «Основе» 135), то причина особенная—смягченіе *л*; ср. кашубское *volk*—*velk*, *wilk*. Эта мѣна *ол* на *ел* дорусская: *мльти*—*мелік*, но *тльци*—*тлькк*. Даже при метатезисѣ окружающихъ *ол* консонантовъ *о* неизмѣнно: «*косталисте* и отворилося вамъ»—въ рѣчи венгерскихъ русскіихъ («Науковый Сборникъ». Львовъ. 1865. III. 193.) *V⁻толк*.

XI в., имѣя напр. *ол* вм. *ол*, какъ утверждаетъ Потебня¹⁾). То есть, за формой *ол*—*лз* справедливо признать исконную старину въ языкѣ русскихъ славянъ: его хронологія — хронологія имени «русскій».

Но въ переписяхъ русскихъ писцовъ XI в. кромѣ обычной мѣны правописанія старослов. оригиналовъ *лз* на *л*, встрѣчаются еще слѣд. начертанія: *лз*, *'лз*, *лз'*, *'л'*. Такъ въ остром. ев., Изборьникахъ, XIII словахъ Григорія Двоеслова и др.: *сзлзньцю* *взлзкз*. Такъ какъ ' = пропускъ полугласнаго²⁾, въ данномъ случаѣ *з'а* (Ягичъ желаетъ слышать въ старослов. языкѣ *l* среднее — т. е. *взлзкз*, а не *лзкз*, въ своихъ интересныхъ этюдахъ надъ языкомъ зоографскаго глагол. четверо-евангелія и др. статьяхъ, «Archiv für slawische Philologie» I. 355; но одно словенское *voik*, а къ кайкавско-словенскому приурочиваетъ и Ягичъ старословенскій языкъ, робко *ib.* 2, рѣшительно *ib.* 351—при переходѣ въ слав. нарѣчійхъ *l* въ *и* и только по исключенію *l* въ тоже *и* — противъ мысли о среднемъ *l*), то спрашивается, какъ понимали русскіе слависты XI ст. *л* среди двухъ *з* (= *о*), какъ читали они свое *сзлзньцю*?

По Колосову, первое *з* писалось по русскому произношенію, второе изъ подражанія оригиналу («Очеркъ исторіи рус. яз.» 59. пр. 2); но Потебня противнаго мнѣнія: для него оба *з*—каждый на своемъ мѣстѣ, съ свойственнымъ каждому изъ нихъ звуковымъ значеніемъ³⁾. Ягичъ, подвергнувши тщательной критикѣ правописаніе

¹⁾ «Филологич. Записки» 1876. II. 63. 64. Съ мнѣніемъ пр. Потебни согласился даже пр. Ягичъ («Archiv für slaw. Philologie». I. 385).

²⁾ Ягичъ не соглашается съ мнѣніемъ, что ' эквивалентъ *з* или *в* въ рукописяхъ («Archiv» 364); но противъ него говорятъ рукописи любой редакціи, начиная съ супральской: старые писцы, пиша ' обозначали тѣмъ пропускъ *з* или *в*. См. мой третій отчетъ «Зап. Нов. унив. т. XX въ разн. мѣст.

³⁾ Второе полногласіе (*оло* вм. *ол*), «исключительно свойственное съ вернорусскимъ говорамъ», можетъ быть связано «посредствомъ ряда памятниковъ съ древнѣйшимъ известнымъ памятникомъ новгородскаго письма — оstromировымъ евангеліемъ» (Потебня «Филолог. Зап.» 1876 II. 92. III, 100). Другими словами, если діаконъ Григорій писалъ: *моленид*, то это знакъ, что онъ произносилъ это и подобныя ему слова такъ, какъ произноситъ и теперь новгородецъ, говоря: *молонья*, *столовь*, *холовь* и т. д.

рукописей русских, пришелъ къ отрицанію положенія Потебни: «чѣмъ памятникъ болѣе русскій, тѣмъ рѣже въ немъ двойное *ѡ* и наоборотъ»¹⁾; этимъ мысль Колосова получаетъ фактическое подтвержденіе. Такъ обр., для Ягича современное сѣверно-русское двойнѣ *о* вм. одиночнаго *о* въ литературн. языкѣ не имѣетъ ничего общаго съ двойнымъ *ѡ* остромирова евангелія и другихъ рукописей русской редакціи. Но нѣтъ-ли двойнаго *о* вм. двойнаго *ѡ* и въ русскихъ памятникахъ глубокой старины? Относительно новгородскихъ грамотъ XIII — XIV в. не можетъ быть сомнѣнія: ср. «на Торожку»²⁾; но двойное *о*, гдѣ въ остромирѣ двойное *ѡ*, встрѣчается и въ памятникахъ не новгородской рѣчи, а скорѣй всего — южной, и въ памятникахъ, вѣроятно, раньше XIII—XIV вѣковъ. Я имѣю въ виду нѣкоторые изъ *галицко-русскихъ* отрывковъ, описанныхъ мною въ моемъ первомъ «Отчетѣ.» Такъ въ отрывкѣ № 1 — *толокоующєе*; ср. № 3 — *доростола*³⁾, дал. *оболкшєсь*, *исползнєни*, *сволокъса* въ южнорусской переписи пандектъ Антіоха, 1307 г., во Львовѣ (у кан. Петрушевича) стр. 42 b, 3 a, 42 a. и др.⁴⁾ Въ виду этихъ данныхъ, я полагаю бы, что истина по серединѣ: извѣстная часть двойнаго *ѡ* старыхъ рукописей русскихъ имѣетъ основаніе въ языкѣ: *ѡ*лѡ = *оло*. Поэтому, если въ ипат. лѣтописи встрѣчается *полокъ* (р. 232), то я не вижу основанія видѣть въ *оло* этого слова заносъ сѣвернорусскаго переписчика.

Итакъ, второе полногласіе *оло*, бытующее издавна на территоріи русскаго языка, состоитъ, какъ показываетъ сравненіе съ ближай-

¹⁾ «Archiv. f. sl. Philol.» I. 367. Въ *галицкомъ* евангеліи 1144 и слѣда нѣтъ двойнаго *ѡ*—*ѡ*.

²⁾ Потебня «Фил. Зап.» 1876. II. 98. Ср. ib. III. 99.

³⁾ Перв. «отчетъ» 4. «Зап. Нов. ун.» XVIII. 194.

⁴⁾ ib. 6. 16—206. Двойной полугласный *ѡ* или *ѡ* имѣетъ мѣсто и въ памятникахъ сербской, болгарской редакцій, даже панонской (*исп'лєни* суип. рук.); но тамъ онъ имѣетъ иное значеніе, чѣмъ въ остромировомъ *ѡ*лѡкъ второй *ѡ* — принадлежность оригинала старословенскаго, первый *ѡ* — указывалъ выговоръ писца. См. мое описаніе слѣпченскаго апостола и, особенно, бѣлградской тріоди, мѣненъ въ трет. «тчетѣ», отд. 53—85. «Зап. Новор. унив.» XX. 131—163.

шими и отдаленнѣйшими славянскими нарѣчіями, сравненіе съ нѣмецкимъ, латинскимъ и др. языками (*волкъ* — нѣм. *Wolf*, *долга*—гот. *dulgs*, *полкъ*—*Volk*, лат. *vulgus*, *молозиво*—лат. *mulgere*) изъ кореннаго — перваго — о и о послѣ л новаго образованія. Какъ не имѣющее отношенія къ корню, это второе о (послѣ л) назовемъ *паразитнымъ*.

Какое же основаніе этому паразиту?

Остановимся на нѣкоторыхъ выраженіяхъ русскаго и нерусскаго языковъ, живой ли рѣчи, или памятниковъ старины.

Въ русскомъ языкѣ:

долина вм. *длина*.

загарбаты (Шевченко) вм. *загарабити*.

коромысло изъ гр. *κρομίστρον* («Фил. Зап.» 1876. IV. 41).

«дотуль гощь *иллава*, покуль не пойдавъ» (бѣлорус. «Зап. геогр. Общ.» I. 297).

«тільки морозъ, що смієтця» (Шевченко).

рвать — малорус. *ірвати*.

ржать — малорус. *іржати*.

рожь — *оржаной* (въ Домостроѣ), теп. *аржаной*. *іржа*. *тверезый*, бѣлорус. *тверозый* вм. *трезвый*.

Ольто, *Альто* изъ *Лвто*, теп. *Ильтиця*. *Ильвовъ* ипат. дѣт. Стар. *Рѣша* — теперь *Орша*.

Въ лѣв. пандектахъ 1307 г.: *скоронша* 7 в. *стърпыль* 11 а. *довольеть* 26 а. *скзроренъ* 42 в. *коромъчим* 60 а. *главою* 77 а. *вѣрмене* 87 в. *пзлаче* 98 в. *пърьстоупникъ* 104 в. *бзратыя* 113 а. *пърилъжною* 114 а. («I Отчетъ» 16—206).

Въ грамотахъ южнорусскихъ: на *переволъ* *матѣки* 1421 г. *Чортворыискыи*. *маршаллако* 1403 г. *иванюко*. *воитюко*. *Мареюрътою* 1418 г.

Въ польскомъ языкѣ: *parów* (*głury, dobry*), *czerep*, *czerepacha*, *scorupa* (*czereda, czerepcha, czeresma* изъ русскаго), *poleć* = кашуб. *połc*. кашуб. *polen, lna; czerekwa* 12. 14. *czirekwi* 19 а (при кашуб. *cerkev*). *we kirvyech* при *krew* 63 в. *chirzybet* 90 а, *scorupina* 11 в, albo *ylsczywego* 65 в, *opulwite* при *oplwytosczy* 86 в—въ псалтыри флоріан-

ской или т. наз. корол. Маргариты (изданіе Борковскаго). *otewroci, otevroci* (отрывки XIV в. *Małkowski* «Przegląd najdawniejszych pomników jęz. polsk.» Warsz. 1872 p. 32) и пр.¹⁾

Въ языкъ славянъ *балтійско-полабскихъ*: *kilawtz = kläutze, billiawe, dillân, krodahl, melauca* при *mlauku* (*Schleicher* «L. For. Lehre» § 113. 12. 14). *karrou = kroy* (*Pfuhl* «Pomniki Połobian» въ «Časopisu towař. maćicy serb.» 1863 — 1864. p. 151.) *taroi = тпу* (ib. 39.) *terri* (153), *sarat = зръти* (135). *paraneitza* (179). *pereicka* (153) *divar = дверь* (58).

Въ чешскомъ: *polona* при словацк. *plena*. чеш. слов. *peles, peleš* при *pleso*. *jeřabek* вм. *řabek = руск. рябчикъ. hržeti* вм. стар. *řfati*, какъ это въ «Mater verborum» f. 141. Въ народномъ говорѣ всегда *sedum, osum* вм. литературныхъ *sedm, osm* (ср. *Erben* «Písňe» p. 91, 188 и др.) Въ старомъ языкѣ: мѣстныя имена — *Cerekuici, Cerekuice* (*Erben* «Regesta» гр. 1108 г. 1167, откуда *Crekouicih* ib. 1131 г.) при основѣ *cierekw*, откуда нынѣшн. *ciркеv. Czerekwicz. (Tingl. «Libri confirm.» p. 3. 28. 106. II. 73. 99);* просто — *fwate cyerekwe, cierekwe* (музейный пасональ XIII в. f. 306. 453 ср. мой втор. «отчетъ» p. 2). Основа *jadrn* — въ муз. отрывкѣ псалтыри $\frac{1}{2}$ XIV в.: *yadirnofstmi* (f. I в.). Въ «Mater verborum»: *oftra—cerez* (f. 235). *varius —pelest* (98). *discolor —pelest* (360). Въ глосов. псалтыри XII в. въ музеѣ: *declaratio aruenie* (f. 114 в.). Я не касаюсь бѣглаго *e*, какъ въ прил. *pekelný* отъ сущ. *peklo* и т. д.

Въ словенскомъ. При *brég, kry, črivje, črišna, smrek, rudeč, rja, rvat—berég* (*Murko* «Besédnik»), *keru* (*Habelich* «Vocabularium»), *čirivje, čirišna, smereka* (*Бодуэнъ* «Опытъ

¹⁾ Ср. *Бодуэнъ де Буртенъ* «О древнепольскомъ языкѣ» § 81. Къ о.ло в. 10 прибавлю, что въ старыхъ грамотахъ Мазовіи сельскій судья называется *volodarius* см. *Дуинъ* «О мазовецкомъ правѣ.» «Варшав. университет. извѣстія». 1876. № 3, p. 59.

фон. рез. гов.» р. 26, 27) *erdeč, erja* (*S. Vraz* «Пѣсни»), *arvat*. Въ вайкавскомъ: *cheret* (=очереть). *ad Korostech, no Craztenice. Chresneycha. de Cheresnou*, но *Chresneuch. ad verticem montis, qui volgo dicitur Zelemen Dumbirou. ibi divitur meta Carachuna. ad paludem Sered* (*Tkalčić* «Monum. histor. ep. Zagradiensis.» II. 119. 120. 125. I. № 186. II. 84. 71. I. 18. 6. 11. 15). Ср. въ вайкавскомъ переводѣ нов. завѣта 1730 г. *genulzseie* (96) = *инулся*.

Въ сербскомъ (хорватскомъ) *нарав*, *корак* при *крати*, *добар*, *аенат*, *пекао* и т. д. Въ старыхъ памятникахъ: *valastelin, suetorelegh* (*Kukulević* «Codex dipl.» I. гр. 1071. 1101 г.). въ *каравань* = *ἐκ τὸν хорβαῶν* (еванг. до 1200). *вьръме*, *жеречьскъ* (*ib. Срезн.* «Свѣдѣнія» II. 32). Въ глагол. апостолѣ *Михановича* (XII в.): *пърьди*, *пърьети*, *вьръме пърьетьно*, *сьлоузы*, *сьлава* и т. д. *Jagić* «Rad» II. 10. Ср. на слѣд. стр. явленія литовскаго языка. *чернь* (*Коричая* 1262 въ *Загребѣ*). *нравь*, *злонорънвивыхъ*, *Тоурьсь* = *Тоурась* (*берлин. сборн.* XIII в.). *старана* (въ грамотахъ *Майковъ* «Исторія серб. яз.» 337). *малин* = *млин* (въ глаг. памятн. *Jagić* «Gram.» 25). *шторокъ* (*псалт.* 1346 г.). *невтраны*, *оумысальшоу*, *вльхавъ*, *мататей* и др. («*Никол. еванг.*» 23 а. 1 в. 2 в. 1 а.). *осаль*, *впаль*, *валахоу*, *валаючиць*, *маракъ*, *тарась*, *братарьскі* и др. («*Новый завѣтъ Хвала*» 1404. «*Starine*» III р. 8, 35, 34, 13, 12). *се арвѣ* (*дубр. сборн.* 1520 въ *Загребѣ*). Извѣстно, наконецъ, старое правописаніе далматинцевъ: *argua, arvat, arxati*, напр. у *Stulli* въ словарѣ. Ср. *aerghja* въ *Сборникѣ* 1697 («*Записки географич. общества*» II 124).

Въ *дако-славянскомъ* (*Трансильванскія* 4 села—*Reussdorf, Bongard, Csergöd nagy, kis*): *parof* = серб. *нарав*, болгар. *нрав*, рум. *нрав* (*Miklosich* «Denkschriften d. Wiener Akademie», VII. статья IX). *horotien* = *хромъ* (*ib. ст.* IX).

Въ *болгарскомъ*: *двъ зтравѣ*. при *чръп*—*червъпъ*, *нрав*—*нравъ*, *страна*—*стърна*, *старна*. *свекърва*. *Петер* (*Миладиновци*. 97. 230). *добор ѡнавъ*, *храбор* (*Верковић* № 1, 2 и др.). *прълога*, основа *ла* (*Дриновъ* «Период. спис.» XI. 160). *сумъ* = *есмъ*,

седум, осум (Миладиновци р. 77, 343, 357, 342 и др.). *Немам пералтя*, основа *пра* (Безсоновъ II 104). *черенче, черен* (Дозон «Chansons» р. 76). Въ старомъ языкѣ: *дрвстерскъ* въ грамотѣ Асѣня (Miklosich «Lex.» s. v.). *храборьскы, перание*. (Миня XIII в. изъ собран. Григоровича въ библ. Новорос. Универс. № 32 f. 74 а. 142 b. 67 а.). *храбор'ство* (Миня XIII в. тамъ же № 33 f. 35 а. и др.). *самартъ,—ти* (Сборникъ XVII. тамъ же № 65 f. 95. а. b.). Можетъ быть, сюда слѣдуетъ отнести правописаніе болгарск. рукописей XIV—XVII в. е, а, о + л, р + (з) и чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ чаще: *дер'во, тер'ниѣ, чер'квѣ, кер'пича, чер'нило, чер'ница, дер'жи* (Сборникъ XVI в. на болг. нар. языкѣ тамъ же № 63 f. 225 b. 221 b. 130 b. 175 а. 205 b. 237 а.). *жер'тви, чер'ви, сквер'но* (сборникъ XVII тамъ же № 64. 16 b. 105 b. 110 b.) *пов'ни, жел'тицы, мартвигте, върна се, нр'во* и пр. (Сборникъ № 65. 4 а. 39 b. 95 b. 33 b. 38 а). Ср. *хилемъ = шльмъ* (Троянск. притча. «Stargine» III 153).

Въ старословенскомъ: *Тоурвса* и др. *пльна = пелена* (Ср. Miklosich «Vergl. Gram.» I. 89).

Въ литовскомъ: *krasztas* (край) въ выговорѣ *karasztas, grėkas — garėkas, Kristus — Karistus*. Лит. *galva* = латыш *galava* (голова). Куршатъ говоритъ ясно: «чтобы облегчить твердое произношеніе (*k, g + r, n*), вставляй между *k* или *g* и слѣдующимъ консонантомъ легкое, бѣглое *a*»¹⁾.

Въ мадыарскомъ. Изъ славянскихъ основ.: *блат, брат, грек, крал, крест* развились мадыарскія слова: *balaton, barát* (= одинъ изъ монаш. *братии* ²⁾), *görög, kereszt, király*. Ср. *orosz* и др.

Языковъ латинскаго, греческаго и арійскихъ (*ἐ-ροδρός, дол-ι-χός*; нарн. лат. *magistaratum, balatrones; pur-ī-šam* изъ *parsa*) я не касаюсь: о паразитной вокалиціи въ этихъ языкахъ см. специальный

¹⁾ «Grammatik der litthauischen Sprache» (Halle 1876) 25. Ср. Schleicher «Handbuch der lit. Spr.» I. 18.

²⁾ S. Gyarmathi «Affinitas ling. huncar . . . nec non vocabularia dialect. tartar. et slavicarum cum hung. comparata» (Gottingae 1799) 307.

трудъ I. Шмидта: «Zur Geschichte des indogerman. Vocalismus». II т.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы находимъ новые вокалы — глухой-ли *з*, или чистые: *e*, *o*, *a*, *i*, *u*, но всегда простые, которые не могутъ быть объяснены изъ состава корня или основы: они лишніе съ точки зрѣнія этимологіи. Всмотрѣвшись въ положеніе ихъ въ данномъ словѣ, мы видимъ, что они обычно являются при плавныхъ *l*, *r* (Ср. *Orsha*, *іржа*, *Ольто*, *erdeŝ*, *aržati* и т. д.), но часто и при стеченіи двухъ вообще консонантовъ, чаще же всего — если одинъ изъ этихъ консонантовъ плавный *l*, *r*. Я не буду входить въ разсмотрѣніе вопроса о хронологическомъ слѣдованіи этихъ паразитныхъ вокаловъ: исторія сербскаго и болгарскаго языковъ показываетъ, что прежде всего этотъ паразитъ является въ видѣ глухаго (*з*), или просто паузы голоса, и уже позже развивается *з* до своего конечнаго предѣла *а*; вѣроятно, промежуточные ступени занимаютъ вокалы *i*—*e*, *o*—*u*. Но обязательенъ-ли этотъ порядокъ слѣдованія для каждаго языка, напр. для русскаго—сомнѣваюсь.

Так. обр., паразитный вокалъ вызывается плавнымъ *l*, *r* или группой консонантной, при чемъ и въ ней главная роль выпадаетъ на долю того же плавнаго. Второе условіе (конс. группа) есть частное подтвержденіе того общаго наблюденія, что каждый языкъ нерасположенъ ко встрѣчѣ консонанта съ консонантомъ: говорю—языкъ, а не славянскій языкъ, потому что мадьярскія *kereszt-kresta*, *barát*—*братъ* не дозволяютъ приурочивать паразитную вокализацию лишь извѣстной семьѣ языковъ. Что касается до первенствующей роли плавнаго *l*, *r*, то причина этого въ физическомъ свойствѣ, природѣ, этихъ звуковъ—легко вызывать впереди или позади себя вокальнаго слутника—призывуъ, «Stimnton»: *длина—долнна*¹⁾. Это явленіе —вызывъ новаго вокала-паразита, особенно при *l*, *r*, Шмидтъ назвалъ терминомъ санскритскихъ филологовъ—*svarabhakti* (въ только что упомянутомъ трудѣ). Для краткости позволю себѣ иногда пользоваться этимъ терминомъ.

¹⁾ Ср. Schmidt «Zur Geschichte etc.» II. 4. 299 и др.

Если, так обр., группа консонантовъ, особенно группа ликвидальная, свободно вызываетъ паразитный вокаль и даетъ тѣмъ корню или основѣ новую форму, новую вокализацию, то намъ теперь не трудно понять, что такое второе *o* въ *полокѣ* при обычномъ *полкѣ*, его смыслъ и причину: появленіе второго *o* есть частное примѣненіе на плавной группѣ *l + cons* общаго закона — устранять встрѣчу двухъ консонантовъ, о которомъ была рѣчь выше. Второе *o* есть законная *евфоническая вставка*, и вызвана она евфоническими условіями языка; но какъ элементъ эстетическаго вкуса, не первой необходимости, она можетъ ограничиться немногими словами или извѣстной мѣстностью и легко устраняется изъ обще-употребительнаго языка: отсюда въ литературномъ русскомъ языкѣ нѣтъ ни *полокѣ*, ни *долинѣ*, хотя никто не усумнится въ русской національности выраженій — *полкѣ*, *длина*.

Чтобы окончить рѣчь съ новой, паразитной вокализацией, видоизмѣняющей вокализацию основную или коренную, мнѣ необходимо коснуться одного, нерѣдкаго явленія въ славянскихъ языкахъ — именно той новой вокализации, когда паразитный вокаль предъ *l*, *r* или межъ двухъ консонантовъ, гдѣ второй также *l*, *r*, успѣлъ заглушить основной, коренной вокаль, стоявшій позади втораго консонанта. Очевидно, это явленіе есть послѣдній результатъ того процесса, о которомъ была рѣчь выше: отъ *крав* пошли формы — болг. *нрав*, *норав*, серб. *нарав*, пол. *narów*; если бы мы пожертвовали вторымъ *a*, то получили бы форму крайняго развитія сварабакти — **нарв*. Правда, такого слова языкъ не знаетъ; за то есть масса словъ, пошедшихъ по пути, только что указанному для слова *крав*. Русскій языкъ почти чуждъ этого явленія: *Враб*, но въ малорусскомъ — *загорбити*; чаще это явленіе въ югозападной оконечности русской области, въ Карпатахъ — *квртиця* изъ *кратѣ* — *кратѣ*, *кврниця* изъ *криниця*, *кврстити* изъ *крестити*, *христити*, *Тврстянка* изъ основ. *трост* въ *трость*. Тоже можно сказать и о польскомъ — новое свидѣтельство дѣвственной неприкосновенности организмовъ обоихъ языковъ. За то тѣмъ ярче это явленіе въ

языкахъ порушенныхъ—болгарскомъ, сербскомъ, кавказско-словенскомъ, дакославянскомъ, чешско-словацкомъ.

Болгарина говоритъ безразлично: *пуди, педи, педи, гуди* («Период. спис.» XI. 165); *лубок—лзбок, дзбок, далбок*, (Верковичъ. 238, 339), *дзбок (Dozon)*; *пудина—гудина* (Безсоновъ. II. 89. 107); *презъ изъ graecus — грк, грк (ib.)*; *прилично—пзрлично*, т. е. предлогъ *при* = *пзр* (ср. словенскій, словац. яз.); *страна—стврна* (Милад. 35. 65, 142. 198 и др.) *при стрна (ib. 201)*; гр. *τραπέζα — трапеза, тзрпеза* (Милад. 90); *чревий — цзрвули* (Милад. 106).

Къ какому времени восходитъ это явленіе, за неизвѣнїемъ исторически точныхъ данныхъ, сказать не могу: но нѣкоторыя указанія позволяютъ думать, что языкъ пользовался въ указ. словахъ паразитнымъ вокаломъ уже давно, а это тѣмъ естественнѣе, что паданіе стараго вокализма датируется уже древнѣйшими памятниками болг. языка—напр. слѣпченскимъ апостоломъ XII вѣка. Въ грамотѣ 1483 г.: *Карстіанъ (Венелинъ «Даво-влахійскія грамоты» р. 126)*; выраженіе сборника XVI вѣка: *изльбини, оудльбока вода* (библ. Новорос. унив. № 63. 13 а. 48 а), вѣроятно, предполагають существованіе формы *изъльбини* и т. д., какъ это чередованіе знаетъ современный болгарскій языкъ. Ср. *дальбина* («Star. VI. 49).

Въ сербо-хорватскомъ языкѣ развитіе паразитнаго вокала еще полнѣе. Слова вокализаций основной и паразитной одинаково живутъ въ языкѣ: *вретено — вртено* (т. е. *взртено* у Сinya), *Добрчанова трава — добрчанова, ждријело, ждријети — ждрло, ждркнути* (въ Далмаціи). Примѣры эти изъ Рјечника Вукова.

Но много чаще вокализация коренная заглушена паразитной — въ словахъ иностранныхъ: изъ словъ — *graecus, Гри(е)горій, друѡв, crisanus, прохѡв, трапѣза, христосъ, (крестъ) сербъ сдѣлалъ: грк, грур, дртин, крѣан, крѣа, трпеза, крст*. Это явленіе—иѣна вокализаций—объяснить намъ позже образованіе сербской формы словъ русской семьи *кровь, крестъ: крв* т. е. *кзрв, карв, крст, карст* и др.

Понятно, принося въ жертву основную вокализацию сочетаний *p* съ вокаломъ *poslǎ p*, въ пользу паразитной, глухой, съ вокаломъ предъ *p*, языкъ тѣмъ легче, въ силу усвоенной привычки, аналогій, перевелъ вокализацию: чистый вокалъ + *p* въ излюбленную глухую форму, съ вокаломъ предъ *p*: изъ словъ *Варшава*, *горки*, *горкнути*, *дурновит*, *дурнути се* сербъ сдѣлалъ — *Вршава*, *грк*, *гркнути*, *дрновит*, *дрнути се*, употребляя впрочемъ и форму основной вокализации. Прибѣры изъ того же словаря Вукова. Изъ *урьки* = *хортахъ* — тѣмъ же путемъ образовалось чакавское и западное сербско-венгерское — *урикав* (*Kurelav* «*Јаѣке реѣме*» № 17). Уже винодолскій законъ имѣеть: *урикав*. *уриквених*, какъ и теперь на Винодолѣ («Чтенія моск. общ.» 1846. 4. стр. 52. 54. 456). Ср. выше *старана* граматъ. Въ дубровн. сборн. 1520: *Гариуръ* (17 b); въ серб. грам. 1517: *чолък* («*Mon. serb.*» № 474). Въ переводѣ апостола Ю. Далматина (XVI): *лбина*. Уже въ бѣлградской минеи XIII в.: *т'рьблжне*, *т'рье* (f. 5 b. ср. «тр. отчетъ» 72 слѣд.). Если принять во вниманіе, что группа *pa* мѣняется на *ap* въ основѣ *бран* уже въ граматѣ и латин. надписи IX вѣка—*Barnimero* (*Kukulević* «*Codex*» I. 65. «*Rad*» загреб. академій XXVII р.), то развитіе паразитной вокализации на счетъ основной, при *p*, извѣстно языку уже весьма давно.

Но нигдѣ такъ не осязательна гибель основной вокализации въ пользу новой, паразитной, какъ въ *кайкавско-словенскомъ* языкѣ. «Глухой *z*—говорить Метелко—краинецъ произноситъ охотно послѣ перваго кореннаго звука и въ тѣхъ слогахъ, въ которыхъ полный вокалъ слѣдуетъ послѣ двухъ консонантовъ: *darvo* вм. *dravo*; *garšiš* вм. *gršiš* (грѣхъ), *gariti* вм. *griti* («*Lehrgebäude d. slov. Spr.*» 3). Возьмемъ напр. сказки, собранныя Вальвцемъ въ южной Штириі; мы найдемъ въ нихъ: при основной формѣ *strjelati*—форму паразитной вокализации—*strliti*, т. е. *starliti*; предл. *pri*, въ соединеніи или одинъ, въ формѣ *pr̄r*: «*kunj je priša*», но «*da je mea kožo na sebi pr̄ito*», «*pr̄ enem kmeti*». («*Izvestje gimnazije i Varaždinu*» Zagreb.

1875. 4, 7, 14 и др.); *rudeš* = *erdeš*. *erdja* или *erja* = *reja*. Общее явленіе—паразитъ вокаль въ видѣ глухаго; но какъ въ болгарскомъ при *старна* существуетъ фр. *старна*, т. е. *я* усиливается до *а*, какъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ словенскихъ *я* варьируется и до *а*. Такъ на югѣ, въ резьянской долигѣ, говорятъ безразлично: *paršal*. *piršil*. *perchaja*. *paršal* (Бодуэнъ «Опытъ фонетики» р. 39. 62. 35. 33), т. е. *vr* = *ir* = *er* = *ar*. Тужемѣну мы имѣемъ въ резьян. нарѣчїи и въ любой семьѣ плавнаго сочетанїа: *smart*. *smirt*. *smart* при *smert*, *čirni*. *čarni* при *černi*; даже получаютъ новыя формы—*or*, *ur*: *varch*. *varch*. *vorch*. *vurch* при *verch* (ib. рас.). Что эта мѣна идетъ изстари, показываетъ языкъ переводовъ Трубера, XVI ст.: *erya*. *erdez*. *strela presterliti*. *persegal*. *perprauil*. *periasen*. *periatel* и др. («Апостолъ» 1577 г. въ Тюбинг. р. 126. 356. 86. 27. 122).

Опуская область чешскаго языка, полабскаго, я остановлюсь еще на давославянскомъ. Мы имѣемъ: «*parstai* nam *paste greši*» (рукоп. пештскаго музея р. 6⁵ см. трет. «отчетъ» 48 слѣд.) при *prostenie* (р. 7¹³): *verme* (Mikl. «Denkschr.» ст. XL). *perdni* = *прѣднь* (ib.). Если вспомнимъ серб. *върѣме* еванг. до 1200 г., то его вокализация—мостъ между *ерѣма* и *verme*.

Условїа появленїа только что указанной вокализаци, очевидно, тѣже, что и причины, вызывающїя сварабагги: это *l*, *r* въ началѣ, встрѣча двухъ консонантовъ, особенно *ten*. или *med*. + *liqu*. Но здѣсь исчезаетъ коренной вокаль *nosль*, хотя необходимо предположить время, когда при только что развивающемся паразитѣ бытовалъ еще коренной вокаль: эту стадїю мы видимъ въ серб. *върѣме*, но еще яснѣе въ мадыарскомъ *kereszt* по отношенїю къ основной формѣ *крестъ* (см. влоц. глаголиту, супр. рук.) и къ ея сербской или болгарской передѣлкѣ *кърст*.

Но почему языкъ не остановился на формѣ **кърест*, въ родѣ мадыарскаго *kereszt*, а повелъ начатое измѣненїе еще далѣе—до *кърст* и наконецъ *карст* (въ сербскомъ, болгарскомъ)? Между вокализацией мадыарской и основной, *kereszt* — *крестъ*, больше близости, нежели между сербской и основной, *кърст* или *карст* — *крестъ*.

Вѣроятная причина въ удареніи. Слово *крестъ* нѣмецкаго происхожденія ¹⁾, и въ старословенскомъ языкѣ оно звучало *крестъ*, хотя писалось *крѣстъ*, какъ показываетъ клоціева глаголита, сурпальская рукопись, т. е. съ вокаломъ *e* послѣ *p*, какъ и въ языкѣ источникѣ (*cristen*). Сербъ, заимствуя слово это, могъ приносить его не иначе какъ *крестъ* или *крест*. При сопряженіи *k—p* легко сталъ развиваться паразитный вокалъ впереди *p*: **kърест* = мад. *kerest*. Ср. выше литов. языкъ. Развивши новый слогъ впереди основнаго вокала, языкъ сталъ переносить не него удареніе, какъ на *первый* слогъ ²⁾; но отъ этого неминуемо послѣдовало ослабленіе въ силѣ или ясности произношенія основнаго вокала *e*,—*e* стало темнѣть и наконецъ совершенно исчезло. Это было тѣмъ легче, что опущеніе стараго *e* было и въ экономіи языка, времени для произношенія: звукъ мало стоящій, послѣ того какъ онъ потерялъ прикрытіе въ удареніи, и легко опускаемый, въ интересъ удобства выговора, не могъ долго оставаться.

2.

Переходя теперь къ разрѣшенію вопроса, какое значеніе можетъ имѣть русское сочетаніе *ол—лз* съ точки зрѣнія каждаго изъ славянскихъ нарѣчій, начну съ *польскаго* языка, какъ ближайшаго сосѣда.

Польскія слова русской семьи *ол* даютъ пять формъ на мѣсто одной русской: *ol* (т. е. форма тождественная русской) *polk*, *mowa* (см. *molwa*); вѣроятно, и *chustka* изъ *chulstka*, основа *cholst* = рус. *холстъ*; *el pelny*; *lo słonce*; *lu dlugi*; *il wilk*, *milknać wilnać*.

¹⁾ Miklosich «Die christliche Terminologie d. slav. Sprachen». (1875) 29. 38.

²⁾ Удареніе новаго перваго слога обусловило, какъ извѣстно, различіе личныхъ окончаній въ глаг. темъ настоящаго времени и темъ имперфектно—аористической уже въ старѣйшихъ членахъ нашей семьи: скр. *bhárāmi*, но *ābharam*. гр. *δίδωμι—ἔδιδον*. Bréal «Grammaire comparée par. Fr. Bopp.» t. III. introd. LVII.

Гдѣ исходная точка въ этой пестротѣ формъ? Изъ *oł* ли развились остальные формы, или наоборотъ — послѣдніа источникъ для *oł* — формы, общей польскому и русскому языкамъ?

За указаніями обратимся къ діалектологіи, и прежде всего чтобы уяснить возможное отношеніе формъ *oł*, *eł*, *il*, какъ наиболѣе далекихъ другъ отъ друга.

Въ кашубскомъ нарѣчій различаютъ два говора: болѣе старое нарѣчіе словинцевъ и кабатковъ на сз. и менѣе консервативное — кашубовъ на в. ¹⁾ Въ вопросѣ о сочетаніи *oł*, *ol* — аз мы находимъ слѣдующее соотношеніе обоихъ говоровъ: кабатскому *oł* отвѣчаетъ соб. кашубское *eł*, *il*: *połen*, *połna*, *vovk* ²⁾, но *rełn*, *velk*, *vilk*; но у тѣхъ же кашубовъ *oł*, гдѣ у поляка *il*: *połc* (*полть*) — *pilśc*. Если так. обр. архаическое нарѣчіе словинцевъ и кабатковъ имѣетъ *oł*, гдѣ у кашубовъ *eł*, и у этихъ послѣднихъ *oł*, *eł*, гдѣ у поляковъ *il*, то необходимо, что и отношеніе между формами *oł*, *eł*, *il* такое же, какое между самими говорами — т. е. языкъ шелъ отъ формы *oł* къ *il*, а не наоборотъ: *oł* общая форма наиболѣе консервативнаго говора. Это заключеніе оправдывается: а) бытованіемъ формы *oł* и въ другихъ польскихъ нарѣчійхъ; ср. собранія памятниковъ народной рѣчи *Wacławowa z Oleska*, *Zejsznera*, *Kolberga* для краковской области, *Rogera* «*Pieśni ludu polskiego*» (1863. Вреславль) для Силезіи, *Lipińskiego* «*Piosnki ludu wielkopolskiego*». I (Poznań 1842) для Познани; б) согласіемъ съ русскимъ языкомъ въ формѣ *ol* — *oł* ближайшихъ къ польскому сосѣдей на западъ — языковъ лужичанъ и славянъ полабс.-прибалтійскихъ; в) объяснимостью формъ *eł*, *il* изъ предполагаемаго основнаго *oł*.

¹⁾ Гильбердинг «Остатки славянъ на берегу балтійскаго моря». р. 82.

²⁾ Мѣна *ł*, звука, требующаго особенно сильнаго напряженія мускуловъ, на *и* или *o* весьма естественна: стоитъ только ослабить требуемое апряженіе. Эта мѣна въ области польскаго языка известна, кромѣ кашубскаго, въ нарѣчій силезскомъ (*L. Malinowski* «*Beiträge zur slav. Dialectologie*». Leipzig 1873. р. 34). Еще шагъ къ гвни — и *ł* = *и* исчезаетъ безслѣдно — въ краковскомъ нарѣчій: *modyt*, *gowy*, *tynarz* etc (*Kolberg* «*Lud*». V. Krakowskie II. 9. 152. 199), т. е. собственно *g'owy*, *t'yнарz*.

Сравненіе польскаго языка съ нарѣчіемъ словинцевъ и ка-батковъ, не знающихъ *il*, и одно *ol*, показываетъ, что *общепольской* формой могла быть форма *ol*; форма же *il*, какъ индивидуальная, болѣе новая, зато болѣе обычная. Какъ всякое новое явленіе въ языкѣ, форма *il* должна была стремиться вытѣснить форму отживавшую *ol*, и *ol*, дѣйствительно, сохранилось лишь въ немногихъ словахъ, какъ память о формаци, болѣе ранней.

Верхнелужицкій языкъ знаетъ *ol* = *oi*, нижнелужицкій также, и оба изрѣдка съ польскими вариациями (см. ниже); у славянъ прибалтійскихъ (Поморье, Мекленбургъ) известна одна форма *ol* (съ легкой мѣной *ul*); форма *al* (*ai*) въ сохранившихся памятникахъ языка недавно вымершихъ славянъ Люнебурга (въ Ганноверѣ) объяснима изъ *ol* и никакъ изъ *il* (см. ниже).

Отношеніе между *ol*—*az* и *el*—*az* необходимо тоже, что между *z*=*o* и *z*=*e*. Мы видѣли выше, что *z*=*e* есть фактъ относительно новый въ жизни славянскихъ нарѣчій, слѣдов. если въ польскомъ какое слово сохранило память объ *z*, какъ объ эквивалентѣ *o*, то это слово остатокъ старины глубокой—но это *z*=*o* въ словахъ *rolk*, *towa*; слѣдов. вокализация этихъ словъ древнѣе той, края является въ словахъ всякой иной вокализации: напр. *pełny*, *pełen* («jest ci tego *pełen* świat» *Lipiński*, op. cit. p. 57—«*pełen* grob manny» «Zabytek dawn. mowy pols.» 32³), гдѣ уже *z*=*e*. Такъ образ., процессъ образования формы *el* совершенно ясенъ: она вариантъ *ol*, фактъ болѣе новый въ жизни языка. Вокализация плавнаго сочетанія *ol* словинцевъ, кабатковъ и въ немногихъ словахъ у поляковъ есть память старины *допольской*, общеславянской, когда *z*=*o*; когда же въ языкѣ польскомъ возобладалъ новый законъ—*z*=*e*, хотя у лужичанъ еще *z*=*o*, онъ распространилъ свое дѣйствіе и на сочетаніе *ol*—*az*, т. е. *al*, и, вытѣсняя эту форму, языкъ поступалъ послѣдовательно. Форма *el* есть необходимая историческая замѣна старой формы *ol* на почвѣ польскаго языка. Понятно что на небольшой территоріи кашубскаго нарѣчія, или діалекта,

въ болѣе консервативномъ говорѣ кабатковъ еще *oł*, гдѣ въ менѣе консервативномъ собственно кашубовъ уже *eł*. Любопытно, что даже этимологическое *oł* переходитъ въ *eł* у кашубовъ: *полдень* = *pałnie, pełnie*¹⁾ Еще одинъ шагъ по пути къ новизнѣ — и явилась форма *il*, еще болѣе специальная, еще болѣе польская, чѣмъ *eł*.

Разница между *eł* и *il* двоякая: въ вокалахъ *e* — *i*, въ плавныхъ *ł* — *l*. Съ измѣненія ли вокала начался переходъ формы *eł* въ *il* или съ измѣненія плавнаго *ł*?

Легче допустить, что прежде всего измѣненіе коснулось *ł*; разъ перешло *ł* въ *l*, тогда мягкій выговоръ *l* свободно могъ вызвать впереди *l* звукъ *i*, какъ это напр. въ малорусскомъ — *Ильова* (грамоты XIV в.) или въ флор. псалтыри: «albo yłsczywego» 65 b., а это *i* вытѣснило собой старое *e*. Измѣненіе этимологическаго *eł* на *il* мы видимъ напр. въ старомъ языкѣ: «z wod *wylkuch*» Флор. пс. 86 а. «owocz *wylukuęu szychwathoszczy*» («Modlitwy Wasława». 76 b. см. ниже); еще обычнѣе *er* въ *ir* въ живой рѣчи: вмѣсто литер. *pierwszy* въ разговорѣ *pirwszy*. То есть, между *eł* и *il* лежитъ промежуточная форма *el*.

Но нарѣчіе кашубское указываетъ на иной ходъ образованія формы *il* изъ *eł*, если допустить кашуб. форму *wilk* = пол. *wilk*; прежде всего имѣло бы мѣсто измѣненіе вокала *e* на *i*, но *ł* оставалось, и уже потомъ, подъ влияніемъ *i*, *ł* дало *l*, такъ что промежуточной формой между *eł* и *il* была бы форма *ił*. Такого мнѣнія и пр. Потебня²⁾.

Но какая бы то ни была промежуточная форма, *el* или *ił*, форма *il*, какъ ограниченная известной мѣстностью польскаго языка, не знакомая наиболѣе консервативнымъ вѣтвямъ его: ка-

¹⁾ Стремльеръ. «Фил. Зап.» 1873. III. р. 18.

²⁾ «Филол. Зап.» 1876. II. 66: сначала *wilk* потомъ *wilk*. Ошибочно непосредственное сближеніе *i* въ этой формѣ съ *i* въ литовскомъ *wilkas*, какъ это дѣлаетъ авторъ.

шуб. *volk*, *velk*, *melczec* = польск. *wilk*, *milczec*, можетъ быть понята какъ вариация формы *el*, *ol* и никогда, какъ источникъ для этихъ послѣднихъ, чего требуетъ, и настойчиво, I. Шмидтъ, который, по непостижимому недоразумѣнью, и общеславянскій языкъ награждаетъ формой *il* (*yl*), вмѣсто едино возможной—*ol*¹⁾.

Остаются формы *lo* и *lu*: *śłońce*, *długi*. Если принять во вниманіе мѣну *o* на *u* чрезъ *ó* т. е. *uo* въ исторіи польскаго и чешскаго языковъ—о фактъ древнѣйшей жизни языка, и позднѣйшей, то, очевидно, *lu* есть простая вариация *lo*, есть *lo* позднѣйшей даты²⁾. Одинъ и тотъ же V языкъ знаетъ то съ *lu*, то съ *lo*: *tlukę*, но *patłok*. Итакъ, вокализация словъ *długi*, *klusy* сводится на вокализацию *śłońce*.

Мы видѣли, что формы *el*, *il*, *il* сводятся на *ol*: можно ли свести и форму *lo* на *ol*? Не разнствуясь матеріально, обѣ формы разнятся позиціей вокала: если допустимъ метатезисъ, то форма *lo*—результатъ метатезиса *ol*. Возможность подобнаго метатезиса для словъ формы *lo* указывается выраженіемъ флоріанск. псалтыри *mlowicz* (р. 61. а) вмѣсто обычнаго тамъ *molwicz*—ясно, что здѣсь *lo* вариация *ol*. Но форма *lo* можетъ быть объяснена и помимо метатезиса.

Мы видѣли, что въ русскомъ языкѣ *ol* даетъ и *olo*, какъ вторую форму. Что и польскій языкъ не чуждъ удвоенія вокала послѣ *l*, показываетъ напр. выраженіе *peleń* при *pełny*. Если удвоеніе бытуетъ теперь, но нѣтъ основанія отрицать его и въ старину—слѣд. если возможна форма *ol* для польскаго языка,

¹⁾ «Zur Geschichte d. indgrm. Voc.» II. 20 и др.

²⁾ О чешскомъ и изъ *o* см. мой третій «отчетъ» въ «Запискахъ Новор. Унив.» т. XX; тоже въ словацкомъ, малорусскомъ (см. мой перв. «отчетъ» 32—34), словенскомъ («Kolo» I. 46. 52). О польскомъ *ó* = *u* изъ *o* чрезъ *uo* см. грамматики Малецкаго, кс. Малиновскаго, труды: Водуна де Куртена «О древнепольскомъ языкѣ» и Семеновича «Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen» (Leipzig 1872). Латинскій языкъ предлагаетъ аналогическое явленіе: *simul* изъ болѣе древняго *semol* (Curtius «Ueber die Spaltung des A—lautes» p. 11).

и отрицать ее нельзя въ виду положительных указаній языка, то возможна и вторая форма—съ удвоеннымъ вокаломъ послѣ *ł*, тождественная русской — т. е. *olo*. Удвоеніе именно въ русской формѣ—*olo* я готовъ видѣть въ сегодняшнемъ кашубскомъ *polen*, но здѣсь *ole* вм. *olo* въ слѣдствіе замѣны *ł* мягкимъ *l*. Но форма съ двойнымъ *o* не могла долго бытовать въ языкѣ: на нее налегала форма *lo* «перваго» полногласія: *król* изъ *korl*, *koról* (= *Karl*, *Carolus*). Усвоивши разъ обычай—мѣнять *olo* на *lo*—осязательный примѣръ этой мѣны видимъ въ именахъ отъ этимологической основы *sol*=рус. *соль*: *ślónoszcz* (ps. flor. p. 65 а) изъ *soljoność*, *sołoność*, языкъ не могъ не подвести подъ тотъ же законъ и вторую форму *ol*—*olo*: изъ *olo* сдѣлалъ *lo*, откуда позже форма *lu*. Такимъ процессомъ развилась вокализация въ словахъ: *dłogi*, *ślóńce*, *łłosty* и т. п., т. е., *lo* изъ *ol* чрезъ посред. форму *olo*. Прибавимъ, что польскому *lu* нерѣдко въ кашубскомъ отвѣчаетъ *ol*: *slup*=*stolp* (имя города).

Так. обр., и формы *lo*, *lu* сводятся къ формѣ *ol*, какъ къ своему первоисточнику ¹⁾.

Тѣже формы для р. *ol*—что знаетъ современный языкъ, знали и старопольскій. Въ виду труда пр. Бодуэна де Куртене «О древне-польскомъ языкѣ до XIV вѣка», богатаго матеріаломъ, я буду вратокъ въ указаніи данныхъ.

Въ лат. граматахъ XII и сл. вѣковъ *il*, гдѣ и теперь *il wilcoviz* (1189 г.) *de vilka* (1225). *wylczko*. 1322. 1337 и др. ²⁾. *wylka* («Żywot ś. Włazęja» «Bibl. Osssl.» 1864. 195) *młczł. młczal* (psalt. flor. 14 b и др.). *Ol*, т. е. *ol*, гдѣ и теперь: *molwil. molwicz* и др. (ps. fl. 1 b 2 а.) при *o* (изъ *ol*, *ou*): *wimowena. mowicz* (ib 10 в. 15 а); *owow*

¹⁾ Необъяснена форма кашубская *le*, *le* вм. *lu*: *łłesty, łłekę, dlegi* (Гильберд. «Остатки» 86) при *długo, sluniszko* (ib. 96. 100). Принявъ во вниманіе, что и часто замѣняется *e*: *dusza* = *desza* (ib. 84), и формы *łłesty, łłekę* можно считать видоизмѣненіемъ *łłusty, łłukę*. Въ *dlegi*—*ł* въ *l*, какъ и *sluniszko*.

²⁾ «Monumenta medi aevi histor. res gest. Poloniae illustr.» I. Krak. 1874 p. 8. 19. 166. 210. Мой перв. «отчетъ» 62—252.

(Судебн. кн. 1404. *Przyborowski* «*Vetustis. adject. l. pol. declinatio*» въ «*Programm d. k. Marien-Gymn.*» Posen 1861. 9); *mow. mowili, mowicz* («*Modlitwy Wacława*» 5 b 5 a 106 b и др.). *El*, т. е. *el*: *Chelmecz* («*Monum*» I. 170). *pelnъ. napelnisz. duch weln, — welny. welny. opelznena* (ps. fl. 5 b 7 b 6 a 64 b 31 b). *napeln. pelna. welno.* («*Modl. Wacława*» 12 a 27 b и др.) *Lu* т. е. *lu*: *Dlubna. dluga lanka* («*Monum*». I. гр. 1212, 1262. Ср. I. отчетъ). *dlugoszcz. tlusci. slupy* (ps. fl. 11 a. 11 b 42 b) *sdlucla* (*Przybor. op. c. 20*). *natlusthsze* («*Bibl. Sof.*». 5).

Но *lo*, гдѣ теперь *o*: *mlowenye* (ps. fl. 61 a. см. выше). *lu* ви. *lo*: *w slunczi* (ib. 10 a.), впрочемъ въ «*молитвахъ Вацлава*»: *sloneczn* ф. *szloncze. szlonycza* (33 a 64 b 95 b 65 b). Наоборотъ, *lo* ви. *lu*: *potloc* (ib. 4 a.). Но самое любопытное уклоненіе — это *el* ви. нын. *ol*: *Swantopelk. Predpelk. pelczisce. pelchisch* («*Monum. Krakov.*» р. 151; 52 и др.; 148, 18). Наоборотъ *ol* = *al*, какъ въ полабскомъ, ви. нын. *el*: *napalnoha* рук. 1440 г. (*Maciejowski* «*Pamiętniki o dziejach*» II. 359). Ср. *balwana* рук. 1478 ib. 369. Форма *el* вмѣсто нын. *ol* показываетъ, что старшій языкъ стремился перевести всѣ слова формы *ol* на *el*; но какъ всегда бываетъ, не смотря на сильную историческую ломку, кое-что останется и отъ старины, и еще сегодня полякъ говоритъ: *pułk, mo(ł)wić, chustka*. Излюбленная форма *el* захватываетъ даже иностранное сочетаніе *ul*: *Fulco = pelka* («*Monum.*» I. 1258 г.)

Такъ образ., современная польская вокализация русск. сочетанія *ол* — *лз* дается древнѣйшими памятниками языка: формы современные восходятъ, по крайней мѣрѣ, къ XII вѣку. Но не смотря на многочисленность формъ рус. сочетанія *ол* въ ближайшемъ къ русскому польскомъ сосѣдѣ, это многообразіе сводится къ русскому однообразію, будучи само результатомъ національной дѣятельности языка, автомъ діалектическаго дифференцированья. Языкъ отошелъ отъ типа русскаго, нормы соч. *ол* — *лз*, но сохранивъ свѣжую память о ней, особенно въ консервативномъ говорѣ с.-западныхъ кашубовъ.

Съ точки зрѣнія историческаго значенія соч. ол—лз русскій и польскій языки взаимно покрываютъ другъ друга, но съ тою особенностью, что польскій—это русскій, болѣе новой даты.

3.

Отъ словинцевъ и кабатковъ на западъ по берегу балтійскаго моря тянулись нѣкогда поселенія славянъ Помераніи, Мекленбурга, Шлезвига—поморянъ, лютичей, рунъ, бодричей, полабянъ («Polabani» въ грамотахъ Мекленбурга нерѣдко). Раздробленные на множество племенъ, среди дремучихъ лѣсовъ и топей¹⁾, славяне эти, вѣроятно, говорили не однимъ нарѣчіемъ, но какія это могли быть нарѣчія—не знаемъ. Памятниковъ никакихъ; лишь политическія и церковныя латинскія грамоты XII—XIV в.—то сокровище, откуда мы можемъ черпать скудныя свѣдѣнія объ языкѣ этихъ знаменитыхъ своею трагическою, незаслуженною судьбою славянъ. Къ этимъ убогимъ матеріаламъ мы и прибѣгнемъ теперъ, чтобы опредѣлить значеніе русск. соч. ол—лз съ точки зрѣнія языка славянъ балтійскаго поморья. Сходились или расходились русскіе и жители Мекленбурга-Вагрии?

Вѣроятно, послѣдній слѣдъ ихъ на землѣ—вымирающіе поморцы—кабатки и словинцы у западнаго устья Вислы. Мы видѣли, что языкъ этихъ нищихъ рыбаковъ тождествененъ русскому въ сочет. ол: надо полагать, что и вымершіе поморцы раздѣляли съ ними эту черту. Но обратимся къ славян. матеріалу грамотъ²⁾.

¹⁾ Ср. мастерскую картину земли славянъ балтійскаго поморья въ художественномъ изслѣдованіи А. А. Котляревскаго «Древности права балтійскихъ славянъ» (Прага 1874) р. 14 и слѣд.

²⁾ Мы пользовались слѣд. собраніями: *Fabricius*, «Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen» 2 тома (Stralsund. 1841—43). *Hasselbach* и *Cosegarten* «Codex Pomeraniae diplomaticus» (Greisswald 1843 — 1862) съ филологическими комментаріями славянскихъ выражений грамотъ. *Lösch* «Meklenburgisches Urkundenbuch» 2 тома (Schwerin. 1863). *Klempin* «Diplomatische Beiträge zur Gesch. Pommerns» для XV ст. (Berlin. 1859). Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться дипломатаріями Брандебурга: нѣкоторыя

ВОЛГЪ: *Volkowa. L. № 125. (1178 г.). Wolkensyn ib. № 377. Siuuolk, Zwiualc ib. № 1071. Wolcow* — семья въ грам. XIII в. *ib.* (указатель лицъ). *Wolcouiz* = «des Wolkow Sohn», замѣчаетъ издатель *ib.* *Wolcuzcin (=zino) Has. № 30. ср. р. 64. Walkaz ib. № 65. pozdewolk=urbs Wolfi. № 26. 43. ср. р. 62. 15. Pribyzlaus wolcowycz № 193.= F. № 22. Voltzkowe. Wolkouw* — масса именъ. *Kl.* мѣстный указатель с. v.

ВОЛГІЙ: «usque Glambike et ultra Niuiele *Wolchxa*» *Has. № 44.*

ДОЛБ: *dolpowe. Has. № 26. Dulpo ib. № 43. = F. р. 136. 138.*

ДОЛГ: *Dalgolug L. р. 247. Dolge lugi ib. № 398. Dolge, Dolgelin, Dolgen* — въ Голштиніи *L.* (указатель). *Dolgolize. № 125. Dulgota. Has. № 13. Dolgemost ib. р. 71 пр. dalge long № 36. Dulgobrod № 222* и др. «stagna, quorum trium nomina sunt: *dolge, buchoiwe*» *F. № 21. Dolgen. Doltzik. Kl.* (указатель).

КОЛБАС: *Colbazkoho. Has. № 321=-owa № 322, -owe, № 364, monachus in colbas. F. № 15. Has. № 33, 38, 39, colbaz, № 164. colbatz. Kl.* (указ.).

КОЛП: *fluuius colpiz. Has. № 220, cholpin. № 225, colpin. Kl.* (указ.).

КОЛЕ: *moltsan, —tschane L.* (указ.) — очень часто встрѣчающаяся дворянская семья въ граматахъ. *Ср. Kl. р. 426, 478* и др. *Mulczelwitze ib.* (указ.).

КОЛН: *Molne, Mulne L. р. 233, 315* и др.

КОЛЕ: *Swantopolcus, Swantipolcus. L. № 2667, 856, 723* и др. *polc. Has. № 13. Szpenthepolc. № 37. Zentepolh. № 85, 90. Swentopelcum № 161, 423; на печати № 235:*

свѣдѣнія объ языкѣ славянъ Брандебурга (мѣстныя имена) мы нашли въ книжкѣ *Buttmann'a*: «Die deutschen Ortsnamen... in d. Mittelmark und Niederlausitz» (Berlin. 1856) Брошюра *Burmeister'a* «Ueber die Sprache der früher in *Meklenburg* wohnenden Obodriten-Wenden» (1810) — бесполезная болтовня, вовсе не касающаяся языка славянъ Мекленбурга.

«*sventopolci*». *Swantopolcus*, *Swanthepolk*, *Zentepolh*. *F.* № 104, 128, 167. № 6. *pluckowe* № 450. *Poltzin*. *Kl.* (указ).

полн: *Polnouw*. *Kl.* (указ).

столп: *Stolpa*. *L.* № 247. *Stolp*. № 1322, 2582 и др. «*in paguo Sztolp*» № 1117. *ztulp*, *stulp* № 141, *slup*. 1189 г. «*in loco qui dicitur Ztulpii*» грам. 1153. *Has.* № 21, 37. *Slupenica* № 406. *Stolpa* на р. Пѣнѣ. *F.* (карта) № 294. *Stolp*. № 2, 48. *Stolpe*, *Stolp*. *Kl.* (указ).

толк: *Tolkemitze*. *F.* № 450. *Toltze*. *Kl.* р. 407,

толст: *Tolzeuanze* = *Tolstefanz*. *L.* № 2421 (ср. указатель) *Pothlusthim*. *L.* № 14 = *Has.* № 20, 47.

холм: *Cholme* *L.* № 2421. *Cholm*. *Has.* № 13. *Cholmen* № 376 (но гвѣздненская). *Culmina*. № 389.

Мой указатель словъ семьи *ол*—*лз* не можетъ притязать на полноту: несомнѣнно, известная доля славянскаго матеріала граматъ ускользнула изъ-подъ моихъ глазъ; но и этихъ словъ достаточно, чтобы опредѣлить значеніе рус. формы *ол*—*лз* въ вокализации плавнаго сочетанія словъ семьи *волкз* въ языкѣ поморцевъ-полабянъ.

Мы видимъ, что рус. формъ *ол*—*лз* отвѣчаютъ въ языкѣ поморцевъ четыре или пять формъ: *ol*, *ul*, *lu*, *al*, *el*. Но каждая изъ этихъ формъ, судя по памятникамъ, имѣла неодинаковое значеніе въ языкѣ: тогда какъ *ol* съ своимъ легкимъ измѣненіемъ *ul* является господствующей, употребленіе другихъ формъ весьма ограничено. Одно это обстоятельство указываетъ на форму *ol*, т. е. *ol* (ср. памятники языка полабцевъ XVII—XVIII в.), какъ на основную въ языкѣ. Формы *lu*, *el* известны намъ изъ польскаго языка, какъ историческія модуляціи *ol*; новая форма *-al* (*al*), и объ ней необходимо сказать нѣсколько словъ.

Уже въ языкѣ кашубовъ является форма *al* при обычной *ol* и *el*; но она мнѣ известна лишь въ одномъ словѣ: *galdzic* = щекотать¹⁾, русск. *голдѣть* (хотя значеніе нѣсколько иное); ея, какъ одиночной, я не касался. Одиночно таже форма и въ языкѣ

¹⁾ *Стремльеръ* «Фил. Зап.» 1874. V. 59.

поморцевъ: *walkaz. dalgolug*; за то она составляла общее явление въ языкѣ западныхъ сосѣдей поморцевъ — полабянъ люнебургскихъ: *wauska. mauna. tauste* (см. ниже). Безъ особеннаго труда *al* сводится на *ol*. Вспомнимъ хоть южное великорусское произношеніе *о* безъ ударенія: нешкольный человекъ иначе не изобразить словъ напр. *волна, волковъ*, какъ *вална, валковъ*, и будетъ совершенно правъ. Живая рѣчь известной части русскаго народа давно уже не знаетъ *ol*, а одно *al*. Въ говорѣ нѣмца тоже явленіе: для него невозможно сочетаніе *ow, ou* — онъ его мѣняетъ на *au*. Отсюда славянскія фамиліи — *Grabow, Bülow, Passow = Grabau* и т. д. Но у многихъ славянъ, въ томъ числѣ и у полабцевъ *l = u*; слѣдов., измѣняя свое *ou = ol* на *au*, полабцы поступали такъ, какъ поступаютъ нѣмцы. Причина — физиологическая — въ легкомъ измѣненіи вообще *o* на *a*; *l*, какъ *λ*, тутъ не причемъ. Не говоря о русск. *вода = вада* или *вда*, стремленіе *o* окраситься въ *a*, отождествиться съ нимъ, мы видимъ ясно и въ языкѣ у тѣхъ же полабянъ, и въ верхне-лужицкомъ. Въ полабскомъ: *watgi* т. е. *оки. wade* т. е. *вода. (Pfuhl* ор. с. «*Čas. mač. serb.*» 1864 г. 149. 148). Верхне-лужицкій даетъ даже промежуточную форму между *o* и *a*: *noase. schoane. roala. stwoari. moarlich. woala. woada* (*Warichius* «*Der kleine Catechismus*» 1597 г. р. 42. 58. 60. 61. 27. 30. 36. Ср. *woada* у *Matthaei* «*Wendische Grammatica*» 1721 р. 6).

Въ виду этихъ фактовъ изъ языковъ славянскихъ и не-славянскихъ, понятно, полабская форма *al* есть такая же легкая вариация формы *ol*, какъ діалектическая южновеликорусская *вална* вариация общерусской *волна*. Такимъ образомъ, отношеніе обѣихъ формъ ясно. При испоконномъ сосѣдствѣ славянъ Мекленбурга и Люнебурга, при близости языковъ ихъ, тождественность явленій — *al* вм. *ol* — позволяетъ заключать и къ одинаковости основаній, т. е. физиологическое объясненіе перехода *ol* въ *al* въ люнебургскомъ имѣетъ мѣсто и по отношенію къ поморскому *al*.

Мы окончили съ языкомъ славянъ прибалтійскихъ, и, по необходимости, стараго времени: теперь мы перейдемъ къ языку славянъ небольшого уголка въ Ганноверѣ — т. н. *Wendenland*'а

въ Люнебургъ, послѣдніе звуки котораго замерли почти что въ наши дни.

Мы только что упомянули, что въ языкѣ славянъ Люнебурга сочетанію *ol* поморцевъ отвѣчало сочетаніе *au*, т. е. *al*. Эта форма была господствующей въ языкѣ, но она не исключала другихъ.

волеъ: *wauck. Leibnitz «Collectanea» 352. waucka. Dobrowsky «Slowanka» I. 12.*

волна: *wauno. Col. 352. Slov. I.*

волна: *waunò Pfuhl, op. c. «Čas. s.» 181.*

долг: *daudja. daudige. Pf. 165.*

моле: *mauzangsa skumpe = stille Freitag.*

моли: *mauna swetet. Slov. I.*

полн: *paunj. pauna. Pf. 179.*

толе: *tauckne. tauze. Pf. 148. 164.*

толст: *tauste. Pf. 97.*

Менѣе частая форма была *ol*: *wólnè, wolnena Pf. 155. 158. moniaroun = la pleine lune ib. 118.* Еще рѣже: *ao—taóste ib. 153. u—wutcka. tust. tutze = stosset. ib. 146. 185. 189.* Форма *u* имѣетъ тоже значеніе, что и сербское *u* въ *dy*: *u = l* ассимилировало переднее *o*: *ou = ui = u.* Форма *ao* объясняется или неточной передачей сочетанія *au*, или, если языкъ дѣйствительно зналъ эту форму, она есть результатъ легкаго измѣненія *u*. Можетъ быть, *o* въ *ol*, подобно простому *o*, какъ въ словѣ *rür* = малорус. *nin*, могло измѣниться въ *i*: у Пфенгера читаемъ — «*il eclaire, es blitzt, ninna swete*» Pf. 119, гдѣ *ninna = mauna* въ записи Геннинга. Если остано- виться на словѣ *pelât = р. полсть Pf. 175*, то слѣдуетъ до- пустить и форму *el*, т. е. *el*, которая занимаетъ тоже мѣсто по отношенію къ *ol*, что польское *el* къ кашубскому *ol* въ *pelny* — *rolny*, или поморское *pelc* въ обычной формѣ этого слова *polk*.

Итакъ, среди многихъ и разнообразныхъ формъ рус. соч. *ol—lz* въ языкѣ поморско-полабскомъ, форма *ol* была господствующей; чрезъ переходъ *o* въ *a* и *l* въ *u* (послѣдняго пере-

хода старина не знала, на-сколько позволяютъ судить о томъ граматѣ XII—XIV в.) языкъ образовалъ форму *au* = *al*, господствовавшую у полабянъ до ихъ послѣдняго исчезновенія; остальные уклоненія отъ формъ *ol*, *al* незначительны и сводятся къ *ol*, какъ своей основной формѣ. Съ точки зрѣнія соч. *ol*, языкъ поморцевъ и полабянъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ удалялся отъ сосѣда-поляка, приближался къ болѣе далекому собрату — русскому: славяне «Новгорода», «Старгорода» поморскаго и Новгорода Великаго выражались одинаково.

4.

Южнѣ поморянъ, къ Берлину и далѣе, жили *лужичане*, южнѣ полабянъ — *сербы-милчане* (Саксонія, Ангальтъ). Отъ первыхъ сохранились крохотные «нижніе лужичане», отъ вторыхъ — «верхніе», племена — близкія между собой по положенію, языку, быту, но тѣмъ не менѣе отличныя другъ отъ друга. Сначала нарѣчіе *нижнее*.

Вокализація соч. *ol*—*al* почти таже, что въ польскомъ: *ol*, *el*, *lu*, *il*, *al* (*au*).

pólno głąjsk (*Smoleń «Piesni»* т. II. № 44.). *pólna*. *pólna ib.* № 173. 174. 197. *wolk* (*Hauptmann «Gram»* 1761 р. 51.). Подъ влияніемъ формы *ol* языкъ послѣ свистящихъ и шипящихъ перевелъ въ категорію этой формы слова формы *el*: *colnik*. *Sm.* II. 92. ср. *Haupt.* 18. *zoln.* *żolt* *ib* 82, 80 и др.

melc. zumelcaś. *Sm.* II. № 5. 9. 18 и др. У Гауптмана: *melzasch.* 242. Въ переходномъ отъ нижне-лужицкаго къ верхне-лужицкому нарѣчію мужаковскомъ: *wëlk*, *delgi*, *pełny*. «*Čas. s.*» 1869. 68 = верхне-лужиц. *wolk*, *dolhi*, *pólny*.

dlujku ruku (*Sm.* II. № 18) *Długich* (№ 59). *kluste kroše* (№ 171). Ср. у Гауптмана: *dlug*, *tlusti*, *szlunko*. *szlup* (35. 40. 48).

wilk въ мужаковскомъ говорѣ («*Čas.*» 1869. 68).

wałna = *wawna* (*Hauptm.* 116).

Формы *eł*, *łu*, *il*—тѣже, что въ польскомъ языкѣ, и сказанное тамъ относится и сюда. Форму *ał* = *au* мы имѣли въ поморско-полабскомъ. Всѣ онѣ сводятся къ основной формѣ *oł*, сохраненной впрочемъ языкомъ въ достаточномъ числѣ словъ. Прибавлю, что въ пѣсняхъ мнѣ встрѣтилось еще форма *ły*: *k słyncoju* (Sm. II. № 10), при *słynko* (Zwahr. «Wörterbuch»). Это *y* есть весьма нерѣдкая замѣна *o*, *u*, аналогическая малорус. подъему *o* въ *i*; такъ *łysy* = *włosy* (ib. № 1), *z dwyru* (№ 9). *dłymoki* (№ 4) = *dłotoki*. Наконецъ, въ мужавовскомъ говорѣ *le* вм. *lu*: *dlejki* («Čas. s.» оп. с. 83). Въ кашубскомъ мы имѣли *le* вм. *lu*: здѣсь мѣна *ł* на *l* повліяла на измѣненіе вокализациі.

Обращаемся къ старому языку. Современные формы встрѣчаемъ мы и въ старомъ языкѣ, и въ томъ же распредѣленіи ихъ между словами.

воле: *wolkowe poloko* («Hortus» «Čas. s.» 1860. 27¹⁾.
welckowe mloko = *wolfelmilch* («Namen» № 45²⁾.

волна: *walnam morskim* (Jacubica. L. p. 16³⁾.

¹⁾ Т. е. «Hortus Lusatae» Francus'a, 1594 г.

²⁾ «Namenn der Vornembsten Artzney Kreuter... durch M. Albinm Mollerum» 1582 года—рукопись берл. кор. библиотеки «slav. fol.» № 18. Ср. мой «II отчетъ» p. 25. 26.

³⁾ Т. е. переводъ съ нѣмецкаго Новаго Завѣта, сдѣланный въ 1548 г. «raches Miklawuscha Jacubicu» рук. въ корол. библ. въ Берлинѣ «Man. Slav. № X. см. мой «II отчетъ» 24. Безцѣнный памятникъ для нижнелужицкаго языка и вообще для языковъ сѣвернаго славянства. Въ отрывкахъ былъ издаваемъ два раза: *Lötze* «Der Brief des Jakobus» (Leipzig. 1867), у насъ = *L*; *Leskien* «Das sorbische Neue Testament von 1548» въ журналѣ Ягича «Archiv für slav. Philol.» I. 2. p. 161 — 249, гдѣ издано еванг. отъ Марка, съ ученымъ предисловіемъ о родинѣ языка, грамматика; у насъ = *Лs*. Что за языкъ? По Јенѣ'у, который первый обстоятельно познакомился и познакомилъ съ берлинскою рукописью — верхнелужицкій («Čas. serb» 1862. 48); по Лотце—мужавовское нарѣчіе (оп. с. 10). Иного мнѣнія мой лужицкій другъ, свящ. М. Горникъ, лучшей знаговь родныхъ нарѣчій: языкъ Якубицы—нарѣчіе жаровское (Sagau), т. е. восточнолужицкое, вымершее въ прошломъ столѣтіи («Warta» 1874 г. № 19 пол. журн. въ Повнани). Съ этимъ согласенъ и *Leskien* (p. 163). Что языкъ Якубицы близокъ къ польскому, указываютъ слѣд. факты: *ar* гдѣ въ лужицкомъ *er*; *ł* = *i*, но онъ = *ju* гдѣ въ польскомъ *ł* = *z*. Кто

долг. *ol*. Въ географическихъ именахъ Брандебурга, гдѣ славянское населеніе погнбло въ XIV — XV столѣтіяхъ, современная нижнелужицкая основа *dlug* является въ формахъ *dolg*, *dlug*. Таковы имена селъ: *Dolgen*, *Dolge*, *Dolzig* (*Dolsko*)¹⁾. У Шпре: *Dolgenbrodt*, *Dolgensee*, но и *Dlugi*²⁾. Слѣдов. въ XIV — XV ст. слово *dlugi* звучало въ языкѣ чисто по-русски.

lu. dlugo: w *dlugey drascze. dlugisch* (*Jacob. Ls. II. 19. IV 2* и др.; XII. XII. 40). *dluyke szywene* (*Moller «Calender»* въ «*Čas. serb.*» 1858. 99). *dluwike* («*Enchiridion vandalicum*» «*Čas. serb.*» 1869. 112³⁾).

МОЛВ: *k molwenu. molwi. molwili* (*Jacobica. L. p. 17. 19. 21. 23*). Въ евангеліи отъ Марка у *Ls. V molw* встрѣчается 68 разъ, и одинъ разъ съ видовымъ подъемомъ *al*: *motmalwaly* (XIV. 40).

МОЛВ: *mylezaly. wumilkny. mylczachu. mylczacz. mylczasche* (*Jacob Ls. III. 4. IV. 39. IX. 34. X. 48. XIV. 8. 61*).

6. Николай Якубица? Кажется, этотъ вопросъ рѣшенъ Вѣланомъ въ его статьѣ о мужаковскомъ нарѣчій («*Čas. serb.*» 1869. 66): Николай Якубица — есть никто иной, какъ Николай *Kubike*, пасторъ въ *Laubnitz* въ округѣ *Sagan*, между прочимъ въ 1523 году: нашъ же переводъ помѣченъ 1548 годомъ, слѣд. годы не могутъ говорить противъ отождествленія *Николая Якубицы* и *Николая Kubike*. *Kubike* уменьшит. *Jakubek* отъ *Jacob*. Языкъ, какъ видѣли выше, говорить за нарѣчіе восточное—*Sagan*. Кажется, переводъ Якубицы имѣлъ въ виду *Chr. Knauthen* «*Sorb. Kirchengeschichte*» (*Görlitz 1767*) p. 399.

¹⁾ *Bronisch* «*Die Arkisie in den Bildungen lausitzischer Ortsnamen*» въ «*Neues laus. Magazin*» B. 33. III. p. 271. 72. «*In Brandenburgischen* — говорить авторъ—gehören die vielen *Dolgen*, die mit *Dolge* wechseln und nichts anders als durch die präsumirte Form *dolga* = *dluga* = die lange (nämlich Dorfplage oder Feldflur) erläutert werden können». ib. 271.

²⁾ *Buthmann* «*Die deuts. Ortsnamen*» (выше) 119. 72. 151.

³⁾ Авторъ «*Namenn*» издалъ въ 1574 г. «*Ein ewig werender Kirchen Calender... auch ein wendisches Gesangbuch*». Ср. «*Čas. serb.*» 1853 г. 70—82. 1872 г. 116. Старшій современникъ Алб. Моллера, А. *Thiaraeus* издалъ въ 1610 г. «*Enchiridion Vandalicum das ist der kleine Catechismus Lutheri*» (на мужаковскомъ нарѣчій). Ср. *Knauthen* «*Sorb. Kirchengeschichte*» p. 409.

полн. *wupelne. wupelnego. dopelnone. pelni* (*Jacobica. L. 16. 17. 18. 20. Ср. Ls. I. 15*).

солнце. *sluncze* (*Jacob. Ls. I. 32. IV, 6. XIII. 24. XVI. 2*).

столп. *Stolpe. Stolper-See*.¹⁾

холм. *Golm* (два села въ Брандебургѣ). *Kulm* (нѣсколько мѣстностей на Залѣ)²⁾. *villam Cholmen. Cholme* (гр. 1286, 1290 г. въ «*Neues Lausitzisches Magazin*» В. 36. I. p. 37; В. 34. p. 482).

Изъ сравненія всѣхъ этихъ данныхъ мы приходимъ къ слѣд. выводу: 1) старый нижнелужицкій языкъ, насколько онъ намъ доступенъ, зналъ формы *ol, ul, lu, el, il, al*, но наиболѣе известной была форма *ol*. Сравнивъ формы нѣкоторыхъ словъ въ старомъ и новомъ языкѣ, мы видимъ, что старый языкъ (основа долг) зналъ двѣ формы — *ol* и *lu*, гдѣ современный только одну — *lu*. Общераспространенность формы *ol* съ одной стороны, присутствіе при *lu* формы *ol* въ старомъ языкѣ, чего нѣтъ въ новомъ, съ другой, подтверждаютъ нашъ прежній выводъ — *ol* есть основная форма, изъ которой развились всѣ остальные. Не забудемъ, наконецъ, что и сочетаніе *el* = р. *el*—*az* (в) послѣ шипящихъ принимало форму *ol* и даже *al*: *zolytj schonop. zolte grubowe lopena* (*Mol. «Namenn» № 129. 143*).³⁾

5.

Верхнелужицкій языкъ, точнѣе, *сербско-мильчанскій*, замѣтно отличается отъ своего сосѣда въ вокализациі плавнаго сочетанія *ол*—*аз* и именно въ томъ смыслѣ, что въ немъ виднѣе, чѣмъ

¹⁾ *Buttmann. op. cit. 113.*

²⁾ *ib. 77.*

³⁾ Странно, что новѣйшій ученый издатель Якубицы, пр. Лескинъ, говори о формахъ группы *аз* въ языкѣ перевода, насчитываютъ ихъ всего двѣ *el, il* и одну «неправильную» *lu* (р. 186). Правда онъ замѣчаетъ: «однажды я огмѣтилъ у себя *ас-pl. Schalte (gelb)*, но позже этого мѣста я найти не могъ; вѣрно, впрочемъ, что *а* въ подобномъ сочетаніи не встрѣчается» (*ib. 187*). Но не надо искать, чтобы найти и форму *al*, и особенно *ol*.

въ ниже-лужицкомъ, значеніе *ol*, какъ нормы вокализаціи разсматриваемаго сочетанія. Правда верхнелужицкій языкъ знаетъ уклоненія отъ нормы, но они коснулись весьма немногихъ словъ.

Господствующая форма *ol*, при чемъ *l* въ большинствѣ говоровъ = *v*: *molwić*, *rolny*, *tolsty*, *stolp*, *wolma*, *cholm*. Въ пѣсняхъ Смоляра иногда *l* = *l*: *wotmolwi* (I. № 47). Затѣмъ языкъ знаетъ слѣд. формы:

el: *melčec*, *pjelsc*, *pjelski*, *pjelnic*, *wjelk*, *wjelžnyć*.

lo: *slonce* (*słońčko*. I. № 76).

Отношеніе этихъ формъ къ нормѣ намъ уже извѣстно изъ тождественныхъ явленій напр. польскаго языка. Могу только прибавить, посредствующую форму между *ol* и *el* даетъ нарѣчіе мужаковское—посредствующее между верхнимъ и нижнимъ. Здѣсь мы имѣемъ: *pelnic* вм. в.-луж. *pjelnic*, *pelny* вм. *rolny*, *welna* вм. *wolma* («Čas. s.» op. с. 87, 90).

Переходя къ памятникамъ стараго языка, мы находимъ, что онъ знаетъ форму *ol* (т. е. *ol*), при знакомыхъ намъ легкѣхъ вариантахъ *ul*, *al*, (т. е. *ul*, *al*) тамъ, гдѣ теперь извѣстны одна форма *el*—новое указаніе значенія формы *ol* и вмѣстѣ съ тѣмъ процесса образованія формы *el*:

волк. *Wolkow* («Codex dipl. Lusatiae sup.»; приложение къ «Neues lus. Magazin», 1-й томъ съ вып. 27³ по 30³; 2-го одинъ выпускъ, I. 160. 1318 года). *Wolkowe* (ib. I. 391). *Walcowe* (ib. I. № 119).

волна: «lacu dicto. *Wolin*» (вар. *Woln*) ib. I. 208.

долг: *Dolganiz*. ib. I. 42. *dotho* (*Warichius*. «D. kl. Sa-tech.» 1597 г. 15 в.).

полн: «*pelntai tu semu*» (*Warich*. op. с. 62 а).

столп: *Stulpen*. *Stolpen*. *Ztolp*. *Stolpam* («Codex Lus. sup.» I. 25. II. 60. II. 71. II. 81. Ср. «Scriptores rerum lusaticarum» II. 80. 215. III. 85 и др.).

холм: *Poruz de Chulme* («Codex» II. 46).

Дойдя до верхнихъ лужичанъ, мы можемъ сдѣлать остановку. Двинувшись изъ Руси съ сочетаніемъ *ol* = *lz* въ рукахъ, мы обошли земли поляковъ, кашубовъ, поморцевъ, полабцевъ, лу-

жичанъ, теперь, и, по возможности, въ былое время, обошли сельбища славянъ великой европейской равнины, которые, приблизительно съ III—IV в. по Р. Х., постепенно двигались съ востока на западъ, вытянули далеко въ этомъ направленіи территорию праславянской родины, что была межъ Бугомъ и Днѣпромъ, въ «черной» Руси, и что же нашли? Нашли, что русск. форма *ол* — единственная форма для известной семьи словъ ст. слов. сочетанія: *конс. + л + з — ь + конс.* въ языкѣ «черной» Руси, бытуетъ въ языкѣ славянъ этой великой равнины, и чаще въ старое время, чѣмъ въ наши дни, и притомъ форма *ол—оѡ* почти едино господствуетъ у наиболѣе удаленныхъ отъ Руси славянъ — поморцевъ, полабцевъ и верхнихъ лужичанъ (+ славяне Саксоніи вообще = мильчане); полная еще силѣ у кашубовъ и нижнихъ лужичанъ; еще не забытая, но замѣтно порушенная новыми, пошедшими изъ нея формами: *еѡ, ѡ, ѡо* у поляковъ.

Такимъ образомъ, русская форма *ол—лз* становится основной формой, нормой для языка громадной группы славянъ — отъ Днѣпра до Лабы (Эльбы), ихъ праформой. Съ точки зрѣнія этого сочетанія всѣ эти народы, живые, мертвые, — одинъ народъ, языки ихъ — одинъ языкъ, который справедливо назвать *русскимъ*: одинъ языкъ сохранилъ болѣе чертъ русскихихъ, другой менѣе.

Отъ славянъ великой равнины, гдѣ два сильнѣйшія племени славянства, гдѣ зерно славянства, т. е. отъ основной половины славянства, передвинемся къ славянамъ *юръ* — второй половины, и прежде всего къ *чехамъ*, какъ граничащимъ на своихъ крайнихъ точкахъ на востокъ и западъ съ двумя крайними народами основной половины: русскими въ горахъ Спиша, Шариса, Абуявара — въ сѣв. Венгріи¹⁾, сербо-мильчанами (верхне-лужич.)

¹⁾ См. мой трет. «отчетъ» р. 43. и «Записку о путешествіи по слав. землямъ» (Одесса 1874. р. 34. 35). Известный знатокъ чешской диалектологіи пр. Шембера, въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Сколько чеховъ?» («Čas. muš. česk.» 1877. III), по обычной слабости западныхъ нашихъ собратій, сильно урѣзываетъ территорию венгерскихъ русскихихъ въ пользу словаковъ. Но помимо свидетельства историі, что словаки въ нынѣшнихъ комитатахъ: Шарисъ, Спишъ, въ такое раннее время, какъ XII—XIII ввѣтъ, были лишь «*hospites*», но не тузем-

въ нѣкогда славянской Саксоніи, т. е. охватывающимъ сплошнымъ поясомъ южную границу основной половины славянства.

В.

Для чеха (въ Чехіи, Моравіи) слова сочетанія *ол—лх* являются въ тройкой формъ: въ двухъ > или < знакомыхъ—1) *lu*, 2) *lou* (своеобразный вариантъ *lo*, *lu*) и, 3) въ новой — съ т. н. *вокальными* *l*: *tlustý*, *kluzati*, *shunce*; *dlouhý*; *vlk*, *vlna*, *vlhký*, *plný*. Но въ языкѣ словака *lu*, *lou* исчезаютъ — господствуетъ исключительно форма *l*.

Формы *lu*, *lou* мы назвали знакомыми, принявъ во вниманіе исторію польскаго языка и другихъ его собратьевъ сѣвера, которая показываетъ, что форма *lu* изъ *lu*, а эта предполагаетъ рядъ *lo*, *ol*; естественно, по аналогіи, мы готовы понять и чешскія *lu*, *lou*, въ значеніи тѣхъ же варіацій формы *ol*. Но противъ нашего *своеволия* сейчасъ же протестуютъ чешскіе слависты: «въ формахъ *lu*, *lou*—учить пр. Гаттала—*оставляется и* и менѣе правиль-

цы, полногласныя формы (*городъ*), отсутствіе «вокаловъ» *l*, *r*, *дж*, а не *dz*, затѣмъ общій характеръ движенія русскаго населенія въ Венгріи — ослабленіе его въ пользу словаковъ, видимая словенизація русскихъ, а не наоборотъ — все это говоритъ противъ Шемберы. Въ мѣстахъ особенно частаго столкновенія русскихъ и словаковъ издавна образовался особой жаргонъ, но цвѣта словацкаго. Вообще русинъ предпочитаетъ словацкую рѣчь своей—и не только въ Венгріи, но и въ Галиціи — между лемками. См. статью Торунскаго въ «Зарѣ Галицкой» (1860 г.) о лемкахъ. Въ бытность мою у А. И. Добрянскаго въ Чертежномъ (землинскій комитатъ) я съ любопытствомъ замѣчалъ, что гимназисты прышевскіе, гостившіе у него (его дѣти), съ неудовольствіемъ говорили по-русски, а между собой всегда употребляли свой прышевскій, словацко-русскій жаргонъ. Мадьярское правительство съ своей стороны поддерживаетъ всячески эти симпатіи русскихъ къ словацкому языку. Всѣ публичныя полицейскія распоряженія, какъ то: предостереженія по дорогамъ, объявленія, названія мѣстностей—все это пишется на словацкомъ языкѣ въ русскіхъ комитатахъ. Какъ только русинъ оставляетъ унию, онъ считаетъ себя уже словакомъ и заносится въ списки, какъ словакъ. Еще въ 1850—51 году вѣнскія власти желали было сдѣлать словацкій языкъ ояціальнымъ для всей сѣверной Венгріи; но противъ этой попытки возстали русскіе.

но *ou*»¹⁾; слѣд. основная форма будетъ *l* (безъ «вставныхъ» *u*, *ou*), т. е. та третья, незнакомая намъ форма — съ *вокальнымъ* или *вокаломъ l*, которая особенно часта въ чешскомъ языкѣ и «единственная» въ *словацкомъ*, такъ что словацкая вокализация является съ характеромъ выдержанности, одной системы. Теорія *вокальнаго l*, ссылаясь на словака, подымаетъ вмѣстѣ съ этимъ высоко голову. Мы вошли въ новый мѣръ невиданныхъ доселѣ явленій.

Какъ разрѣшить эту коллизію чешскаго ученія о вставочности *u*, *ou* при вокалѣ *l* съ нашимъ пониманіемъ того же явленія, что формы *ku*, *lu*—сѣкундарныя, варіаціи основной *ol*, пониманіемъ, которое опирается на анализъ языковъ основной половины славянства? Если *u* въ чешскомъ напр. словѣ *tlustý* есть дѣйствительно *вставка*, если языкъ славянскій знаетъ гдѣ-нибудь *вокалъ l*, то не слѣдуетъ ли, что и въ *ol*, *ol*, *ol*—*o* есть такая же *вставка*, и не существуетъ ли и въ языкахъ сѣвера и востока *вокалъ l*, т. е. *l*, такъ какъ напр. чешская форма *lu* (*ku*) извѣстна и этимъ языкамъ, и вокалъ *l*, *l* въ языкѣ праславянскомъ? Очевидно, если чешская теорія вокальнаго *l* вѣрна, то нашъ выводъ о прастаринѣ формы *ol*, о развитіи изъ нея формъ *ku*, *il* и др. помимо вставокъ, основанный на единоголасномъ свидѣтельствѣ исторіи громадной семьи языковъ славянской равнины, есть пустая фикція.

Это обстоятельство заставляетъ насъ отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ чешскимъ представителямъ сочетанія *ol*—*l*.

Что заставляетъ чешскаго слависта, въ разрѣзъ съ требованіями языковъ основной половины славянства, говорить о «вставномъ» *u* въ *lu*, о «вокалѣ» *l*, пренебрегать явленіями языковъ этой половины, открывать *новыя* стороны въ общемъ организмѣ славянскаго языка, вмѣсто того, чтобы, не прибѣгая къ новизнѣ,

¹⁾ «Srovnávací mluvnice» § 94.¹ Пр. Гаттала повторяетъ знам. Добровскаго. Ср. «Slovanka» II. р. 2. Въ «Institutiones l. sl.» Добровскій говоритъ: «Bohemi sillabas, media radicali *l*, aut sine vocali pronuntiant, uti *pln*, *olk* (Slovaci autem *ilku*, *slp* et al. pl.) aut *u* post *l* inserunt: *pluk*, *dluh*». (р. 45).

ограничиться почвой однихъ славянскихъ нарѣчій, средствами, предоставляемыми сравнительнымъ изученіемъ круга славянскихъ нарѣчій въ ихъ совокупности, и отступающія явленія своего языка отъ нормы слав. языковъ основной половины, объяснять такъ, какъ объясняются явленія, болѣе частныя, изъ явленій, болѣе общихъ?

Старое преданіе, да затаенная мысль объ оригинальности организма чешскаго языка предъ вокализмомъ основно-славянскихъ языковъ, выведенная изъ прикосновенія съ санскритомъ: «*pos cum Indis*». Но обратимся къ фактамъ.

А) Ученіе о «вокальномъ» *l* имѣетъ весьма старую исторію въ чешской наукѣ. Напередъ замѣчу, что въ чешскомъ языкѣ значеніе *l* тождественно значенію *r* въ сочетаніи *rk*, съ чѣмъ согласны и чешскіе слависты; поэтому что справедливо о «вокалѣ» *l*, то съ полнымъ правомъ примѣняется и къ «вокалу» *r*, и наоборотъ.

Первый чешскій грамматикъ, I. Гусъ сталъ впервые учить о *словообразующемъ r* (*l*). «*Contra latinorum regulam, quae dicit, non posse fieri syllabam sine vocali, illa littera cum adjuncto sine vocali causat syllabas vel dictiones: ut chrt, krch, mrch, wrch, prst, srst, smrt. et sic de multis aliis, quae si cum vocali aliquis diceret, Bohemi audientes sine dubio dicentem taliter deriderent*»¹⁾.

Тотъ же взглядъ высказалъ и знаменитый словакъ Бенедиктъ Нудожерскій. «*Apud latinos et in quibusdam aliis linguis consona definitur esse litera, quae tantum cum vocali potest syllabam efficere: at id in nostra lingua κατὰ παντός non est. Consona enim non tantum cum vocali syllabam efficit, sed etiam cum alia consona absque vocali, ut: trpjm, prst, hrst*»²⁾.

¹⁾ Husi «Orthographie česká» (Videň. 1857). 14.

²⁾ «Grammaticae bohemicae ad leges naturalis methodi conformatae et libri duo Auctore m. Laurentio Benedicto Nudozierino». Fragrae DCIX. IO. CIII. f. 5 a. pp. 2. Cp. f. 7 a. слогъ можетъ «e solis consonis, ut smrt».

Другой словакъ, Пав. Долежалъ, говорилъ тоже: «lingua haec etiam sine vocalibus syllabas constituit: *prst, wlk* ¹⁾).

Наконецъ, ученіе о «вокалахъ» *l, r* приобрѣло широкую популярность въ трудахъ Добровскаго: «Многіе слоги—говорить Добровскій—которыхъ срединный основной звукъ есть *l* или *r*, чеши произносятся безъ вокала, быстро, но легко, при чемъ словакъ перевозомель и чеха, говоря *tlku* вм. *tluku*, *stlp* вм. *slup*, *slnko* вм. *slunce*. Польское *wilk*, рус. *wolk*, испорченное далм. *vuk*, правда, нѣжнѣе, но не такъ близко къ первому праимени, которыми славяне называли волка» ²⁾).

Открытие санскрита дало извѣстнаго рода фактическую подкладку утвержденію Добровскаго, что въ чеш. *wlk* донеслась первобытно славянская форма этого слова, и Миклошичъ въ своей «Сравнительной грамматикѣ», Гаттала въ своей, родня свои народы «cum Indis», апеллируютъ къ санскриту, какъ къ высшей инстанціи въ доказательство вокальности *l, r*. Но замѣчательно: ссылка на санскритъ имѣетъ для Миклошича одинаково обязательное значеніе какъ по отношенію къ старословенскому, такъ и чешскому языкамъ; не такъ для Гатталы: онъ признаетъ силу санскрита только для чешскаго языка и отрицаетъ для старословенскаго ³⁾).

¹⁾ Grammatica slavico-bohemica. Posonii 1746. 16.

²⁾ «Ausführliches Lehrgebäude der böhm. Sprache». p. 26. Тоже въ «Entwurf zu einem allgem. Etimologikon» 77. 81; «Slovanka» I. 47; II. 2. 3; «Institutiones» 45.

³⁾ Hattala «De mutatione consonantium» 59, помимо «Srovn mluv.». Непослѣдовательность Гатталы раздѣлялъ и Шлейхеръ; въ чешскомъ, какъ и вообще въ славянскихъ языкахъ «новаго образованія», Шлейхеръ допускалъ «вокальность» *l, r*, но онъ отрицалъ ее въ старословенскомъ: «wenn ich hier sylbenbildendes *l, r* als Vocale behandle, so stimme ich doch keineswegs, wie man daraus folgen könnte, mit der Ansicht von Miklosich überein, als finde diess auch im kirchsl. statt. Wie im sanscrit die Vocale *r* und *l* aus älterer Verbindung der Consonanten *r* und *l* mit einem Vocale (*al, ar*) entstanden sind, so ist dasselbe mit den neoslavischen Vocalen *r* und *l* der Fass. Der sylbenbildenden Vocale fehlen aber im k.sl. neben *l* und *r* nie, nur sind sie in *ъ* und *ь* verflüchtigt.» («Ueber böhmische Grammatik» въ журналѣ: «Zeitschrift für die österreich. Gymnasien». II. p. 273. пр. Ср. ib. 277.

Но обратимся къ языку. Дѣйствительно ли въ словѣ *vlk* *l* образуетъ слогъ? Вслушаемся въ простую рѣчь народа, въ его произношеніе.

Добровскій вѣрно замѣтилъ, что чехъ, произнося: *vlk, prst*, говоритъ *быстро*. Но если обстоятельства не позволяютъ говорить быстро, напр. въ *пѣни*, какъ тогда находится чехъ? Въ теченіе моего долгаго шатанья между чеховъ, я вездѣ внимательно вслушивался въ выговоръ словъ, какъ *vlk, plnŭ*, особенно при пѣніи, и слова эти иначе не звучали для меня, какъ *vułk, rułnŭ*, гдѣ *u* = глухой звукъ. Присутствіе глухаго особенно ясно, когда темпъ требуетъ протяженія — *vuuu...łk*: тянется осязательно вокаль, а *ł* безъ движенія. Так. образ., мое пониманіе произношенія словъ *vlk* и др. отличается отъ общепринятаго тѣмъ, что: 1) я слышу вокаль предъ плавнымъ, 2) слышу *ł, л*, а не среднее *l*. Мнѣ стало ясно, почему только славянинъ, сохранившій *л, ł*, безъ труда произнесетъ, и по-чешски: *vlk, plnŭ*; но не произнесетъ ихъ такъ сербъ. Здѣсь — незамѣченный случай, гдѣ чехъ еще съ старымъ *ł*.

Изъ пѣнія — обусловленнаго выговора — я заключаю о глухомъ предъ *l* въ *vlk*. Но простая рѣчь словака и безъ пѣнія, но при условіи пѣнія — при требованіи звуковаго протяженія, указываетъ столь же осязательно на присутствіе глухаго предъ плавнымъ *ł*. Словакъ въ г. pl. темы *a* тянетъ кореной вокаль: *voda* — *vuod* (= *vood*); такъ точно *vlna* въ томъ же падежѣ увеличиваетъ время произношенія на-столько, на-сколько увеличено оно при *vuod* по отношенію къ основѣ *vod*, т. е. г. pl. отъ *vlna* — *vuuln*. Грамматика словацкая учитъ, что здѣсь *l* (соб. *ł*) долгое; но это также справедливо, какъ говоритъ о долгомъ *ł* въ *vuuln*, гдѣ ясно слышится *u* въ два такта ¹⁾.

Наконецъ, что не *l* или *r* образуетъ слогъ, а глухой звукъ при нихъ, показываетъ не только аналогія болгарскаго языка, гдѣ

¹⁾ Въ нарѣчій дудлѣбскомъ глухой, какъ и въ словацкомъ, удлинится *umlŕi* = *umlŕi* («Sborník vědecký mus. kr. českého» I. 13), гдѣ два *l* означаютъ удлиненность выговора.

въ устахъ одного и того же человѣка (хотя не вездѣ и не всегда) — то *сѣлнце*, то *слѣнце*, но и *опавское* нарѣчіе въ Моравіи, гдѣ вѣ. чешскаго *hrnes*, *srp* — гдѣ вокала *r*, извѣстны формы: *hrunes*, *srur*: процессъ образованія формъ *слѣнце*, *srúr* не мыслишь, если бы въ *сѣлнце*, *srp* не стоялъ предъ плавными глухой звукъ (объ опав. нар. *Šembera* «Dialectol.» 56).

Естественно, при *быстрой* рѣчи, когда каждый вокаль любаго языка *скрадывается* и *темнѣетъ*, какъ учить ежедневный опытъ, *скрадывается* и *темнѣетъ* до *minimum*'а и безъ того темный звукъ *y*, *v* предъ *l* въ *vlk* (ср. «Revue de linguistique» t. II 20). На этомъ то свойствѣ языка и построено ученіе Гуса-Гатталы о «вокальномъ» *l*. Но уже изъ-стари идутъ голоса противъ вокальной теоріи: всегда были люди, которыхъ ухо чуюло глухой звукъ на-лѣво отъ *l*, *r*.

Бенешъ Опатъ (XVI в.) называть «чудовищными» слова, какъ *wrch*, *srp* по тому, что они «*žadne vocálnij hlasyté litery nemağij*» слѣд. имѣютъ лишь *глухой* звукъ¹⁾.

Яснѣе выражается Янъ Коменскій. «Sunt, qui syllabas formant sine vocalibus, ut bohemi in vocibus: *wlk*, *prst* et alia. Monstrosum id videatur, nec tamen est, quia vocalis, licet non expresse scribitur, auditur tamen raptivo, quasi hebraicum *scheva*, id est, *furtivum e*—perinde ac si scriptum esset: *welk*, *perst*. Qualia aliis quoque linguis ignota non sunt. Germani certe suum *Vater*, *Bruder* non aliter efferunt, quam Bohemi suum *kmotr*, *bratr*; ultimo *e* inter pronuntiandum dissimulato. Nec fere Angli suum *first* aliter, quam Bohemi suum *prst* efferunt, *i* vocali quasi dissimulata. Bohemi igitur, quia in scribendo literam otiosam ferunt nullam, quod clare pronuntiandum non est, ne scribunt quidem»²⁾. Фактъ правописанія должно отличить отъ факта языка — такова основная мысль знаменитаго «брата», и, по моему крайнему разумѣнію, единственно правильная точка зрѣнія на значеніе *l*, *r* въ словахъ, какъ *vlk*, *prst*.

¹⁾ *Blahoslav*. «Gramatica česká», vřd. Hradil i Jireček. (Vřd. 1857) 4, ср. ib. 41.

²⁾ Цитата изъ Палацкаго «Gedenkblätter» 1874. p. 40.

Кажется, и таковой великий знаток своего и других слав. нарѣчій, какимъ былъ Шафарикъ, признавалъ глухой звукъ. Въ изданіи «*Mater verborum*» (1840 г.), въ латинской переписи текста, онъ ставилъ *l'*, *r'* вм. *il*, *ir* подлинника: *ml'n* = *miln*, *br'vy* = *birui*¹⁾. Въ «Славянской этнографіи» («*Národopis*» 9) Шафарикъ, сопоставляя рус. *доли* и чеш. *dlhý, srdce* и *srdce*, говорить, что въ русскихъ формахъ этихъ словъ *o*, *e* стоитъ вм. *z*, *ь*, слѣд. *tacite* онъ признавалъ *глухой* звукъ въ чешскомъ.

Естественно, если русскіе слависты, о которыхъ можно безъ преувеличенія сказать, что они всегда полнѣе знали славянскія нарѣчія, чѣмъ ихъ австрійскіе собратья, всегда сомнительно относились къ ученію о вокальности *l*, *r*. «Звуки глухіе—говорить ак. Срезневскій—хотя еще сохраняются, слившись въ одинъ *z* въ серб., чеш., слов., но только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ выговору помогаютъ *p*, *л*²⁾. Лавровскій того же взгляда: «глухіе въ соврем. слав. нарѣчійхъ переходятъ въ различные гласные звуки, лишь иногда оставаясь глухими при *p* въ сербскомъ, или при *r*, *l* въ чешскомъ и болгарскомъ»³⁾. Для пр. Потебни вокальное ученіе—фигція⁴⁾.

Если чешское произношеніе словъ, какъ *vlk*, *plný* выражается, насколько я могъ понять живую рѣчь народа, не общепринятымъ правописаніемъ: *cons.* + *l*, а требуетъ начертанія: *cons.* + *y* + *l* для своего т. ск. фотографическаго воспроизведенія, то весьма любопытно знать, какъ справлялись въ старину съ подобными словами, напр. до Гуса, когда писали, не мудрствуя лукаво.

Когда пойдетъ рѣчь о латинскомъ правописаніи старыхъ слав. рукописей, то тотчасъ же готовъ приговоръ: оно всегда не-

¹⁾ «*Die ält. Denkmäler*» р. 217, 210. Ср. транскрипціи латинскую и кирилловскую словъ Любушина Суда — ib. 50 и др.

²⁾ «Мысли объ исторіи рус. яз.» 49.

³⁾ «Объ языкѣ сѣв. рус. лѣтописей» 34. Впрочемъ позже Лавровскій перемѣнилъ свое мнѣніе («О русскомъ полногласіи»).

⁴⁾ «О русск. полногласіи» и посл. соч. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» 57.

совершенно, никогда не выражало богатых особенностей слав. рѣчи, такъ какъ вообще латин. азбука мало пригодна для слав. звуковъ. Но справедливъ-ли упрекъ, что латинское правописаніе старыхъ рукописей должно быть разсматриваемо всегда и безусловно лишь въ качествѣ приближительнаго передатчика народной рѣчи? Всегда-ли равнодушно и потому легко относился старый писецъ къ своему правописанію, къ обязанности своей—возможно точнѣе передавать народную рѣчь? Не заботился-ли иногда и онъ, чтобы и несовершенными средствами, какова была его абѣцѣда, распорядиться такъ, чтобы и она и точно, и полно воспроизводила славянскіе звуки, ихъ черты?

Остановимся на древнѣйшемъ отрывкѣ т. наз. Далимила (въ библ. праж. унив. № 4. G. 29, ср. мой второй «отчетъ» 4 подъ № 11), и мы легко убѣдимся, какъ тщательно писецъ его заботился о самой точной передачѣ звуковъ своей чешской рѣчи.

Если отсутствующіе въ латинскомъ языкѣ пишущіе звуки изображались комбинаціей нѣсколькихъ простыхъ знаковъ: *ff*, *sz*, *cz* и т. д., то работа писца усложнялась, когда приходилось означать мягкіе консонанты. Обыкновенно писецъ помогалъ себѣ тѣмъ, что оставлялъ безъ вниманія это, столь существенное различіе—напр. *t* и *t̃*, и только навыкъ читателя опредѣлялъ тотъ или иной выговоръ. Но нѣкоторые писцы составляютъ исключеніе: въ ихъ работахъ мы видимъ тщательную заботу облегчить своимъ читателямъ трудъ различенія обѣихъ категорій славянскихъ консонантовъ. Къ такимъ писцамъ относится и писецъ отрывка универ. Далимила. Онъ блистательно вышелъ изъ затрудненія и съ абѣцѣдой сдумѣлъ различить обѣ категоріи, хотя и оригинально ¹⁾:

¹⁾ Какъ вообще недостаточны буйвенные знаки для выраженія звуковъ языка, исполнимъ прекрасное замѣчаніе пок. Гануша: «Vždy více živých stává zvukův, nežli je písmenek v abecedě kterékoliv, a nucen téměř každý pisec, různé zvuky stejnými písmenky znamenati, živé své a různé zvuky stejnými a mrtvými písmenkami pozdějším pokolením zaobalovati a zatajovati. («Čtení poučné a zábavné» статья: «Něco o příbuznosti a živobyті řečí indoevropských» V. p. 66 (Brno 1867—1853). Чѣмъ несовершеннѣе абѣцѣда, тѣмъ интереснѣе борьба стараго славянск. писца съ трудностями при примѣненіи ея.

для означенія мягкости онъ ставилъ *h* послѣ данного консонанта и свою систему провелъ строго. Беру нѣсколько примѣровъ: *bezdhieczni. sie branhihi. thiethivi. toth. nevidhiets. nhinhie* (I a.). *narenh* (II b.). *smirth.* (III a.). *fuinhbrod* (IV a.) и др. Правда, этотъ приемъ извѣстенъ и изъ другихъ чешскихъ рукописей, но изрѣдка: *deseth* (грам. Штитнаго 1373. «Сая. ма.» 1861. 350). *opieth* (чеш. домострой 1493. библ. пр. ун. XVII. F. 13. f. I b. ср. «второй отч.» 15).

Въ этой оригинальной, индивидуальной особенности правописанія универ. Далемила нельзя не видѣть самостоятельнаго, активного отношенія писца къ задачѣ письма: писецъ обдуманно употреблялъ каждый знакъ, писалъ, преслѣдуя одинъ интересъ— чтобы его письмо было возможно *точнымъ* передатчикомъ живой рѣчи.

Я остановился на унив. Далемилѣ, ибо онъ ясно говоритъ, что межъ старыми чехами бывали писцы, которые не безразлично относились къ задачамъ письма—полно и точно передавать звуки живой рѣчи. О томъ же заботливомъ отношеніи писцовъ къ своему дѣлу— дѣлу письма, могутъ свидѣтельствовать и другія старыя рукописи чешскія. Старый чешскій языкъ зналъ напр. послѣ свистящихъ и шипящихъ одни іотованные вогады, какъ у насъ малорусскій: «*Miezziecziu zie da uda wznyty A zzlun- cziu pod zemu znyty*»; или «*Chzizie ftalo gda dyedecziu* Ву promne ztal wzmutnē liczīu» («Алексаидреида» будеевицкая или муз. № I, II b. 1 в. 2. ср. мой второй «отчетъ» 4. № 7). *zaczyely. wfturpe na tuto ftolyczyu. hozyu, no chezu* («Ма- сти́чка» I b. I a.).

Но возвратимся къ писцу универ. Далемила. Можно ли отказать ему въ точномъ воспроизведеніи звуковъ своей родной рѣчи, роднаго произношенія и въ другихъ случаяхъ, помимо различенія твердыхъ и мягкихъ консонантовъ? Не справедливѣе ли полагать, что писецъ, работавшій обдуманно, сознательно при передачѣ указанной особенности славянскаго консонантизма, съ тѣмъ же чувствомъ относился и къ другимъ чертамъ роднаго языка—желалъ и выражалъ и эти черты въ своей работѣ столь же совѣстно?

Какъ же передаетъ онъ произношеніе словъ съ т. н. «вокальнымъ» *l*? Его взглядъ не можетъ быть для насъ безъ значенія.

Правда, на восьми страничкахъ отрывка мы не встрѣчаемъ словъ съ «вокальнымъ» *l*: но принимая во вниманіе тождественность судьбъ сочетаній *la* и *ra* въ чешскомъ языкѣ, мы не сомнѣваемся, что если писецъ отрывка, чехъ нач. XIV в., писалъ: *smirth, firdcze, potirhna* вм. нын. *smrt, srdce, potrhna*, то и слова, какъ *vlk, plný*, онъ изобразилъ бы не иначе, т. е. съ *i* предъ *l*: *wilk, pilny*. Въ произношеніи словъ какъ *vlk, plný* писецъ начала XIV вѣка слышалъ и различалъ тѣже составные элементы, что слышу и различаю я въ настоящую минуту: *cons. + y (i) + l (X) + cons.*

Но за наше пониманіе, согласное съ пониманіемъ писца унив. Далимила, произношенія словъ какъ *vlk*, говорятъ памятники и ранѣе XIV столѣтія: тоже начертаніе *il, yl*, гдѣ теперешній чехъ пишетъ *l*, въ памятникахъ языка съ самаго ранняго времени. Нельзя же видѣть одну случайность, одно заблужденіе на протяженіи ряда вѣковъ... Для полноты я укажу всѣ способы передачи памятниками современнаго «вокала» *l*.

волкѣ. *il: wilk. wilczen* (*Erben Regesta* I 1222 г. 1125). *wilczicz* (*Tingl Libri confirm.* I. 22. 168. 187). *wilcodlak. wilk.* (*Mater verborum* f. 185. 113. 149).

li, ly: wlycek. wlikouia (*Reg. II.* 1229. 1233). *wlicodlaci* (*Mat. verb.* 256). *wlycye lyty* (рук. библ. праж. ун. XVII E 8 f. 17 а.)

l: wlk. wlkozowo. wlceso. wlzec. wlchco. (*Reg. I.* 1174. 1186. 1228. 1232. 1238). *wlczepole. wlczie. psowlk. wlkow* (*Libri conf.* I. 26. 59. 177. 148).

ol: wolkow (*ib.* II. 14).

ul: prsiestawulk (*Reg. II.* 1261 г.).

молд: *Vltawa* при иностр. *Moldau, ava.*

wlitawe (*Reg. I.* 1205. II. 1259)

wltawa (*ib.* 1045. 1088) *wltawia* (*Libri conf.* I.

31. 164)

wultawa (*Reg. I.* 1186)

- волна. *wilna* (Mat. verb. 169)
волна. *wilnofkoki. wylni. wilna wodna* (Ps. glos. XII в. муз. f. 53 b. 42 а. 137 а)
hnutie wln. wlny,—ni (Ps. clem. 70 а. 75 а. 89 b)
velna (=procella. библ. пр. ун. XV. E. f. 63 а)
волхвъ. *vilchuecc* (grineas. Mat. verb. 135).
долгъ (въ обонхъ знач.) *dilgonicih* (Reg. I. 1131. 2 раза)
dilh (debitum. Mat. verb. 68).
dulgomilo (Reg. I. 1176. № 357. 1222)
dlugomil (ib. 1187). *dluhoczakayuzi. w dluhi* (Ps. gl. 93. а. 118 b). *dluho* (Mastičkař II а. V b. Iudaš I. b).
молв. *mluwivffe* (XII apost. Dobrow. «Geschichte» II. 17) *vimluwycie. mluwena* (Ps. gl. 71 а. 80 а). *vmluua* (Mt verb. 113) *mluwil* («Alex.» hrad. III b и др.).
молв. *milczicz—in* (Libri conf. I 74. 169). *prziemilknu* (Ps. gl. 135 а). *milchziu* (Král na lovu II b) *mylczyety* (Mast. I. b). *mylknu* (Ps. Dobrovii I. а).
mlyczyety (Passie Dobr. «Gesch.» I b). *mlikla* (Ps. муз. II а).
mlczyedlyw (Passional Mus. 2 часть f 276)
mlczach (Ps. cl. 18 а. 21 а. 28 а и др.).
молн. *miln* (fulgor. Mt. verb. 123).
полвъ. *Zuentoplch* (Reg. I. 884 > поздн.).
Zuontibold. Zwetboch (Reg. I. 1077. 903).
Sfentopulcho (ib. 880. 881).
Zuentibaldus (Ann. Fuld s. an. 890—do) (Reg. I. 900)
Nachepluk (Reg. I. 1237).
полн. *pylney* (XII apost. I. 5) *napylni sie* (Ps. Dobr. I. а). *napylnyena* (Ps. Šaf. I. b.). *napiłny sie—nyeny, a* (Ps. mus. I. b. II а) *pyln kram* (Mats. III. b.) *pilnye, — na* (Alex. грд. I. а. II. b).
plyn kram (Mast. IV. а). *naplynnyeny* (Passional б. пр. ун. XVII. E. 8. f. 7 а).
naplny (Ps. gl. 104). *pln kram* (Mast. V. а, in marg.). *naplnen. plne ffe* (Passional Mus. 2 ч. f. 275. 280).

plna (Ps. cl. 6 a. и вездѣ). *plnye* (Pass. ун. б. XVII. E. 8. f. 8 a.

полеть. *pilzt. pilft* (Mat. verb. 48. 116).

солн. *slunek* (Mat. verb. 65). *ot sluneczneho wchodu* (Ps. glos. 90 b). *zluncze* (Alex. гр. III б и др.).

столп. *stolpow. stolpna* (Lib. conf. I. 176. II. 6 и др.)
slopcz (ib II 40).

slupni (Reg. I. 1215). *stlupna* (Lib. conf. II. 5).
slupnicz (Borový Libri erectionum I. 1. 6. 7).

толк. *tluku-t gyu. natlucz.* (Mast. III. б):

толм. *tlumachzil* (Alex. mus. № 1. I. б).

толст. *tlustovsi* (Reg I. 1227). *tlustoft. roztluftel* (Ps. glos. 127 a. 137 b.) *šve tlustofsty* (Dalemil mus. hrad. II a.

холмъ *Hulmecz* (Dobner «Annales» 1057 г.). *Hulmisac* (Reg. I. 1178).

na chlumcy (Dobner IV. 993). *Hlumec* (Reg. I. 1057). *chlum* (Libri conf. I).

na chelme (Reg I 1115).

Я ограничился памятниками языка эпохи донѣмецкой. Въ памятникахъ эпохи второй (съ XIV или $\frac{1}{2}$ XIV) болѣе и болѣе устанавливается обычай писать одно *l*: «*wlka* шуенуе а *wlk kewfi*» (Bohemarius 1385. капит. библ. въ Прагѣ 0.59 f. 17. а), который, вѣроятно, стоитъ въ прямой связи съ филологическимъ ученіемъ Гуса о слогаобразующемъ *l* (*r*)¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ формы *ul*, *lo*, *lu*, *al* въ старыхъ памятникахъ, сохраненныя болѣе или менѣе въ тѣхъ же словахъ и въ настоящую минуту (*tlustý* etc.), ограничимся пока формами *il* (*yl*), *li* (*ly*), *l*.

Сравнивъ слова этихъ формъ съ соответствующими словами современнаго языка, мы видимъ, что ихъ *il*, *li* или *l* отвѣчаетъ

¹⁾ Описаніе памятниковъ чешскаго языка эпохи донѣмецкой и нѣмецкой, которые приняты въ расчетъ здѣсь и позже при дальнѣйшемъ изложеніи, см. у меня въ первомъ и второмъ «отчетахъ» 69—72, 2 — 16; номенклатура памятниковъ въ отчетахъ удержана и здѣсь.

нынѣшнее *l*. Так. обр., слова съ т. наз. «вокаломъ» *l*, «безъ вставки», въ старину изображались трояко: 1) самый распространенный способъ *l* съ вокалами *i*, *y* впереди; 2) менѣе частый — тѣже вокалы послѣ *l*; 3) тождественный нынѣшнему (уже въ рс. gloss. XII в.) — одно *l*.

Первый способъ утверждаетъ вѣрность правописанія точнаго писца унив. Далимила, и, наоборотъ, правописаніе Далимила говорить за правильность пониманія и изображенія «вокала» *l* старыми людьми. Прибавлю, что, кажется, и Добровскій въ концѣ своей жизни не считалъ *i*, *y* предъ *l* старыхъ памятниковъ лишними знаками. Правда, въ своихъ «Очеркахъ литературы» по поводу брюнскаго отрывка «Пассій» Добровскій говоритъ: «in *smryt*, *mlyczyety* wird das *y* ohne Noth eingeschoben, da die richtige Aussprache der Sylben *mrt*, *mlč* keinen Vocal erfordert» (116); но въ 1825 г., отерывъ листы псалтыри XIV в. (см. пер. «отчетъ» 71 № 8), онъ, по прочтеніи ихъ, сдѣлалъ на доскуткѣ, хранящемся и доселѣ въ музеѣ при рукописи, слѣд. замѣчаніе о правописаніи памятника: «*notari merentur mylknii. obdirzieli... ludie... obnazu... zirno. parylni*», т. е., что *y*, *i* предъ *l*, *r* такая же особенность стараго языка, какъ *u* вм. *i* въ *ludie*, *obnazu*.

Второй способъ — *ly* (= *ry*), весьма древній, останавливаетъ своею оригинальностью. Въ сомнѣніи, *y* (*i*) послѣ *l* не — знакъ какого нибудь нарѣчія стараго языка, въ родѣ нынѣшняго опавскаго въ Моравіи («III отчетъ» 40 пр.): достаточно указать, что въ «Мастичварѣ», памятникѣ весьма выдержаннаго и точнаго правописанія, одно и то же слово, въ одномъ и томъ же выраженіи, то съ *yl*, то съ *ly*: «*ryln kram*», но «*plyn kram*». Ни нынѣшній языкъ, ни старыи не зналъ той свободной перестановки глухаго вокала при плавныхъ *l*, *r*, какой отличается напр. современный болгарскій языкъ въ извѣстныхъ нарѣчіяхъ; т. е. *plyn* нельзя считать такимъ же фактомъ языка, какъ напр. опавское *sryp*, *hrynes*. Кажется, въ основѣ втораго способа лежитъ память о церковнославянской эпохѣ чешскаго языка: уже въ сильно *чехизованныхъ* пражскихъ глагольскихъ свѣдѣль-

няхъ (XI, X? вѣкъ) читаемъ — *почрътлани*, *оутеръzenie* (*Срезневскій* «Гл. пам.» 37. 41) ¹⁾.

Третій способъ, одно *l*, сильно благопріятствуетъ возрѣнію вокалистовъ. Но отношеніе его къ первому способу не трудно уяснить, не выходя изъ области стараго чешскаго правописанія. Остановимся на одномъ явленіи старочешскаго правописанія. Опускается вокаль, между прочимъ *i*, и пишется: *cons + l* въ такихъ слогахъ, гдѣ несомнѣнно живая рѣчь раздѣляла эти два консонанта. Въ *ps. clem*: «*lucziszce flnych prfietozeno ieft*» 124 а. «*z ruku peklnu*» 72 а *vm. silnych. peklnu.*; даже «*prfikrl ieft hori ftien giegie*» 64 а. *vm. prfikryl*. Въ грамотахъ: *Wolfnerus* и *Wlfnerus* (Reg. I. 1186). Пропускъ этимологическихъ вокаловъ есть, очевидно, сократительный приѣмъ для береженія труда—опускаемый вокаль легко подразумѣвался. Если легко опускался чистый звукъ, то тѣмъ легче могъ опускаться глухой—а онъ впереди *l* въ словахъ, какъ *vlk*. Послѣ этого понятно, что одинъ и тотъ же писецъ писалъ извѣстное слово рус. сочетанія *ол—лз* то съ *i*, *y* предъ *l*, то опускалъ впереди *l* знакъ вокала: въ текстѣ Мастичваря *pyln (plyn)*, но въ маргинальной припискѣ *pln*; *ps. glos. XII b.* правило *il: wilna, mlkni* и др., въ связи съ *yr, ir* безъ исключенія, но и *pln, pohlceni* (137 а), *wzeklnu* (103 а); писецъ грамоты 1186 г. слоги одного и тогоже произношенія выражаетъ различно, съ вокаломъ и безъ: *wultawa*, но *wtkozowo*. Прибавить можно, что если писецъ держится перваго или втораго способовъ, то пропускъ *i, y* предъ *l* у него рѣдокъ, а это указываетъ на второстепенное значеніе третьяго способа, на значеніе его, какъ *стенографическаго* приѣма, употребляемаго при случаѣ. Тотъ-же пропускъ вокальныхъ знаковъ *z, ь* какъ исключеніе изъ общаго правила, извѣстенъ намъ и изъ старословенскихъ рукописей, которыя въ данномъ вопросѣ предлагаютъ полную аналогію съ чешскими.

¹⁾ Ср. *Дювернуа* «Система основ. элементовъ». 87.

Въ виду этихъ указаній старой графики, вокалисты, по моему мнѣнiю, не могутъ сослаться на старочешскiя рукописи, для подтвержденiя своей теорiи. Старые писцы держались одного правила — писать *yl*, *il* (герр. *ly*, *li*); а если одинъ и тотъ же приемъ живетъ въ письменности на пространствѣ вѣковъ, то не знаетъ ли это, что онъ признавался писцами, у которыхъ нельзя отнять ни чуткаго уха, ни рѣдкаго умѣнья пользоваться бѣдными средствами, ни желанья служить честно языку, какъ лучшей передатчикъ живаго факта языка — что въ словахъ семьи *vlk* ухо слышитъ впереди плавнаго *l* *глухой* звукомъ.

Итакъ, принимая во вниманiе: живую рѣчь народа, какъ схватываетъ его ухо чужестранца, фактъ образованiя формы *ly* (= *ry*) въ опавскомъ говорѣ въ Моравiн; аналогию болгарскаго языка, мѣняющаго свободно позицiю глухаго; указанiя стараго правописанiя — старыхъ рукописей, и вообще характеръ старочешской графики, я прихожу къ убѣжденiю, что извѣстная и большая часть словъ сочетанiя *ол*, *ол* — азъ основной, сѣверовосточной половины языковъ славянскихъ на почвѣ чешскаго языка представляется (и представлялась) въ формѣ *yl* т. е. *зл* на мѣстѣ *ол*: *волкз* = *vyllk*, *влк*; что форма *l*, или т. н. «вокаль» *l*, есть условный стенографическiй приемъ письма, прикрывающiй собой форму *yl* — фактъ языка.

В). Остается коснуться ссылки вокалистовъ на санскритъ: онъ имѣетъ-де также вокалы *l*, *r* и даже различаетъ въ нихъ вокальную долготу, а потому «*pos cum indis*», говоритъ пр. Гаттала, предъ глазами котораго всегда носится словакъ, съ санскритскимъ различенiемъ долгихъ «вокаловъ» *l*, *r*.

Не говоря о томъ, что всякое положительное сравненiе можетъ имѣть значенiе само по себѣ и по результатамъ, вытекающимъ изъ него, лишь при предположенiи прямой, непосредственной, внутренней связи сравниваемыхъ явленiй — въ данномъ случаѣ, при предположенiи генетической связи между жителемъ Вѣлтавы или Вага и обитателемъ Ганга, что однако, по крайней мѣрѣ, для меня не вполне ясно и удобоприемлемо, ссылка на санскритъ имѣетъ тѣмъ мѣнѣе значенiе, чѣмъ яснѣе стано-

вится природа самихъ санскр. «вокаловъ» *l*, *r*, изъятая изъ мистицизма туземныхъ лингвистовъ. Оговариваюсь, что я, какъ невѣжда въ санскритѣ, позволю себѣ лишь по необходимости говорить о немъ; всякія же справки съ санскритомъ мнѣ лично не-пріятны.

«Вокаль *l* является въ единственномъ корнѣ *kalp* и именно въ прич. стр. *klptás* и отглагольн. имени *kl'ptis*. Но туземные грамматики считаютъ *klp* корневой формой, *kalp* — гуной. Тоже и относительно корней, гдѣ *ar* мѣняется съ *r*; глухая форма для нихъ древнѣйшая, форма *ar* усиленная. Для меня наоборотъ: вокаль *r* вездѣ и всегда есть результатъ затемненія вокала впереди или позади консонанта *r* и въ большинствѣ случаевъ — затемненія сочетанія *ar*, какъ показываетъ сравненіе санскрита съ родственными языками Азіи и Европы». Такъ говоритъ знаменитый основатель сравнительной грамматики, у котораго никто не можетъ отнять ни знанія, ни пониманія жизни, историческаго движенія языковъ¹⁾. Не могу не отмѣтить еще, что это сужденіе надъ санскритскими «вокалами» *l*, *r* произнесъ тотъ, кому мало была знакома исторія славянскихъ языковъ: а она — прекрасная иллюстрація ученія санскритскаго, обратившаго, формы ради, дѣтей въ отцевъ, отцевъ въ дѣтей. Шлейхеръ прямо отождествляетъ санскр. *l*, *r* чешскими *l*, *r* въ *vlk*, *hrdý*; правда онъ признаетъ эти *l*, *r* въ чешскомъ языкѣ вокалами, но въ то же время даетъ понять, что при этихъ *l*, *r* слышится впереди глухой звукъ въ видѣ *e*, и что санскритскіе *l*, *r*, есть сокращеніе болѣе древнихъ сочетаній *al*, *ar* или *la*, *ar*²⁾. Сравн. сербское *Вршава*, *врмено*,

¹⁾ *Вопр. Vergl. Gram.* I^o p. 12. Боппъ былъ далекъ отъ признанія за санскритомъ абсолютнаго значенія, болѣе того: онъ допускалъ, что славяно-литовскіе языки, на равнѣ съ греческимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ, могутъ пополнять и т. ск. исправлять санскритъ (*M. Bréal* въ характеристикѣ *Боппа*: «*Gram. comp.*» I. indr. XLIII). Ср. письмо Бреала въ «*Rev. de ling.*» I. 125.

²⁾ «*Compendium der vergl. Gram. d. indgom. Sprachen.*» 3 изд. p. 18 прим., далѣе § 4, § 6. Въ послѣднемъ § онъ говоритъ объ исчезновеніи *a*: «*a* исчезаетъ чаще всего предъ *r* и *l*, въ каковомъ случаѣ *r*, *l* становится вокалами». Очевидно, изъ *ar*, *al* получается *er*, *el*, какъ изъ лат. *porta* чехъ сдѣ-

крст, *грк.* Итакъ, вокаль *r* есть «затемненное» сочетание *ar*, т. е. *r* съ глухимъ звукомъ впереди; мы могли бы его изобразить: *зр*, въ болгарскомъ словѣ *кврст*, *кврча* при *карст*, *карча*; беру болгарскій языкъ, въ виду того, что при *кврст* бытуеетъ форма *крст*, *крча*: тотъ же скачекъ, вѣроятно, и въ санскритскомъ *vrkas* при $\sqrt{\text{vark}}$ изъ *varkas*. Вокаль *l* единственнаго корня *kalp* есть «затемненное» сочетание *al*, т. е. это *l* мы могли-бы изобразить: *зл*, что въ болгарскомъ *калмем* при *калмем*. Какъ увидимъ ниже, и отчасти видѣли, когда рѣчь была о паразитной вокализаци (*er* въ *ar*), отношеніе болгарскихъ *зр*, *зл*—*ар*, *ал* прямо противоположно отношенію санскр. *r*, *l*—*ar*, *al*. Если, въ виду сравненія вокалистами чеш. *l* въ *vlk* съ санскр. *l* въ *klptás*, мы прибѣнимъ выводъ Боппа о санскр. «вокалѣ» *l* въ чешскому языку, то получимъ слѣд. результатъ: чеш. *l* предполагаетъ древнѣйшее сочетаніе—чистый вокаль + *l*, а само есть слѣдствіе затемненія вокала въ этомъ сочетаніи, т. е. *l* въ *vlk*=*al*, *vlk*=*valk*, изъ болѣе древней *v* + *чист. voc.* + *lk*.

Отъ знаменитаго основателя сравнит. грамматики перейдемъ къ неменѣе знаменитому лексикографу санскрита—ав. Бетлинку. По поводу втораго изданія II тома т. наз. «Сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій» ав. Миклошича, гдѣ вѣнскій славистъ широковѣщательно излагаетъ свой взглядъ на санскр. вокалы *l*, *r*, и, допуская ихъ въ санскритѣ, требуетъ признанія «вокаловъ» *l*, *r* и въ организмѣ славянскомъ, Бетлинкъ, въ своей небольшой иронической критикѣ доводовъ Миклошича, указываетъ на всю ихъ недостаточность, на неясное пониманіе авторомъ исторіи языка, и заключаетъ словами, что «вокалы» *l*, *r* не составляютъ черты оригинальности, первобытной ненарушимости

лалъ *party* въ *Postoloprty*, изъ Варшавы сербъ дѣлаетъ свое *Вршава*, какъ изъ готскаго *dulgs* = рус. *домъ* известная часть славянъ сдѣлала свое *дѣм*, *дѣм*. Бюрнуфъ держится почвы санскритскихъ грамматикъ («Méth. p. étud. la langue sanscr. p. Em. Burnouf» Paris 1861 § 8 пр. пр.): для него *al*, *ar*, *āl*, *ār*—гуна и вридди отъ *l*, *r*; но онъ самъ видитъ, какъ сбивчиво опредѣленіе «вокаловъ» *l*, *r* (§ 1). Французы вообще вокалисты, ср. «Rev. de ling.» t. III. 220; др.

организма языка, а совершенно наоборот, древнѣе, оригинальнѣе тотъ языкъ, который сохранилъ полный вокаль при плавныхъ *l*, *r*¹⁾.

Наконецъ, «вокальную» службу служить можетъ и каждый консонантъ при неясномъ произношеніи: когда русскій говоритъ «сонце», и имѣетъ тоже значеніе, что чешское *l* въ *vlk*²⁾.

Въ заключеніе прибавимъ: санскритъ впрягаютъ въ службу чешскіе вокалисты; но видимъ и обратное явленіе—*l*, *r* на службѣ у санскрита. «На нашъ взглядъ—говоритъ А. Говлакъ—санскр. *r* долженъ быть произносимъ почти какъ *r* вокаль сербо-хорватскаго языка т. е. въ словахъ, какъ *brdo*, *brk*»³⁾. Если серб. *r* = санскр. *r*, то Говлакъ могъ бы продолжить отождествленіе: чешское *l* въ *vlk* = санскр. *l* въ *klptās*. Справка съ слав. нарѣчіями если что и можетъ доказать, такъ это именно незнаніе и санскритомъ вокаловъ *r*, *l*; или должно остерегаться подобныхъ справокъ.

Если так. обр. санскр. *l*, *r* предполагаютъ древнѣйшую ступень языка, гдѣ *l*, *r* отвѣчаютъ слоги *al*, *ar*; если вообще *l*, *r*, что тоже, *al*, *ar*, суть видоизмѣненія сочетаній *voc. + l*, *voc. + r*, и языки формы *l*, *r* развились изъ языковъ формы *voc. + l*, *voc. + r* известнымъ путемъ діалектическаго дифференцірованія: то все это указываетъ, что чешскій слогъ *al* (*l*), т. е. *al* въ словахъ семьи *vlk* есть результатъ затемненія знакомаго намъ сочетанія: чистый *voc. + l*.

Не выходя пока за межу чешскаго языка, останавливаясь главн. образомъ на языкѣ старыхъ памятниковъ и словацкомъ

¹⁾ «Quelques observations concernant les racines de l'ancien slavons avec les *r* et *l* formant des syllabes» въ «Bulletin de l'académie impériale des sciences de S. Pétersbourg» t. XXII. p. 312—315.

²⁾ Не безынтересно, что тотъ самый Миклошичъ, который отвергаетъ глухой звукъ предъ *r* въ *brdo*, *brk* въ сербскомъ, болгарскомъ, признаетъ его въ цыганскомъ: цыг. *berš*—гр. *berš*—слов. *brš*. («Ueber die Mundarten der Zigeuner» въ «Denkschr. d. Wien. Akad.» XXV p. 11.).

³⁾ *Novelaeque*. «Memoire sur la primordialité etc.» 5. «Revue de ling.» V. 84.

нарѣчи, мы легко увидимъ, что самъ языкъ даетъ намъ и источникъ своего «вокала» *l*, и форму этого источника.

Въ переводѣ чужеземнаго *Moldava* на чешское *Vltava* мы имѣемъ примѣръ несомнѣннаго перехода стараго *этимологическаго* сочетанія *ol* въ *l*, т. е. *al* (*al*). Одно это обстоятельство даетъ нѣкоторое основаніе искать для каждаго *l* = *al* древнѣйшей, основной формы *o+l* или, по крайней мѣрѣ, *чист. вок. + l*. И, дѣйствительно, старый языкъ, не смотря на преобладаніе формы *il*, не оставляетъ насъ съ пустыми руками.

Для соврем. *l* мы имѣемъ въ старину форму *ol* въ слѣд. словахъ: *vlk* — *Wolkow*, *wulk*; *Vltava* — *Wultawa*, откуда уже легкій переходъ къ *Moldava* (мѣна *m*—*v* въ *tnuk*, *vnoho* и др.); на мѣсто (словацкихъ) *dlhý*, *plk*, *stlp*, *chl'm* — *Dulhomilo*, *Sfentopulcho*, *Stolpnow* (*Stolpna*), *Hulmez* (*Hulmisak*). Мадьярскій языкъ въ извѣстной мѣрѣ своей славянской части можетъ имѣть тоже значеніе, что и славянскій элементъ латинскихъ грамматъ или топографическія имена: *kólbasz* — словацк. *klbasa*; *tsónok* (вм. *tsólnok*) — слов. *čln*, т. е. опять для соврем. *l* имѣется форма *ol*.

Въ нашихъ поискахъ перейдемъ теперь къ діалектамъ. Не смотря на свою убійственную монотонизацію, словацкое нарѣчіе знаетъ *ol*, *ul* въ своемъ крайнемъ восточномъ говорѣ, въ сѣверныхъ комитатахъ Спиша, Шариша, Абуйвара: напр. *puľný*; въ Гонтѣ одно *u*, какъ въ сербскомъ, изъ *ul*, *ui*: *puńý*¹⁾. Могутъ возразить, что *ul* Спиша и Шариша русизмъ; но также возможно, что словаки, «*hospites*» съ XI — XIV ст. въ этихъ комитатахъ²⁾, нашли въ языкѣ туземцевъ русскихъ поддержку къ охранѣ своей старой вокализаци, задерживающій элементъ, который и остановилъ на востокѣ разрушительное дѣйствіе монотонизаціи, охватившей область словацкаго языка. Вѣроятность послѣдняго предположенія тѣмъ большая, что въ тѣхъ же восточныхъ говорахъ удержалось и сочетаніе *el*—*ol*, слишкомъ

¹⁾ Šembera. «Dialectol» 78. Šafařík «Pjsně swětské» I. p. VIII. XII.

²⁾ Такъ они въ грамматахъ. Ср. мой «III отчетъ».

рѣдкое въ другихъ мѣстахъ (ср. у Бернолака «Slownik» s. v. *žlti*): «po tej žoltej palici» (Шаритшъ), *žoltia vlasu* (Гемеръ)¹⁾, и новая вокализация, развившаяся при плавныхъ (паразитная), только здѣсь стремится принять обликъ *ol*: *mla*, чеш. *mlha* (т. е. *mlha*, метатезисъ)—въ Гемерѣ *molha*; *слеза*, ч. *slza*—въ Шаритшѣ *solza*: «Ma rannenko, ma rannenko, sož je si, že si solza za solzenku. tak leci»²⁾.

Не знаю, какъ объяснять дудлѣбское (въ южной Чехии) *u*, гдѣ въ общечешскомъ *lu*, въ словацкомъ *l: chlm*, *šurjina* = р. холмъ, столпъ³⁾: изъ *lu* или изъ *ul*, по образцу гемерскаго *runý*. Известно только, что дудлѣбское нарѣчіе не безъ слѣдовъ глубокой старины. Въ другомъ, не менѣ консервативномъ чешскомъ нарѣчьи—въ горахъ върконошскихъ—бытуеетъ *el*, вм. *l: pelný*⁴⁾ но форма *el*, *el* намъ знакома изъ польскаго, верхнелужицкаго, какъ побочная форма *ol*, *ol*: каш. *velk* при *volk*; слѣд. върконошское *pelný* сводится на вокализацию напр. шаритшскаго *rolný* (*pulný*), безъ «вставки» *e* предъ *l*, какъ желали бы сторонники теоріи «вставокъ». Уже въ грамотахъ мы имѣемъ *velna*, *chelm*.

Но нѣтъ-ли и въ литературномъ чешскомъ языкѣ указаній, что и чешскій языкъ знаетъ и знаетъ форму *ol*? Они на лицо: они видимы и невидимы, смотря по вкусу. Мы разумѣемъ здѣсь тѣ слова русской семьи *ol*, которыя въ соотвѣтствіе русск. *ol* имѣютъ въ чешскомъ языкѣ сочетанія *lu*, *lou*: *mluva*, *chlm*, *sloup* (мор. *stlup*, *stlp*), *dlouhý* и др.

Мы видѣли, что для вокалистовъ форма *lu*, *lou* разлагается на «вокаль» *l* + «вставка» *u*, *ou*: *chlm* изъ *chlm*, *dlouhý* изъ *dlhý*, а эти «основныя» формы, говорятъ они, бытуютъ въ словацкомъ нарѣчьи. Теорія вокализма стоитъ на почвѣ словацкой вокализации сочетанія *ol*—*ol*, и въ силу ея однообра-

¹⁾ «Sborník slov. národ. piesní» изд. Matice slovenskej. II². (Т. S. Martin 1874) p. 103. 90.

²⁾ ib, 99. ср. ib. 74. 85.

³⁾ «Sborník vědecký Mus. kr. česk». I. 20.

⁴⁾ Kouble «Časopis M. kr. česk». 1864. 50.

зія, монотонности она признаетъ ее eo ipso древнѣйшей, основной, а случится какое отступленіе отъ этой монотонности — элементъ, обуславливающий это отступленіе, есть необходимо «вставка», позднѣйшій факторъ въ языкѣ. Но мы видѣли, что «вокаль» *l* болѣе чѣмъ сомнителенъ; что старый языкъ и для «вокала *l*» знаетъ сочетаніе *ol, ul*; что къ тому же сочетанію возводится и санскритскій вокаль *l*, съ которымъ такъ охотно вѣдаются вокалисты, забывая, что санскритъ знаетъ всего одно слово съ «вокаломъ» *l*, а чешскій десятки; что даже словацкое нарѣчіе—это *pur sang* вокализма—не порвало еще всѣхъ связей между своимъ *al, vulgo l*, и формой *ol*: не стоитъ ли въ прямой связи и «вставочная» форма *lu, lou* съ формой русской *ол*—*лз*, такъ какъ теорія «вставочности» — логическое слѣдствіе теоріи вокализма *l* необходимо становится вопросомъ, коль скоро послѣдняя теорія получаетъ значеніе доброй мечты?

1) Если чехъ одинаково, какъ словакъ, произноситъ слова *vlk*, то почему онъ отступаетъ отъ словака въ словахъ семьи какъ *slunce, dlouhý* и т. д.? Вѣдь не трудность же выговора заставляетъ прибѣгать къ вставкѣ *u, ou*, когда мораванъ одинаково употребляетъ обѣ формы: и *stlup*, и *stlp*?

2) «Вставка» *u*, переходя въ «менѣе правильное» *ou*, обнаруживаетъ свою долготу: *usta, austa, ūsta*. У ганаковъ на Моравѣ общее явленіе — долгое *u* тождественно долготу *o*; отсюда чеш. *dlouhý* = ган. *dlohý*¹⁾. Понятіе долготы и «вставочности» несомнѣстимо.

Наконецъ, 3) форму *lu (lu)* мы имѣли уже въ качествѣ побочной въ языкахъ сѣверныхъ славянъ, гдѣ и помину нѣтъ о «вокалѣ» *l*, если только вокаль при консонантѣ *l* въ формахъ: *ol, ul, al, el, il, il, lo, lu* не считать «вставкой», и гдѣ это *lu* чрезъ *lo* возводится къ формѣ *ol*, какъ основной. Не

¹⁾ *Sužil* «Morav. nář. řísně» (Brno. 1860) p. 761. У Челаковского въ ганацкихъ пѣсняхъ: *dlužen, slunečko* («Slov. nář. řísně» III. 73. 74.) — но въ этомъ изданіи правописаніе не точное: на wojni werbujo». 167. III. 73.

имѣемъ ли мы явленія того же рода и въ области чешскаго языка, съ его «вставочной» формой *lu, lou*?

Болѣе чѣмъ кажется — да. Славяне сѣвера намъ показали, что ихъ *lu* изъ *lo* есть результатъ измѣненія формы *ol* — принадлежности ихъ языковъ въ эпоху болѣе раннюю. Тоже отношеніе — теперь *lu, lou*, въ старину *ol (ul)* — предлагаетъ намъ сравненіе чешскаго языка въ настоящую минуту и въ старь. Такъ для словъ: *dlouhý, pluk, sloup* (мор. *stlup*), *chlum* старшій языкъ знаетъ формы: *dulg* въ *dulgomilo. polk (pulk)* въ *zuontibold, sfentopulch. stolp* въ *stolpnow, stolpna. chulm* въ *hulmez (hulmisac)*. Если тождество отношеній, то позволительно заключать и къ тождественности процесса: т. е. формы *lu, lou* изъ *ol, ol*. Если таково значеніе *lu, lou* въ извѣстной части словъ, то 1) по аналогіи, 2) въ силу давленія языковъ сѣвернаго славянства мы можемъ заключать, что и остальная часть словъ той же категоріи, съ ихъ *lu, lou* въ настоящую минуту, предполагаетъ для формъ *lu, lou* точку отправленія — форму *ol*; только немногія свидѣтельства языка изъ далекаго времени не сохранили для насъ формы *ol*; т. е. *mluva* изъ *molva, slunce* изъ *solnce* и т. д.

Отдѣльно отъ чешскаго *u* въ *stloup* стоитъ словацкое *u* въ *vluna* вм. *vlna* («*velicé vluny za nim vyhadzuvala*». *Skultetý «Slov. povesti» 134*); *klzať—klúzať (Bernolák s. v.)*. *žlutovlas, mluvia, mlví* («*Sborník mat. slov.» II. 38, 119*), только послѣдняя основа не безъ вліянія чешскаго языка. Форма *lu* въ этихъ словахъ не вошла въ общій языкъ, стоитъ одиночно, какъ діалектическая вариация, и побочная чешская вокализация въ области словацкаго языка является сверхъ того въ словахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ словами семьи *ol—az*: такъ этимол. основ. *plot* $\sqrt{\text{plet}}$ на почвѣ словацкой даетъ слово *plť* = плоть, но въ говорахъ мѣстныхъ *pult, pultowať*, т. е. *ul* вмѣсто *al*. Въ виду всего этого я могу повторить то, что я сказалъ въ третьемъ отчетѣ: въ народной рѣчи словацкой не рѣдки случаи, когда слова плавной группы являются то въ санскритской формѣ — безъ вокала, то въ славянской — съ вокаломъ; но такъ

какъ уже разъ потеряно чутье старой, исторической вокализации (изъ *plot* словакъ сдѣлалъ *plt*), языкъ ставитъ паразитный вокаль безразлично, то передъ плавнымъ, то позади его: при *plt* (изъ *plot*) — *pult*, при *wrch* — *zwrečhńica* (*Bernolák. s. v.* Ср. гр. «отчетъ» 40).

Итакъ, по нашему убѣжденію, «вставочныя» формы не имѣютъ никакой «вставки», а суть законныя видоизмѣненія формы *ol* (*ol*), знакомой намъ изъ языковъ сѣвера, суть указатели и въ настоящую минуту первичной вокализации плавнаго сочетанія *ол* — *лз* въ области чешскаго языка. Только большинство словъ рус. семьи *ол* — *лз* вмѣсто того, чтобы пойти по примѣру словъ *дома*, *солнце*, избрали иной путь — «санскритскій» — путь *затемненія* (по Шлейхеру, исчезновенія) вокала *о* передъ *l*, и изъ *ol* выработалась форма *l* т. е. *yl*. Въ словацкомъ нарѣчій это затемненіе охватило почти всю область языка.

Въ измѣненіи *Moldava* на *Vltava*, *volk* на *vlk* старшій языкъ чешскій сохранилъ еще память о процесѣ образованія формы *l*; но этого мало: памятники показываютъ, что даже слова, усвоившія форму *lu*, *lou*, пытались было остановиться на монотонизаціи словацкаго нарѣчія. Мы заключаемъ это изъ слѣд. фактовъ: при основѣ *dulg*, *dluh* имѣемъ основу *dilh*: *dilgonici* (гр. 1131 г.), *dilh* = *debitum* въ *Mater verborum*; при основѣ *pulch*, *pluk* — *pllk*: *Zuentoplk*. Эти данныя въ тоже самое время поясняютъ образованіе словацкой вокализаціи — сплошнаго *l*, т. е. *yl*.

Так. образ., въ виду того, что форма *l*, т. е. *yl*, предполагаетъ форму *ol*, *ul* (*ol*, *ul*), въ виду того, что и вторая чешская форма русскаго сочетанія *ол* — *лз* возводится къ той же формѣ *ol*, мы получаемъ одинъ выводъ — русская форма, основная для языковъ сѣверовосточной половины славянства, и съ точки зрѣнія чешскихъ нарѣчій имѣетъ тоже значеніе — значеніе *основной формы*. Восточночешскія нарѣчія (словацкія) отличаются бѣльшей консеквентностью въ проведеніи разъ усвоеннаго начала, отсюда монотонность вокализаціи разсматриваемаго плавнаго сочетанія; западныя (чешскія) — бѣльшей стариной въ своихъ немалочислен-

ныхъ словахъ формы *lu, lou*. Въ вопросѣ о международномъ значеніи русск. сочетанія *ol* — азъ чешскій языкъ не есть выродокъ изъ языковъ главной массы славянства: онъ также исповѣдуетъ русскую форму, какъ свою праформу, какъ исповѣдуютъ ее языки лужицкіе, балтійскіе, польскій.

Мы почти окончили съ сочетаніемъ *ol* — азъ въ чешскомъ языкѣ; еще немного словъ. Мы видѣли, что *l*, т. е. *al*, изъ *ol*; но это измѣненіе *ol* было намъ неизвѣстно, пока мы не спустились въ область чешскаго языка: что же обусловило эту новую формацію?

Познакомившись съ измѣненіемъ звучной вокализаціи на глухую, мы перешли въ сферу новыхъ явленій, явленій новаго организма славянскихъ языковъ: поэтому и мотивы, вызвавшіе переходъ *ol* въ *al*, чужды языкамъ сѣверо-востока. Пока для меня ясно, что переходъ *ol* въ *al* есть одно изъ проявленій общаго стремленія языка скрадывать сильный, чистый вокаль при плавныхъ, если въ помощь этому основному вокалу не явится спаситель въ видѣ шипящаго звука: *š, ž*, по крайней мѣрѣ, это справедливо для чешскаго языка: *šerpať, šerv*, но у словаковъ *šrníř* (основа *šerp*), въ Богемаріѣ *szrwen, szrwnecz* (21 а). Укажу нѣсколько примѣровъ, гдѣ ясно это стремленіе къ скрадываемости, затемненію. Въ старомъ языкѣ: изъ *Apostolorum porta* (геогр. имя) развилось современное чешское *Postoloprty* («*pistolopirthiech*» унив. Далимилъ III. b); изъ *conversus* (т. е. *monachus*) *konwirs, konwirsi* въ томъ же отр. Далем. IV b; *conwrs* въ Богемаріѣ f. 26. b; изъ *Bernardus*—*Brnhart* (рус. ун. пр. 6. № XVII D. 32 f. 1 b). При *iauror, yauror* (Mater verb. f. 3. 462), отсюда названія: *Jauror, Jawornik* (Tingl «*Libri confirm.*» I. 34. 74 и др.), но *Jawr, Jaurnik, Jaurow* (ib. V. 109. I. 136. 165). Въ народномъ языкѣ, въ Моравіи: изъ нѣм. *Kirchhof, Kirchmesse, Wurfzabel, Obermann* развились чешскія слова — *kerchov, krchov, krmaš, vrhcáby, nadubrman*¹⁾; изъ *Cyrillus* — *Crha*; изъ *škarpal*

¹⁾ *Sušil* «Mor. n. písň» № 10. 110; *Šembera* «Dialectologie» p. 51 *Brandl* «Glossarium illustrans bohémico-moravicae historiae fontes» (Brünn 1876) s. v.

škrbal; изъ *pilous* (Корнwurm) *plvouz*; кор. *греб*, отъ. *rohřeb*—*bat*, но *hřbitov* (кладбище); изъ этимол. *plot* словакъ сдѣлалъ *plť*. Какая ближайшая причина этого общаго стремленія языка предпочитать глухую форму звучной — я не беру съказать: кажется, и быстрота рѣчи, и свойство плавныхъ *мутить* своихъ сосѣдей, о чемъ уже говорилъ Курціусъ по отношенію къ латинскому языку («Ueber d. Spaltung des A»), и постепенно слабѣвшій славизмъ, духъ славянскій, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ историческихъ условій — всѣ эти обстоятельства имѣли каждое свою часть въ забвеніи старой славянской вокализациі со стороны чеха. Какъ пояснительную аналогію, можно указать на подобныя же явленія въ языкахъ южныхъ славянъ, творящихъ: *Вршава*, *грк*, *лакрдија* изъ *Варшава*, *горкій*, *лахердѣш*. Ясно, это явленіе болѣе или менѣе общее въ языкахъ славянъ, *колонизовавшихъ южную половину средней Европы*, но не славянъ, *сиднемъ сидѣвшихъ на своей землѣ*.

7.

Спускаясь на югъ отъ словаковъ, мы вступаемъ на-право въ Панонію, на-лѣво въ Дакію. Но ни въ центральной Паноніи, ни въ подунайской и горной Дакіи нѣтъ славянъ: тамъ мадьяре, здѣсь мадьяре и румыны, только по западной и южной границѣ Паноніи мы натываемся снова на славянъ—*словенцевъ*, *кайкавцевъ*, *хорвато-сербовъ*, да въ юговосточной Дакіи на нашихъ почти глазахъ замолкли послѣдніе славянскіе звуки послѣднихъ *дакійскихъ славянъ*. Такъ обр., между южной границей чешкословацкой земли и сѣверной—югославянской территоріи славистъ находитъ громадную область—но сахару для себя. Одинъ взглядъ на карту показываетъ, что эта сахара должна была принадлежать нѣкогда славянскому міру, помимо историческихъ и лингвистическихъ указаній. Но какіе славяне жили здѣсь? Вѣроятно же всего, сѣверная часть дунайской равнины занята была

чехами и русскими ¹⁾; южная къ западу—словенцами и кайбавцами (панонскіе славяне), къ востоку—дакославянами.

На очереди словенскій языкъ и кайбавское нарѣчіе. Въ виду вѣроятности гипотезы о панонизмѣ т. наз. церковнославянскаго языка, между языками «словенскимъ» словака и «словенскимъ» штирійца—кайбавца можно было бы помѣстить языкъ «словѣнскъ» Меоодія, пастыря «преве паноньскѣж» (*Гришоревичъ* «Служба» 16); но онъ все таки еще предметъ спора, а потому пойдетъ въ конецъ.

Съ старѣйшаго свидѣтельства латинскихъ грамотъ и по нынѣшній день, словенскій языкъ знаетъ сочетаніе *ol* тамъ, гдѣ знаетъ его языкъ русскій, съ слабыми и рѣдкими вариациями этой основной формы: *volk*, *polk*, *poln*, *solnce*, *cholm*. Твердое *l*, какъ требующее усиленнаго напряженія органовъ рта, при малѣйшемъ ослабленіи переходитъ въ *u*, близкое къ *v*, поэтому въ живой рѣчи вм. *volk* слышится *vouk* ²⁾.

Для стараго языка я ограничусь немногими указаніями. Въ грамотахъ Штирія; X в. *Zuentipolh*,—*ch*—*bold*,—*polc*; XI в. *Colme*, *Cholmenze*. у Трубера: *sonce*, *tolmazhene*, *poln*; у Юрія Далматина: *resdiravi volkuvi. se dopolniti. dolshan*, но *nashe dulce. dulshnikom* (языкъ Далматина непослѣдователенъ, часто сбивается на сербскую рѣчь) ³⁾.

Самая частая вариация — это *ul*: она намъ извѣстна изъ языковъ сѣвернаго славянства, да и мимо того легко объясняется почти общимъ переходомъ *o* въ *u* въ словенскихъ говорахъ. Что она уже изъ стари, видно изъ выраженій: *Chulm* (XII в.

¹⁾ О русинахъ Венгріи см мою «Записку о путешествіи по слав. землямъ» (Одесса. 1874), перв. и тр. «Отчеты». Ср. выше въ настоящемъ изслѣдованіи.

²⁾ Исключеніе въ рѣчи жителей *Iqanniethal'*, *St. Veit'a*, *Sittich'a*, гдѣ еще *l* (*Metelko* «Lehrgebäude»). Ср. *Jarnik* «Kolo» I. 14. Въ небольшомъ нарѣчій ревьянскомъ-то *ol*, то *ou*: (*Бодуэнъ де-Куртемъ* «Опытъ фон. рез. гов.» 9).

³⁾ *Zahn* «Urkundenbuch d. Herz. Staiernmark» I (Graz 1875) см. Register. *Truber* *Noviga testamenta pusledni deil* (послания). V *Tibingi* 1577. XII, 104; 42, 117 и т. д. *Jur. Dalmatin* «Novi testament» *Witebergae* 1584. 6 a, 3 b, 5 a, 5 b и пр.

Zahn). *torrentem Mulcza* («Разводъ истрийскій» *Starine VI* 183).

Другая вариация — *al*. Эту форму, какъ вариацию формы *ol*, мы имѣли въ лужицкомъ и полабско-прибалтійскихъ языкахъ; увидимъ и въ языкахъ юговостока. Въ живой словенской рѣчи я ее не знаю; но въ постилѣ 1578 г. формы *ol* и *al* взаимно мѣняются: *poln* — *dopalnimo*. *dalshan*. Эта мѣна, можетъ быть, обусловлена вліяніемъ Далмаціи, сербской рѣчи: въ изданіяхъ сотрудников Трубера оно слишкомъ ясно. Въ «Новомъ Завѣтѣ» Ю. Далматина *v* = то *e*, то *a*: *vozek*. *pejssek*, но *manshavsami* (6 а. 3 б); *kerszhen*. *skerben*; но *karst*. *karstiti*. *skarben* (4 а. 3 б; 4 а. 3 б). Правда, въ сербскомъ языкѣ русское и словенское *ol*=*u*; но основываясь на выраженіяхъ Стефана Истриянина (сотрудника Трубера): *stlmazhen*. *tlmazhene*. *svlkosche*¹⁾, или еще ранѣе—въ вигодольскомъ законѣ: *влкона*. *влчнит'* и др. при *вукодружит'*²⁾, необходимо допустить въ сѣверной Далмаціи бытованіе чешской или болгарской формы *l* т. е. *sl*, каковая форма легко переходитъ въ *al*, при общемъ стремленіи глухаго звука получить окраску *a*. Ср. черногор. *дан* и серб. *дан*: болгар. *карчма*—*карчма*, *дълбоки*—*далбоки* и т. д.

Изъ формъ *ol*, *ul* легко развились формы *o*, *u*, то съ измѣненіемъ количественности *u*, то безъ него: 1) *sonce*, *sončice* (въ зильской долинѣ «*Kolo*» I. 56 пр. какъ въ русской живой рѣчи), у Стефана Истриянина: *istomazhena*³⁾; 2) а) — *volna*, *voupa* — *vûna*. *tolsto*, *tousto* — *tûsto*. *vûk*. *sûnce*. *mûcat*⁴⁾, б) въ южной Штирии, какъ и на востокѣ у кайкавцевъ, обычная форма просто *u*: *dug*, *se spuniti*⁵⁾.

¹⁾ *Kopitar*, «Grammatik d. krain. Mundart», 439. 446. 447.

²⁾ «Чтенія моск. общ.» 1846. III. строка 34. 35. 47. Это *l* при основномъ *ol*, общемъ въ языкѣ — новая иллюстрація къ нашему взгляду на чешское *l* въ *vlk*.

³⁾ *Kop.* «Gram. 438. 49.

⁴⁾ *Бодуэнъ* «Опытъ фон.» 1^о. 21. Ср. текстъ резьянскаго катехизиса въ изданіи того же автора: *dolhe* = *debita*, но *naschin dushnichien*. р. 4.

⁵⁾ *Valjavec* «Narodne pripovjesti» 5. 7 и др. Для кайкавскаго нар. см. «Szveti Evangeliumi z koterimi и пр.» (Zagreb 1730 г.).

Наконецъ, совершенно одиноко стоитъ форма *lo* въ говорѣ зильской долины: *dlog* или *dljog* (т. е. dl'og) долгій, *dvog* т. е. *dlog* долгъ ¹⁾. Ср. *Colominze* грам. XII ст. (у Zahn'a). Это польское *lo*, *lu* и т. д.

Итакъ, основная форма *ol*, которая, постепенно мѣняясь, доходить до *u*: а съ этой формой мы переходимъ уже въ область сербскаго языка.

Тѣснѣйшимъ образомъ съ словенскимъ языкомъ связано кайкавское нарѣчье, т. е. третье главное нарѣчье сербо-хорватскаго языка. Въ виду невѣрнаго отнесенія его къ сербской вѣтви (ср. выше *z*, *tj*, *dj*), въ виду его высокаго историческаго и литературнаго значенія, я говорю о немъ отдѣльно, но при словенскомъ.

Въ современной рѣчи кайкавца словенскому *ol* отвѣчаетъ *u*: *vuk*, *rin*; изрѣдка *o*: *vok*. Образованіе *u* изъ *ol* мы видѣли въ словенскомъ языкѣ, особенно въ его резьянскомъ нарѣчьи; форма *o* есть такое же упрощеніе формы *ol*, какъ въ русскомъ *сонце*, словенскомъ *sonce*. Обратившись къ памятникамъ стараго языка, мы встрѣтимъ еще форму *ol*, *ou*, *ul*. Эти памятники — латинскія граматы.

волк. *wolcmerij. comes nomine wolchis. wolche. wolcheta. volk. volconoy. wolkan. wolkey. wolkuzlau.* (*Tkalčić*, «Mon. hist. ep. Zagr.» I. 4. 21. 61. 62. 109. 110. 111. 119. 218).

vulkan. vulchi. vulchk. vulchuk. vulchey. vuk. (ib. 26. 67. 126. 236. II. 90).

волна. *fluvium wouna* (ib. 193).

долгъ. *de dolgo. dolga mlaka* (ib. 76. 125).

dulga mlaka (ib. 37).

моле. *in aquam zamolch* (ib. 232).

поле. *episcop. nomine pouk* (ib. 88).

столбъ. *stolpna. stopen* (ib. 119).

stulbicha. ztulbicha (ib. 48. 89. 88).

толь. *ad rivum toutsit* (ib. 15).

¹⁾ «Kolo» I. 55.

холмъ. ad locum qui dicitur *holm* (ib. 19).

hulme. chulme (ib. 7. 8. 9. 10).

Какъ сократительный палеографическій приемъ для изображенія *ul* при *v* впереди, должно считать начертаніе *wl*, рѣдко *vl* = *wlknoy*, *wlkonoy*, *wlk*, *wlkyna*, *wlcheta* (ib. № 83. 84). Реальное значеніе начертанія *wlk* ясно видно изъ грамоты ib. № 126, гдѣ безразлично: *vulch*, *vulchey*, *vulchck*, *vlchyk*, *wlchey*. Въ средневѣковомъ правописаніи части *w* = *vu*; слѣд. *wl* = *vul*. Ср. *predium Vulkodolia* (ib. II. 43), но *wlkodolia* (ib. 46, 80, 117); *volcheta* (ib. I. № 52) и тутъ-же: «*proximi vlchete... scilicet volchetk... volk*». Я счелъ необходимымъ сдѣлать это замѣчаніе, чтобы начертаніе *wl* не читать по чешски = *vl*, хотя и форма чешска *l* (*al*) не невозможна въ виду указаній словенскаго языка и чакавскаго нарѣчія. Можетъ быть, эту форму слѣдуетъ видѣть въ начертаніи *el*: *velcetta*, *welchete* (ib. I. 8. 111).

Отдѣльно форма *o* въ тѣхъ же грамотахъ: *voke*, *vochice* (I. 149). Въ этой формѣ слово *волка* извѣстно и теперь кое-гдѣ у кайкавцевъ, какъ сообщалъ мнѣ г. Кукулевичъ въ Загребѣ.

Въ Истріи кайкавцы граничатъ съ чакавцами (хорватами въ собственномъ смыслѣ); по среднему теченію Савы съ штокавцами (сербамъ въ соб. смыслѣ¹): въ языку этихъ славянъ мы и переходимъ.

8.

Сербо-хорваты — выселенцы изъ при-Карпатъ; по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ историческія воспоминанія, и выселенцы до-

¹) Хорваты, живущіе въ мошонскомъ, шопронскомъ и желѣзномъ комитатахъ въ западной Венгріи суть чакавцы выселенцы XV—XVI в. изъ Хорватіи, которая во времена турецкихъ войнъ была *deserta*. Ср. *Kurelac*. «*Jaške ili ruške rězme*» предисловіе. XVI.

вольно поздняго времени (VII в.): что-же скажетъ языкъ ихъ о русск. сочетаніи *ол*—*лз*, которое, какъ мы видѣли, съ каждымъ шагомъ принимаетъ болѣе и болѣе значеніе обще-славянскаго сочетанія. Если они выселенцы русскаго приварпатья VII вѣка, то существуй форма *ол* у нихъ, она—историческое свидѣтельство о русскомъ языкѣ столь ранняго времени.

Сербъ и хорватъ говоритъ *вук*, *дуг*, *пук*, *пун*, т. е. у него *у* (*и*), гдѣ у русскаго *ол*, краткое или долгое *у*, но чаще долгое. Въ ближайшемъ кайкавскомъ нарѣчій, въ словенскомъ языкѣ, даже въ полабскомъ мы имѣли форму *и* (*vuk*), какъ вариацию формы *ol* (*ol*): естественно предполагать, что и *и* (*и*) въ сербскомъ того же образованія—замѣститель древнѣйшаго *ол*. Но противъ подобной мысли выступаютъ согласно сербскіе слависты: «наше *у* есть вокализованное *l* — *вук* изъ *влк*» — т. е. вокализированный вокаль *l*¹⁾. Уже одно вокализация вокала нѣсколько странна, но обратимся къ исторіи языка.

Самъ Миклошичъ не могъ не замѣтить, что у византийскихъ писателей сербскія слова имѣютъ *ол*, гдѣ нынче *у* («Vergl.

¹⁾ Ср. Ягича «Gramatika hrvatskoga jezika». «Pomladjena vokalizacija» («Rad» IX. Ср. нашъ разборъ «Звукъ *а*» въ «Филолог. Запискахъ» 1870 г. отд. отт. 37 слѣд.). Всѣ труды Даничица по языку основаны на предположеніи вокала *л* въ сербскомъ языкѣ: «Облици српског језика», «Историја облика» (Београд. 1871) и «Основе српског језика» (Београд 1876). Последний трудъ—гигантскій по собранному матеріалу—особенно часто трактуетъ о вокальномъ *л*, хотя непосредственное сопоставленіе сербскихъ словъ съ санскритомъ, помимо промежуточныхъ средъ, могло бы указать знаменитому сербисту на все, по меньшей мѣрѣ, неудобство усвоеннаго имъ сравнительнаго метода. При серб. основѣ *вук*, Дан. указываетъ праоснову *vark* (р. 22). Для чего? чтобы дать основную форму и основное значеніе серб. слова. Но достигается ли цѣль? Между *вук* и *vark* слишкомъ далекое сходство—половина сходная, половина нѣтъ. Чтобы отождествлять серб. и санскр. основы необходимо указать, если нѣтъ, то возстановить посредствующія формы: не желательны справки съ русскимъ языкомъ, посредствующія формы дали-бы старо-сербскій и словенскій языки: *волка*, *воук*, *volk*. Отъ *волк* къ *vark* рукой подать. Сравненіе подобнаго рода—на исторической почвѣ—единственно возможно, и оно въ тоже время освѣтило бы надлежащимъ образомъ серб. основу *вук*, его образованіе и привело-бы къ отрицанію небывалаго вокала *л*, *l*, какъ къ необходимому слѣдствію.

Gr.» I. 303); но это неприятное *ол* онъ легко устраняетъ объясненіемъ, что эти слова попали въ Царьградъ чрезъ «болгарскую среду». Вопросъ сводится въ тому — одни ли византіицы ходатаи предъ современной наукой за непризнаваемое *ол* въ серб. языкѣ? Далеко нѣтъ. Сведемъ же вмѣстѣ всѣ показанія за и противъ, византіицевъ и невизантіицевъ.

болгар. *бульгарскимъ* (Дубр. гр. 1254. *Šafarik* «*Раматки дѣ. писм. јилослов.*» № XVIII.).

волкъ. *βολκᾶνος. volcana. volcinna* (XI—XII в.) Ср. *Kukuljev.* «*Codex dipl.*» I р. 137. *βουλκῶλαχα.*

Волькасъ. Волькевичъ. Вольчичъ (Дубровн. гр. 1253. *Šaf.* «*Рам. дѣ. писм.*» № XVI). *вок* (въ Хорватіи).

volcano. vulcinna (*Kuk. Cod. I.* 142. 215). *вулка* (Александрейда Лобк. *Jagić* «*Starine*» 220).

Влчевичъ (Дубр. гр. *Mikl. Mon.* № 228). *Влѣка* (ib. № 271).

vilcodrug. velcano. vellchiza (*Kuk. I.* 142. 160).

влкона. влчмитъ. влчина (Вин. з. 34. 35. 40. 44).

ввокуи. ввочиникъ (Моп. № 224).

вукодружитъ (Винод. з. 47) и др. памяти.

волна. волнь (Псалт. Църновеиця 1494 г. пс. 66).

волхвъ. вулхва (Алекс. *Jag.* 220).

долгъ. дель. делжвнь (Моп. № 64). *делькъ* (Майковъ «*Исторія серб. языка*» 393).

доуи. недоужниѣ («*Нов. Зав.*» Хвала 1404 г. «*Star.*» III. 48).

двожанъ. двога. двогомъ (Моп. № 85).

дужан (Вин. з. 380). *двѣ* (Моп. № 186).

полн. *дѣла* (анш. 892. ст. серб. *кльпа*, теперъ *Кула, Кура*, рѣка въ Боснѣ). Ср. рус. *Колтино*.

полкъ. *рик* (*Život Kater.* XIV вѣка. загр. ав н. 5 b).

полн. «*да имъ ѣсть наполни*» (Моп. № 83). *испълнаите се* (апост. XII в. «*Rad.*» II. 11.)

нипълнивъ се (Алекс. Лобк. *Jag.* 236).

въ *пльни дръжавѣ* (Моп. № 227. 228. 245). въ

испльнене (ib. № 246, 256, 270, 347) *пльно* (ib. № 264, 274).
«да исповнъ бравъ мой» (рук. 1520 г. въ загреб.
ав. наукъ f. 106).

напъни (Вин. з. 11, 126 и др.). *hudob rini* (Život. Kater. 2 b). *пъни* (Мон. № 300, 313).

наплънъ (Вин. з. 302), *напельно* (Майковъ р. 393).
солнце. свьлице (Алекс. Лобк. Jag. 227).

слоунце (еванг. до 1200. Срезн. «Свѣдѣнія» II.
32 два раза). *кروطъ слоунцоу* (лѣт. 1501 г. Šafař. Рат. 65).

сьлицемъ (Пс. Църн. 1495 г. пс. 139). Въ кири-
ловскихъ изданіяхъ Ю. Далматина правописаніе *слнце* общее
явленіе (см. «Посланія апост.» 1563 года).

столбъ. столпов. Konst. P.

стлѡбѡи = stlupī¹⁾.

на стьбѡице (Мон. № 186).

холмъ. zacholmie (Kukul. I. 109 два раза).

chulmi (X в.). *chulmorim. zachulmie* (Kukul.
I. 105, 110).

хлѡбр. хлѡбѡс. Konst. P.

хельмско. хельмски (Дубр. гр. 1254. Šaf. № 18).

хомскоу. хомьске (Мон. № 89, 205).

хвмскомъ хвмьсьемъ (ib. № 85).

Итакъ, въ старыхъ памятникахъ языка на мѣстѣ нынѣшн.
у (*u*) мы имѣемъ слѣд. формы: *ол* (*ol*), *оул* (*ul, ul*), *лу* (*lou*)

¹⁾ Шафарикъ въ своемъ богатомъ собраніи сербскихъ словъ изъ ино-
странныхъ и славянскихъ писателей, главн. обр., съ X по XII в., которыми
онъ уже отчасти воспользовался въ своемъ классическомъ трудѣ «Serbische
Leseköcher», и которымъ пользуемся и мы, всегда съ благоговѣніемъ къ па-
мяти великаго слависта (это собраніе въ «Geschichte der Südslavischen Li-
teratur» III, p. 110 — 165; если не указанъ источникъ у насъ — знакъ, что
изъ Шаф собранія) приводитъ даже изъ Плинія: *stulpirini*. √ *столб* (p. 145).
Замѣчательно, что Шафарикъ былъ противъ *ол*, за «вокаль» *л*: «*βολκάνος* чи-
тай *olkán*» говоритъ онъ (ib. 154). Чешскій языкъ носился предъ его глазами,
и Шафарикъ не видѣлъ, что такъ ясно само по себѣ.

il, *ель* (*el*), *ль*, *л*, *о*, *во*, *у* (*ou*, *в*, *и*). За исключеніемъ одной, всѣ остальные формы намъ знакомы; эта одна — *во*.

Имѣя въ виду тѣ данныя, къ которымъ мы пришли изъ разсмотрѣнія формъ русск. сочетанія *ол* — *лз* въ исторіи словенскаго языка, чешскаго и другихъ, не трудно опредѣлить взаимное отношеніе формъ того же сочетанія, предлагаемыхъ памятниками сербскаго языка.

Если формы сербскаго языка знакомы намъ изъ другихъ слав. нарѣчій, то послѣдній выводъ, полученный нами изъ разсмотрѣнія соответствующихъ формъ въ этихъ послѣднихъ, не можетъ не быть примененъ и къ сербскому языку. Этотъ послѣдній выводъ — основная форма *ол*, т. е. рус. *ол* — *лз*, откуда развиваются формы: *ul*, *lu*, *el* и т. наз. «вокальная» форма *l*, точнѣе *al*. Въ словенскомъ языкѣ и теперь общая форма *ол*; путемъ измѣненія *l* она, чрезъ рядъ промежуточныхъ формъ, дала *и* въ резьянскомъ говорѣ, въ кайкавскомъ нарѣчій; путемъ затемненія *о* — форму *al* въ нѣкоторыхъ памятникахъ старины. Тѣ же формы *и*, *al* при прастаромъ *ол* (по крайней мѣрѣ, она въ памятникахъ лишь X — XI столѣтій) предлагаетъ и ближайшій сосѣдь словенца и кайкавца — сербо-хорватъ: можемъ ли мы иначе объяснить происхожденіе серб. *у*, *ал*, понимать ихъ значеніе, чѣмъ какъ это указываетъ намъ исторія языковъ-сосѣдей — словенскаго и кайкавскаго? Обратимся къ чешскому языку.

Онъ знаетъ формы *l*, т. е. *al*, *lu*, *el*, какъ варіаціи основной *ол*; но и память объ этой основной формѣ *ол* не исчезла безслѣдно въ языкѣ, какъ это мы видѣли въ древнѣйшихъ памятникахъ языка. Вполнѣ аналогическое явленіе предлагаетъ намъ исторія сербскаго языка: только въ свидѣтельствахъ X — XI в. мы имѣемъ форму *ол*; ближе къ намъ — *ал* (*il*, *el*, *el*), *lu*, *у* (*и*). При естественномъ совмѣстномъ бытованіи многихъ формъ (Винод. законъ то *ал*, то *ou*), только путемъ долгаго шатанья водворилась наконецъ въ языкѣ одна форма — форма *у* (*и*), и сдѣлалась представительницей сербскаго языка, хотя мѣстами доселѣ память объ *ол*: *volna*, *volk* въ Хорватіи; *кобасица*, *присоје* (осн. *солм*) въ Сербіи. Форма «вокальная», т. е. тожде-

ственная чеш. *l*, менѣе всего привилась къ языку: она нѣ совѣршенно неизвѣстна въ современномъ языкѣ, если не считать чакав. форму *velna* тождественной чешской *vlna*.

Ходъ образованія серб. формъ сочетанія *ол* былъ слѣдующій.

Изъ старѣйшей формы *ол* развилась форма *ул* путемъ извѣстнаго перехода *о* въ *у*: *cholm—chulm*. Мы упоминали выше, что *л* (*l*), какъ звукъ трудно произносимый, славянскій по преимуществу, легко переходитъ въ *у* или *в*, даже *о* (*бѣл* = *бео*); онъ сохранился у славянъ основной половины — у русскихъ, поляковъ, отчасти лужичанъ, у славянъ юга пропалъ почти безслѣдно. Въ виду этой природы звука *l*, не трудно видѣть, по какому пути должна была пойти форма *ол* или *ул* въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и могла-ли хоть одна изъ этихъ формъ остаться безъ измѣненія. Но кромѣ того *l* иногда просто устраняется, какъ показываетъ русск. *сонце*. Такимъ образомъ *ол* дало послѣдовательно формы: *оу*, *оо*, *о*; *вл*: *уу—уо*, *у*: *волк—воук*, *воок*, *вок*; *вулк—вуук*, *вуок*, *вук*. Мы получили так. обр. и ту единичную форму—*уо*, которая доселѣ изъ исторіи разсмотрѣнныхъ славянскихъ нарѣчій была намъ неизвѣстна. Двойное *у*, *о* даетъ \bar{y} , \bar{o} , отсюда большинство словъ имѣють \bar{y} . Для \bar{o} я примѣра не знаю: *кобасица*, *присоје*, *осоје* съ *о* краткимъ. Въ резьянскомъ нарѣчій мы во-очію видимъ процессъ образованія формы *у* изъ *ол*, имѣвшій мѣсто и въ исторіи сербскаго языка: тамъ то *ол*, то *ул*, то *оу*, то *уо*, то просто \bar{u} , *о*. Форма глухая — *гл*, *л*, *ел*, *ел*, *ил* ясна изъ словенскаго языка, изъ чешскаго. Форму *ел*, *ел* я отождествляю съ чешской *l*, старой *il*, *yl*, хотя ее также можно понимать и какъ дальнѣйшее развитіе *гл*, въ виду того, что глухой звукъ окрашивается и въ *е*; это мы видимъ въ словенскомъ, болгарскомъ языкахъ: *perst* и *prst*; *келнем* и *кълнем*. Нѣсколько особнякомъ стоитъ форма *лоу* (*слоунце*), если только она дѣйствительно фактъ сербскаго языка—въ виду ея рѣдкости въ памятникахъ сербской кириллицы, гдѣ она можетъ пониматься какъ условное соглашеніе выговора сербскаго писца—*оул* и правописанія школы—*лз*, или вліяніе болгарскаго языка. Съ точки зрѣнія общеславянской она объясняется также, какъ чешская

lou, lu въ *dlouhý* при старой основѣ *dolh (g)*, *mluva* при польскомъ *molwa*. Я лично склонился бы въ пользу перваго объясненія.

Еще нѣсколько словъ о правописаніи ль кирилловскихъ памятниковъ. Оно — общее правило, и его понимаютъ, какъ книжный, традиціонный приѣмъ для выраженія т. наз. вокальнаго л. Но возьмемъ *минею* XIII в. въ бѣлградскомъ музеѣ; въ ней мы находимъ: *м'лвни. в'льх'вомь*. Въ связи съ общимъ употребленіемъ надбуквенныхъ знаковъ въ этой рукописи (подробное описаніе минеи см въ моемъ «III отчетъ» р. 72 — 85, особ. 80), гдѣ кавыка или точка означаетъ пропускъ *v* или *ь*, и въ виду бытованія формъ *ol, loy*, начертанія, какъ *м'лвни, в'льх'вомь*, считаю возможнымъ читать: *молни, волховомь*, откуда ясный переходъ къ *муни, вухв*. Подтвержденіе нашего чтенія я нахожу въ кирилловскихъ грамотахъ Дубровника. Въ грамотѣ 1253 г. (*Šaf. «Рам.» № 16*) читается: *Волькась*, но въ грамотѣ слѣдующаго года имя того же лица изображено: *Влькась* (ib. № 17), слѣд. ль=ол. Ср. никол. еванг. *д'льжань* (f. 25 a).

Итакъ, въ виду указаній памятниковъ стараго языка, въ виду давленія славянскихъ нарѣчій въ цѣлой ихъ совокупности, насколько они уже разсмотрѣны, особенно ближайшаго къ сербскому словенскаго языка, я не могу говорить о «новалѣ» л въ сербскомъ языкѣ на мѣстѣ русск. сочетанія ол—лз: нынѣшн. у есть лучший свидѣтель о нѣкогдашнемъ бытованіи и въ сербскомъ языкѣ формы ол, въ значеніи основной. Можно-ли говорить о «болгарской» средѣ? Отвѣтъ ясенъ.

9.

На в. отъ Паноніи лежала Дакія, теперь мадьяро-румынская, но нѣкогда, особенно восточная ея часть, по истинѣ *vagina gentium slavicarum*, что вышли позже на Балканъ¹⁾. Сѣверная

¹⁾ Ср. *Дринова* «О заселеніи балканскаго полуострова» («Чтенія моск. общ.» 1873 г.). *Jirečka* «*Dějiny národa bulharského*» (Praha 1876) р. 65.

часть Давіи заселена русскими, которые въ старину жили много дальше на югъ въ равнину, отъ своихъ нынѣшнихъ жилищъ въ неплодороднымъ отрогахъ Карпатъ (см. тр. «отчетъ» 46); сѣверъ Трансильваніи принадлежалъ, вѣроятно, также русскимъ (ср. мою «Записку о пут. по сл. зем.» 31 пр.). Но не всѣ славяне могли покинуть Давію; часть ихъ осталась и оставалась долго: только въ наши дни путемъ постепенной румынизации они исчезли въ Трансильваніи, но не безслѣдно. Дольше всего держались славяне въ четырехъ селахъ у Германштадта: Reussdörfl, Bongard, Cseregöd большой и малый (nagy, kis). Еще въ началѣ нашего вѣка здѣсь говорили по-славянски, и только позже населеніе ихъ орумынилось. Эти умирающіе славяне были протестанты, и одному изъ ихъ пасторовъ мы обязаны свѣдѣніями оъ ихъ интересномъ языкѣ.

Извѣстный въ свое время венгерскій историкъ, абать Іосифъ Едеръ († 1811) поручилъ въ 1803 году пастору малочергедскому, Николаю Матіашу, записать нѣсколько молитвъ на языкѣ его прихожанъ, и рукопись пастора Матіаша, хранящаяся нынѣ въ Национальномъ музеѣ въ Пештѣ, гдѣ намъ удалось открыть ее среди рукописей «русскаго» отдѣленія, есть старѣйшій памятникъ языка славянъ упомянутыхъ 4 селъ¹⁾. Второй (и послѣдній) памятникъ того-же языка, болѣе богатый содержаніемъ, но по рукописи нѣсколько позднѣйшей, 1830 г., когда послѣдніе старики успѣли уже унести съ собой въ могилу послѣдніе звуки даво-славянской рѣчи²⁾, изданъ Миклошичемъ³⁾.

¹⁾ Рукопись пештская въ отдѣлѣ «manuscripta russica quart. № 1. Она описана въ «III отчетъ» р. 48—52. Всего 11 статей. Теперь я ее приготавливаю къ печати.

²⁾ Едеръ, знавшій хорошо этнографическія отношенія Трансильваніи (см. его біографію въ «Oesterreichische National-Encyclopädie» 1835. II 16), на рукописи пастора Матіаша сдѣлалъ пророческую замѣтку: «sensim in valachos abeunt (славяне 4 селъ, у Едера rutheni) ita, ut post aliquot annos vix ullum apud eos linguae pristinae superfuturum esse vestigium videatur», и слова Едера оправдала жизнь.

³⁾ Въ мемуарахъ вѣнской академіи наукъ «Denkschriften» 1856 VII: «Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen», 41 статья. Языкъ этихъ сла-

Языкъ дако-славянъ начала нынѣшняго столѣтiя въ словахъ рус. сочетанiя *ол—лз* имѣлъ двойную форму—*al* и *la*:

долг. *dalgo* (М. I. XXXII. XXXV). «*ffme dalsni*» (XL).

полн. *na palnis* (пешт. рув. р. 4. 12). *napalni*,—*nil*,—*nile*. *ispalna* (М. I 18, 23. I 20. I 22. I 19).

солнце. *zlantzto* (М. XXXIV).

Какого происхожденiя форма *al*? Можетъ быть дано двойное объясненiе: или *al* есть извѣстная намъ глава. обр. изъ полабско-прибалтiйскаго языка простая выговорная замѣна формы *ol*, или же есть глухая форма *al*, но усиленной вокализации. Въ виду аналогическихъ указанiй ближайшихъ къ дакославянскому сербскаго и болгарскаго языковъ я склоняюсь ко второму объясненiю.

Въ словенскомъ рѣдко, въ сербскомъ постоянно глухой звукъ обращается въ *a*, какого бы происхожденiя онъ ни былъ: черногор. *дан* = *дан*. Въ старосербскомъ: *valastelin* (*Kukul.* «Codex» I. 141). *валающимъ*, *валающе*. *аврамаль* (Нов. Зав. Хвала 1404 «Star.» III. 34). *tempal*, *trubagl*, *rechal* (*Život Kater.* I a. b. III a.). *молабникъ* (подпись Саввы, въ переп. XIV в. фотогр. Учен. друштва въ Бѣлгр. № 100) и др. Восточно-сербскому *кврст*, *кврв* отвѣчаетъ далмат. *karst*, *karv*.

Еще свободнѣе этотъ переходъ *z* въ *a* въ болгарскомъ: основа *юлѣб* = въ болгарск. *гълѣб* (*Безсонова* «Пѣсни» I. 262), *галаб* (*Верковић* «Пѣснѣ» 160); осн. *млѣб* = *млѣбки*, *далбоки*, но — *море далбоко* (*Верк.* 238, 239), *море длабоко* (*Миладиновци* 438, 476, 480); *дрѣво*, *дрѣво*—*драво* (*ib.* 146, 115); *врт*, *хврти*—*хартми* (*ib.* 67) и т. д. См. ниже.

внѣ М. назвалъ болгарскимъ — посредствующимъ звѣномъ между нынѣшнимъ болгарскимъ и старословенскимъ. Но въ настоящее время онъ отказался отъ этой мысли и славянъ i селъ считаетъ послѣдними остатками славянъ, вѣкогдашнихъ сплошныхъ обитателей Дакiи («Formenlehre in Paradigmen», предисл. XXV). Въ виду историческихъ указанiй, географической номенклатуры Трансильванiи и особенностей языка (юсы), и я присоединяюсь къ послѣднему мнѣнiю вiенскаго академика.

Принимая во вниманіе, что дакославянскій языкъ предлагаетъ аналогическія формы сербо-болгарскимъ: *karf, karst, sarba, sartze, narof* = серб. *нарав*, осн. *прав*, *kalnam* — осн. *кд*, справедливѣе всего форму *al* понимать, какъ усиленіе *al: paln* изъ *paln*. Если же вспомнимъ, что румынскій языкъ своею славянскою частью обязанъ не на послѣднемъ мѣстѣ дакословянскому, то румынизованныя славянскія слова: *валѣ, вврколак, палст, стамл*, представляютъ намъ дакославянскій языкъ еще съ формой *al* вм. позднѣйшей или, по крайней мѣрѣ, при формѣ *al*: одновременное совмѣстное бытованіе возможно. Что же касается образованія формы *al*, то какъ показываютъ чешскій, словенскій и сербскій языки она есть затемненная форма *ol, ol*¹⁾. Вспомнимъ болг. *валѣ* изъ *валѣ*.

Остается форма *la*. Ея значеніе ясно изъ болгарскаго языка: *длѣбоки* даетъ *длабоки*; *длѣжзи*—*длажзи* (*Верковић* 290, ср. *Микл.* «Лех.» *планз* s. v. *планз*); т. е. *ла* такъ же развилась изъ *лѣ*, какъ *ал* изъ *ал* (ср. санскр. осн. *darç* — *draṣṭum* вм. *darṣ-tum*). Форма же *лз* въ свою очередь есть болѣе рѣдкая вариация *ал*: *длѣбоки* = *длѣбоки*, *слнцѣ* = *слнцѣ* (*Безсоновъ* «Пѣсни» II. р. 9. 5.). Мой другъ, пр. М. С. Дриновъ (изъ Панагюрища) говорилъ мнѣ, что болгаре обыкновенно смѣются надъ произношеніемъ *лз*—*слнцѣ*, хотя есть цѣлыя села—оазисами (въ сѣв. зап. Фракіи), гдѣ почти исключительно говорятъ *лѣ*. Поэтому для дако-слав. *zlantzto* я предполагаю основную форму **sláncso*, а первоосновную *solncso* (*e*), какъ болгар. *длажзи* предполагаетъ болѣе старыя формы: *длѣжзи*, *длѣжзи*, *дожзи*.

¹⁾ Было упомянуто уже выше, что мадьярскій языкъ въ своихъ славянскихъ словахъ сохранилъ форму *ol* — *лѣ*, чѣмъ отдѣляется онъ отъ румынскаго: *волѣв*—*volts*, *колдулѣ*—*koldus* (ниціи), *koldulok* (нищенствовать), *холстѣ*—*duolts*, *челнѣ*—*tsolnak* (ср. *кормилѣ*—*kormány*, *корчма* *kortsoma*) и др.— беру изъ книги *Gyarmathi* «Affinitas и пр.», весьма замѣчательнаго труда для своего времени—конецъ прошлаго столѣтія. Если слова эти вошли въ мадьярскій языкъ въ Паноніи, то ихъ вокализация, тождественная кайнаво-словенской, проливаетъ свѣтъ на старо-словенскую форму *лѣ*; но, можетъ быть, нѣкоторая часть этихъ словъ есть память о былыхъ сношеніяхъ мадьяръ съ славянами въ Дакіи.

Если формы *al*, *la* суть вариации *ol*, послѣдняя форма имѣеть значеніе основной и для языка дакославянъ.

10.

Еще не рассмотрѣнь послѣдній изъ живныхъ языковъ славянскихъ, ближайшій сосѣдъ дакославянскаго — *болгарскій*.

Обыкновенно въ болгарскомъ языкѣ различаютъ два нарѣчія: восточное и югозападное¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, ихъ больше: но съ точки зрѣнія разсматриваемаго нами сочетанія *ol—lz*, дѣйствительно, въ области болгарскаго языка выдѣляются два типа: одинъ на востокѣ—*глухой* вокализациі, съ его формами *zl*, рѣже *lz*; другой на югозападѣ, вокализациі *звучной* — при формахъ *ol*, *ʹl*, *al*, *la* весьма часто формы *ol*, *ul* и даже *lo*, *lu*.

Мы только что упоминали о формахъ *zl*, *lz—ʹz lz*, *ʹlʹk*: первая—обычная, вторая—болѣе рѣдкая, хотя въ устахъ одного и того же пѣвца или пѣвицы онѣ мѣшаются. Можно прибавить только, что форма съ глухимъ *z* послѣ плавнаго вообще не частая; но, какъ сообщалъ мнѣ пр. Дриновъ, есть цѣлыя села, гдѣ она предпочтительно, если не исключительно употребляется. Соберемъ здѣсь изъ памятниковъ народнаго языка примѣры болѣе рѣдкихъ формъ:

болгар. *болмарскъ-та* (Безс. II 115).

бумарки (Верк. 282). *бумари* (Безс. II 116).

волкъ. *волка*. *волкз*. «ягне волку, волкъ менѣ кожа». (Мил. № 268, 446, 663). *Волкан* (имя собст. въ указателѣ у Милад.).

взлко (Безс. I. 39, 218).

валкан (Дриновъ «Период. спис.» XI. 9).

вуйче (Безс. I. 40).

вѣлна. *вѣлма* (Дозон «Вѣлг. пѣсни». р. 414).

¹⁾ *Безсоновъ* «Болгарскія пѣсни» I. предисл. р. 6. Ссылаюсь на многоглагольваго Безсонова, за неимѣніемъ другихъ пособій.

осн. долг. *домусане* терлицы (*Верк.* 137).

длуга, *длуи* те пѣрсти (*ib.* 299).

«спромаси много *длажни* (*ib.* 290).

золва(?) *золва* (*Мил.* 259, 558, 567).

молз. «*измолзеха* сиво стадо». *измолзейте*. *кравн молдзеше* (*Милад.* № 208, 258 и др.).

мвлзници (*ib.* № 465).

молк. «*молчи*, *молчи*, Янудо» (*Верк.* 27. 328, 357).

мвлчи (*ib.* 50. 100. 220 и др.).

полн. *полни* пушки. *наполна* та. «*бише полно турци*». *са полнили*. *пополниха*. *полна* невенъ; *кочія*, *вода*. *си наполнила* (*Верк.* 60. 102. 73. 191. 206. 223. 276. 286. 258. 315 два раза). *наполните*. *наполнѣе*. *наполни*. *наполноль*. *полна*,—*ни*. *наполнаха*. *исполна* и др. (*Милад.* № 15. 45, 255, 257. 50. 60 101, 184, 511. 360, 387, 405. 168. 220).

се испунило (*Верк.* 306).

пълен. *пълнж* (*Дозоп.* словарь).

солн. *сонце* (*Верк.* 310. 323 два раза. *Милад.* № 131. 232 и др.).

сунце (*Верк.* 361).

слонце (*Мил.* № 171. 275. 298. 385. 387. 573).

Къ этимъ словамъ сочетанія *ол—лз*, для полноты, можно отнести основу *желт*, т. е., изъ сочетанія *ел—лз*, при извѣстномъ переходѣ, подъ вліяніемъ шипящаго консонанта впереди и ударенія, *е* въ *о*—случай, извѣстный намъ и изъ жизни русскаго, и другихъ слав. языковъ: напр. *жолти* свеѣе. *жолте* сѣрвеѣе (*Верк.* 335. 279). *жолта* дуня. *жолти* дукати. *жолти* флорини (*Милад.* № 174. 341. 440). *пченици ожолтели* (*ib.* № 237), при *желти*, *желтици* (*Безс.* I 59. II 76 и др.).

Примѣры формы *ол* показываютъ, что употребленіе ея въ языкѣ ограничено: она относительно въ немногихъ словахъ и притомъ, какъ форма обычная, ходячая, извѣстна, на-сколько намъ доступенъ болгарскій языкъ, въ трехъ, четырехъ основахъ: *волк*, *молз*, *молк*, *полн*. Въ виду этого положенія формы

ол = рус. *ол* — *лз* въ языкѣ, я не считаю себя въ правѣ видѣть въ ней явленіе, необходимо тождественное напр. съ словенской формой *ol* (*ou*) на мѣстѣ рус. соч. *ол* — *лз*, видѣть въ ней моментъ, связующій болгарскую вокализацию плавнаго сочетанія *лз* непосредственно съ вокализацией русской, или доселѣ общеславянской. Эта осторожность тѣмъ необходимѣе, что болгарскій вокализмъ предлагаетъ явленіе, которое, будучи приложено къ опредѣленію значенія формы *ол* въ болгарскихъ словахъ, какъ *волк*, прямо говоритъ противъ всякой попытки къ отождествленію болгар. *волк* и русс. *волкъ*, какъ фактовъ двухъ различныхъ порядковъ. Я разумѣю здѣсь вокализацию *глухаго звука до чистою о*, при *л*, *р*, и безусловно, которая можетъ дать глухому сочетанію *лз* форму *ол* и такъ путемъ отождествить первоначально глухое сочетаніе съ русскимъ сочетаніемъ *ол* — *лз*. Другими словами; тождество сочетанія *ол* въ болгарскомъ словѣ *волк* и русскомъ *волкъ* можетъ быть понято, какъ случайное совпаденіе двухъ различныхъ явленій. Такъ мы имѣемъ: основа *лзг*, но *прелога* (Дриновъ, пѣсни изъ Дебря «Период. Спис.» XI р. 160); осн. *пекл* — *некол* (Милад. № 45); осн. *лѣб* — *лбок*, *глобина* (ib. № 142 р. 205. № 396. 583); осн. *клл* — *колнеше*. *поколнн*. *поколнавш*. *се колнам* (Верк. 245. 298. 359. 360 и др.); осн. *слез* — *солзе* (ib. 306. 342. 354 и др.); осн. *грок* — *горк* (въ Македоніи, отъ Дринова). осн. *храбр*. *добр* — *храбор*. *добор* (масса прим. у Верковича Дринова) ¹⁾.

Если, что несомнѣнно, въ этихъ словахъ *о* развилась изъ *з*, сочетанія *ол*, *ор* изъ *лз*, *зр*, то почему же формѣ *ол* въ основахъ *волк*, *молз*, *полн*, *сонц* не предпослать древнѣйшей формы съ глухимъ вокаломъ — *лз*? Предположеніе весьма естественное.

Итакъ, какъ понять *о* предъ *л* въ основахъ *волк*, *молз*, *полн* современнаго болгарскаго языка въ Македоніи: память ли

¹⁾ Дриновъ говоритъ, что въ Дебри *ж* = *о*, какъ въ словенскомъ, *рѣжа* = *рока* («Период. Спис.» XI 161); но по мнѣ, и здѣсь *рока* просто изъ *рѣка* (при *рана*) — т. е. фактъ, не имѣющій ничего общаго съ вокализмомъ словенскимъ.

въ немъ о формѣ *ол*, доселѣ общеславянской, для сочетанія *лз*, или это *о* есть фактъ болѣе новой вокализациі языка — усиленное *з*? Для уясненія этого вопроса обратимся прежде всего къ старому языку.

Мы видѣли выше, что уже Миклошичъ въ формѣ *ол* — *лз* въ сербскихъ словахъ, что попадаются у византійцевъ X и слѣд. вѣковъ, видятъ форму староболгарскаго языка.

При извѣстной монотонности въ изображеніи словъ рус. сочетаній *ол* и *ло* — *лз* въ старословенскихъ памятникахъ болгарской редакціи и въ памятникахъ болгарскихъ, унаслѣдовавшихъ приемы старой школы, когда всецѣло господствовало начертаніе *лз* или *лъ*, очевидно искусственное, какъ показываетъ и мѣна его съ начертаніемъ одного *л*¹⁾ — свидѣтельство о бытованіи въ языкѣ съ древнѣйшей поры глухой формы *лз*, современной представительницы рус. сочетанія *ол* — *лз*, подкрѣпляемое общимъ ходомъ исторіи болгарскаго вокализма, который развивался въ направленіи отъ звучнаго вокала къ глухому (см. ниже), — не легко опредѣлить, какъ читалъ старій болгаринъ свое *лз* (всегда ли *лз*, *лз*), какъ онъ называлъ самого себя. Не легко также сказать — въ виду какихъ положительныхъ данныхъ Миклошичъ говоритъ о «посредствующей болгарской средѣ» при опредѣленіи сербской формы сочетанія *ол* — *лз* въ сербскихъ словахъ у византійцевъ: *βολχάρος* и др.

Но при внимательномъ чтеніи рукописей болгарской редакціи мы найдемъ указанія, что языкъ зналъ сочетанія *ол*, *зл* при *лз*, *лъ*, *л*, что такъ какъ въ одномъ и томъ же памятникѣ мы можемъ встрѣтить разомъ нѣсколько начертаній: *ол*, *зл*, *лз*, *л*, которыя взаимно мѣняются, — то, по аналогіи съ сербскими грамотами, которыя писали то *волькась*, то *влькась*, можно полагать, что форма *лз* рукописей покрывала собой иногда сочетаніе *ол* живаго болгарскаго языка.

Соберемъ пока примѣры формъ *ол*, *зл* (*ъл*), въ порядкѣ рукописей.

¹⁾ Ср. напр. свѣтч. апостола въ моемъ трет. «отчетѣ».

Въ октоихѣ XII — XIII в., по изданію арх. Амфилохія (М. 1874, отнесенъ издателемъ къ XI в., но основанія слабы): *вълнами. вълнож. долготръпе* (р. 12. 25. 25). Въ миней XIII в. изъ собр. Григоровича: *лоучами свѣтоволными* (№ 32 въ библиот. Новор. унив. 73 б). слово *жпво с'мчно* (втор. миней XIII в. № 33 f. 25 б). Въ сказаніи Іоанна Богослова, XIV в.: и видихъ книги... *тъльща ихъ. а долмота ихъ* (Срезневскій «Пам. юс. письма» 406). Въ дечанскомъ сборникѣ XIV в.: *исполнѣат. солнце. «солнце прѣложитса въ тѣмж и лѣна въ кровь.»* (Срезн. «Отчетъ о XV присужденіи наградъ гр. Уварова» Спб. 1874, р. 265. 278). Въ евангеліи XV в. *толкованія* (Востоковъ «Опис. рук. Рум. музея» № СХХII) Въ грамотахъ Венелина: *вълка. вълкулъ. мълчана* (въ памятникахъ букарештскихъ. «Дакослав. грамоты» р. 342. 346). Въ рук. изъ собр. Григоровича, XVII в., въ библиот. Новор. унив.: «творехъ колибы *полозіа*» (№ 64 f. 124 б). Въ рук. № 65 того же собранія (XVII в.): «тагѠ *пов'ни* нимаго на оумотси» (4 а). *сть'ллове. оставиха сть'лбы. сть'мъз* (123а. 228б. 247 б). *ист'лъкъвале* (126 а).

Наконецъ, вспомнимъ, что и правописаніе старословенскихъ рукописей панонской редакціи *лз, ль* не уничтожаютъ возможности понимать его звуковое значеніе, какъ = рус. сочетанію *ол*: 1) если старословенскій языкъ имѣетъ близкое (а это болѣе чѣмъ вѣроятно) отношеніе къ языку нынѣшнихъ словенцевъ и кайкавцевъ; 2) если въ параллель правописанію напр. слова *блзванз* памятники предлагаютъ и правописаніе *балзванз* (т. е. варіація *болванз*); если описки, какъ исп'лзми супрасл. рук., при извѣстномъ равенствѣ: ' = з (ь), а з (ь) въ свою очередь = о (ср. кровь клицевой глаголиты), не безъ значенія. Ср. инослав. основу *скорп* въ памятникахъ старословенскихъ *скрпни*; но объ этомъ ниже. Относительно слова *блгарин* можно еще замѣтить, что такъ какъ оно не мѣстнаго, славянскаго начала, а занесено изъ-за Волги на Балканъ, то естественно заключать, что исконные сосѣди волжскихъ болгаръ, русскіе, могли точнѣе сохранить въ языкѣ своемъ выговоръ имени своего сосѣда, чѣмъ современ-

ные болгаре, съ своимъ языкомъ *а*—характера; а съ русскими согласуются и арабы X—XI столѣтій (ср. *Котляревскаго* «О погребальныхъ обычаяхъ» 09).

Если начертаніе *зл*, *ьл* мѣняется съ *ол* (*оль*) уже въ древнѣйшихъ памятникахъ языка, то это показываетъ, что мы вправѣ эту формулу рукописей — *зл*, *ьл* понимать, не только какъ точное воспроизведеніе глухого выговора рус. сочетанія *ол*—*лъ*, но и какъ прикрывающую собою форму *ол* живой рѣчи, тѣмъ болѣе, что чѣмъ старѣе рукопись, тѣмъ чаще взаимная мѣна *о* и *з*.

Так. обр., старый языкъ не оставляетъ насъ безъ формы *ол* въ словахъ русской семьи *волкъ*.

Но опять вопросъ—каково это *о* предъ *л*: этимологическое или *о* подъема евфонического? Правда, вокализация *а* до *о* (*колнем*, *горк* и т. д.) идетъ не съ вчерашняго дня. Уже въ минеѣ XIII в. (№ 32 библ. Новор. унив.): *храборьскы* (f. 74 а. 142b. 149b. и др.); въ другой минеи того же вѣка: *храбор'ство* (№ 33 тамъ-же f. 35 а); слѣдов. и появленіе *о* въ сочетаніи *ол* рукописей можно объяснять тою же болѣе новой вокализацией. Но бытованіе сочетанія *ол* въ древнѣйшихъ памятникахъ и въ консервативныхъ нарѣчіяхъ Македоніи; соображенія палеографическія и историческія; наконецъ, давленіе всей массы слав. языковъ съ ихъ *ол*, какъ основной формой на мѣстѣ старослов. сочетанія *лъ* — *ол*, — все это позволяетъ полагать, что какъ въ основахъ современнаго болгар. языка формы *ол* (*волкъ*, *полн*) въ нарѣчій македонскомъ, такъ и въ словахъ той же формы въ памятникахъ старины, мы имѣемъ дѣло съ палеонтологическими остатками той глубокой старины, того фазиса болгарскаго языка, когда его вокализация русскаго сочетанія *ол*—*лъ* была тождественна русской.

Если даже допустить, что форма *ол* въ словахъ семьи *волкъ* есть фактъ болѣе новой фазы жизни языка, что глухая форма *ьл* первичнѣе, то и тогда эта послѣдняя форма, въ виду аналогіи всей массы славянскихъ языковъ, можетъ быть понятна только какъ болѣе позднее измѣненіе формы *ол*, затемненіе ея. Выводъ формы *ьл* отъ *ол* оправдывается и общимъ историческимъ ходомъ болгарскаго вокализма — переводить всякій чистый

звукъ въ глухой. Измѣненіе напр. формы *глава* на *главз* имѣетъ позади себя уже рядъ вѣковъ. Въ погодинской псалтыри буква ж выражаетъ одинаково звуки *з*, *о*, *ы*. Въ слѣпченскомъ апостолѣ XII в.: *скжидльника. скжидельни* (f. 19. a. 57 b. 80 a). Въ грамотѣ Асѣня (1259—78): *дльбицк. льбока*. Въ берлин. сборникѣ XIII в.: *лжса. ѡнжжжж*. Въ синаеварѣ 1330 г.: *множжи. држжвѣ. пазька гатьскааго—при князы ютьстьмь. ски—то есть, а, о=з*. Въ троянской притчѣ XIV в.: *възз брижеида гостождж*¹⁾. Въ сборникѣ XVI в. въ библ. Новорос. унив.: *изльбини. оу дльбока. оу дльбина. мька. кьца.. смрьдъ = смрадъ* (подъ № 63. 48 а. 211 а. б. и др.). Въ сборникѣ XVIII в.: *мьба. та се зьрчи. мьжа* и др.²⁾. Т. е. изъ *ол* должна была естественно развиться глухая форма *зл*.

Остается рассмотреть болѣе рѣдкія формы: *ал*, *ло*, *лу*, *ла*. Формы *о*, *ул* ясны: первая простое упрощеніе *ол*, вторая — легкая вариация формы *ол*.

Уже въ памятникахъ стараго языка мы имѣемъ формы: *ла*, *ал*, при *ль*: *план* (погод. пс. *Mikl.* «Lexicon palslov». s. v.) *сламъ* (ib. s. v.) ср. *слаза* въ сборн. XVIII в. («Star» VI 47); въ рук. XVII в. собр. Григоровича: *далъ* (въ библ. Новорос. унив. № 65. 94 б. ср. неговата *палтъ* ib. 95 а); въ сборн. XVIII в.: *мальчите. напалнено* («Star» VI 42. 39 ср. ib. *дальбина. прокальне*); *хльмъ* вм. *хлэмъ* въ погод. пс. (*M.* «Lex.» s. v.).

Въ виду подъема глухаго *з* въ *а*, форма *ал* есть развитіе формы *зл*, какъ показываетъ напр. слово *дальбина*. Въ виду подъема *з* въ *о* форма *ол* (*слонце*) есть развитіе формы *лз*; въ виду подъема *з* въ *а* — *ла* также изъ *лз*. Если мы примемъ во вниманіе, что *о* измѣняется легко въ *у*, какъ въ другихъ слав. языкахъ, такъ и въ болгарскомъ: *да пължозать* (рук. Григор.

¹⁾ *Ламанскій* О нѣкот. слав. рук. въ Вѣлградѣ и проч. («Записки Ак. наукъ» VI 37). *Šafačik* «Pam. dŕ. pism.» № 19. «Starine» V. 52. 53. *Ламанскій* op. cit. 22. «Starine» III 149. 150.

²⁾ «Starine» VI, 41. 51.

библ. Новор. ун. № 65 f. 90 а), то форму *лу*, весьма впрочемъ рѣдко встрѣчающуюся въ народныхъ пѣсняхъ, можно понимать, какъ вариацию *ло*. Впрочемъ, въ виду того обстоятельства, что глухой звукъ, въ силу своей неопредѣленности, легко окрашивается и въ *у*: ср. *държати* въ грамотѣ 1416 кор. Матвѣя (*Jagić* «Gram.» 55), форму *лу* въ *длуг* можно вести непосредственно изъ глухой формы *лв'*. Что же касается формы *лы* въ *хлымь*, то она, очевидно, есть простое, но болѣе ясное изображение той же глухой формы *лв'*.

Т. обр., разсмотрѣніе формъ болгар. языка словъ рус. сочетанія *ол—лз* приводитъ насъ къ одному выводу: болгарскій языкъ раздѣляетъ судьбу другихъ слав. нарѣчій. Мы видѣли, что всѣ отклоненія отъ формы *ол*, какія предлагаютъ намъ слав. нарѣчія, суть ни что иное, какъ вариации этой послѣдней: тоже самое справедливо и по отношенію къ болгарскому языку. Его индивидуальныя особенности — формы *лв'* и *ла* тѣсно связаны и вытекаютъ изъ формы *вл*, ранней вариации формы *ол*, которая, кажется, живетъ еще доселѣ въ особенно консервативныхъ говорахъ Македоніи—въ нѣкоторыхъ основахъ.

11.

Теперь мы можемъ перейти къ послѣднему слав. языку, который отъ всѣхъ, доселѣ разобранныхъ, отличается тѣмъ, что до сихъ поръ не легализована его національность — *изъ языка священныя книги* православныхъ и отчасти католич. славянъ: для славистовъ Вѣны это старословенскій: Праги—староболгарскій.

Слова семьи *волкъ* въ рукописяхъ (редакціи панонской) изображаются извѣстнымъ способомъ: *сопс + лз + сопс*, рѣже съ *ь* вм. *ъ* (въ зоограф. ев. см. выше). Какъ читать это начертаніе?

По видимому, дѣло должно быть ясно для каждаго изъ сторонниковъ той или другой школы. Если «словѣньскыи» языкъ

въ трудахъ панонскаго архіепископа Меѳодія и его школы, есть языкъ старый словенскій, то въ виду исконнаго бытованія формы *ol* (*ou*) въ словенскомъ языкѣ, въ значеніи общей, основной формы, и «словѣньское» *lz* = рус. *ол* естественно и необходимо понимать, какъ своеобразное изображеніе формы *ol*; если «словѣньскіи» языкъ тождественъ староболгарскому, то господствующая въ болгарскомъ языкѣ форма *al* изъ *ol* (*ol*) должна бы опредѣлить значеніе начертанія *lz*; но мы не видимъ ни того, ни другаго: для словенистовъ *lz* = *l*, т. е. *al*, для болгаристовъ = *al*, т. е. тождественно второй болгар. формѣ, вызывающей издѣвку у самого болгарина.

Что заставляеть первую школу-защитниковъ словенской національности «словѣньскаго» языка, отрекаться отъ того, что даетъ словенскій языкъ и исторія его для объясненія орографической формулы *lz*, и утверждать, что *lz* = вокалу *l*, а *z* буква лишняя, другими словами, утверждать, что старый словенскій языкъ не есть словенскій? Лишь предвзятая мысль объ абсолютномъ генетическомъ старшинствѣ языка священныхъ книгъ—этого идеальнаго образа живыхъ нарѣчій¹⁾—и мысль о первичности «вокала» *l* въ славянскихъ языкахъ: первичный языкъ не мыслимъ безъ первичнаго звука первичной формы²⁾. Фактическія доказательства Миклошичъ желалъ бы позаимствовать у болгарскаго языка; но Цанковъ его удерживаетъ: болгаринъ не знаетъ «вокала» *l* («Vergl. gr.» I. 262. 272). Опору могъ бы дать чешскій языкъ; но его *l* = болг. *al*. Одно справедливо у вокалистовъ: *z* послѣ *l* въ формулѣ *lz* не у мѣста, условный пріемъ, не выражавшій характеръ выговора³⁾. Чтобы быть послѣдовательными, слова-

¹⁾ Въ 1830 г. Шафарикъ писалъ: «что санскритъ для индоевропейскихъ языковъ, то церковнославянскій для славянскихъ. Онъ регулятивъ, безъ коего ни въ одномъ славянскомъ нарѣчій нельзя добраться до основанія, dna.» («Sazorís musea» 1830. 232). Тоже у Григоровича въ «Статьяхъ, кас. древнеслав. яз.» р. 95.

²⁾ Mikl. «Lautlehre d. altslov. Sprache» 1850. § 18. дословно въ «Vergl. Gram.» I р. 34—35.

³⁾ Mikl. «Lautlehre» § 18. «Vergl. Gr.» 35. «Parad.» XXV.

нисты (или вокалисты) вправѣ утверждать одно: лз весьма близко звучало къ словенскому *om*, *ol*,—но они этого не дѣлаютъ.

Вторая школа-болгаристовъ (или консонантистовъ) — послѣдовательна сама себѣ. Выходя изъ положенія, что «словѣнскіи» языкъ есть старый болгарскій, она понимаетъ обычное правописаніе рукописей лз адекватнымъ факту языка и указываетъ на современную болгарскую форму русск. сочетанія *ol—lv* (глухой послѣ *л*), какъ на подтвержденіе своей мысли: *слънце* вполнѣ соответствуетъ совр. болг. *слънце*. Представители этой школы извѣстны: Шафарикъ, теперь М. Гаттала. Но школа болгаристовъ подлежитъ упреку, что она держится буквы, въ противность первой школѣ, и частное явленіе предпочитаетъ общему. Если ссылаться на болгарскій языкъ, то въ немъ господствующая форма *л* и съ нею-то слѣдуетъ считаться тѣмъ, кто въ «словѣнскомъ» языкѣ видитъ рѣчь стараго болгарина, — но они останавливаются на формѣ частной, менѣе чѣмъ діалектической.

Но оставимъ школы и перейдемъ на почву самаго «словѣнскаго» языка, къ его рукописямъ.

Предварительно мы отмѣтимъ тотъ фактъ, что одинъ претендентъ на языкъ православ. церкви (и, по нашему мнѣнію, наиболѣе серьезный)—словенецъ (кайкавецъ)—имѣлъ и имѣетъ форму *ol* (*ou*), гдѣ въ памятникахъ церковнаго языка—лз; другой, болгаринъ—*ol*, *lv* и болѣе рѣдкую *lv*, и затѣмъ перейдемъ къ вопросу: не даютъ ли сами рукописи средства опредѣлить чтеніе загадочнаго правописанія *cons. + лз*? Вглядимся въ правописаніе рукописей, въ пониманіе его у писцовъ, болѣе или менѣе преемственно продолжавшихъ работу первыхъ нашихъ книжныхъ людей—учениковъ Кирила и Меѳодія.

а) Рукописи, при обычномъ приѣмѣ *cons. + лз*, иногда отступаютъ отъ него: или опускаютъ *з* или переносятъ *з* на-лѣво отъ *л*.

1) Пропускъ *з* былъ бы невозможенъ, если бы звукъ, изображаемый имъ, произносился послѣ *л*: отъ *л* нельзя догадаться къ *лз*, съ удареніемъ на *з*; напротивъ, пропускъ *з* весьма простъ, если *з* въ живой рѣчи стоялъ впереди *л* и писался только послѣ

л. Аналогическое явленіе предлагаютъ и старочешскія рукописи: съ одной стороны *flny* вм. *filny* (въ клемент. псалтири) т. е. l вм. этимологич. *il*; съ другой, въ цѣлой серіи рукописей на разстояніи вѣвовъ мы находимъ правописаніе *ly, ry* вм. обычнаго *yl, yr*: *dryzati* вм. нынѣш. *držati*; но никто не позволитъ себѣ читать *ly, ry* въ томъ порядкѣ, въ какомъ написаны буквы ¹⁾. Что до ближайшей причины пропуска *z* при -л, то ее можно искать въ желаніи писца ускорить время и мѣсто при словахъ, особенно часто встрѣчающихся, при переносѣ изъ строки и т. д. ²⁾.

2) *z* впереди л, т. е. *zl* вм. *lz*, хотя и рѣдко, но встрѣчается. Уже въ супрасл. рукописи: *исп'яни* (7. 12), а ' въ ней, какъ и въ другихъ рукописяхъ = *z* ³⁾; *дльжсам* (макед. лист. Екзарха XI в. Срезн. «пам. юс. п.» I 42), даже *п'лти* (ib). Двойное употребленіе глухихъ въ *дльжсам* какъ нельзя болѣе показываетъ, что и старому писцу было неясно правописаніе *lz* и приваравливая его къ своему пониманію, онъ сохранилъ традицію, а напередъ зачесъ новое *z*. Что второе *z* (к) при первомъ не можетъ притязать на какое либо звуковое значеніе, какъ это въ остромирѣ и въ др. памятникахъ русской редакціи, показываетъ одно то обстоятельство, что съ этимъ приѣмомъ мы встрѣчаемся и въ рукописяхъ сербскихъ ⁴⁾. Правда, этихъ «описокъ» не много, но онѣ не позволяютъ пренебрегать собой, если вспомнимъ, что подобныя же описки, но въ большемъ числѣ, встрѣчаются при плавномъ *p* въ сочетаніи *px*: *xp, xp'* и др. вм. обычнаго *px* (ъ), а что даетъ правописаніе одного плавнаго сочетанія—*px*, то имѣетъ мѣсто и по къ отношенію къ другому—*lz*.

¹⁾ Ср. мой третій «отчетъ» 61. 62. Укажу нѣкоторыя рукописи старочешскія съ *ly, ry*: *Cisiojaniiz, страсти, легенда о св. Алексѣ*, отчасти: сборникъ 1383 г., сборникъ XIV или нач. XV в. (см. мой первый «отчетъ» р. 71 № 6; третій «отчетъ» р. 3. 6 № 14. № 16).

²⁾ Ср. мой третій «отчетъ» р. 54 о слѣвч. апостолѣ.

³⁾ *Mikl.* «Vitae sanctorum» (1847) предисловіе. *Срезневскій.* «Пам. юс. письма» опис. супр. рукописи.

⁴⁾ Напр. въ тріоди XIV в. у покойнаго Янка Шаеврика (+ 8 іюля 1876) въ Бѣлградѣ: *оумр'шмь. оумр'шмѣ*, и на той же страницѣ: *мрт'ши*. (См. тр. «отчетъ» р. 71).

Естественно, переносъ *z* на-лѣво отъ *l*, *p* былъ бы невозможенъ, если бы не было къ тому повода въ языкѣ, въ живой рѣчи писца, — языкъ вынуждалъ послѣдняго *casite* отступать отъ традиціоннаго приѣма.

б) Писцы свою книжную мудрость получали преимущественно одинъ отъ другаго — младшій отъ старшаго, одно поколѣніе отъ другаго. Въ общеніи съ умѣлымъ новымъ писецъ выучивался приѣмамъ письма, выучивался понимать правописаніе, чтобы въ свою очередь передать свои знанія своимъ ученикамъ. Этотъ кругъ свѣдѣній составлялъ славистику того времени. Какое же пониманіе формулы *cons + lz* (*ь*) обнаруживаетъ русскій писецъ XI в.? Если дьяконъ Григорій, писцы изборниковъ 1073, 1076 г. стремятся формулу *cons + lz* перевести на *cons + z* (*ь,*?) *l*, то не справедливо-ли въ этомъ стремленіи видѣть пониманіе ими указанной формулы, пониманіе, которое они переняли отъ своихъ учителей; а тѣ отъ своихъ и т. д. въ преимущественно нисходящей линіи до панонскихъ учениковъ первыхъ славянскихъ учителей — «словѣнскихъ» писцовъ? Не зналъ-ли это того, что хотя первые панонцы писали *z* послѣ *l*, но произносили звукъ *z*'а передъ *l*? Вспомнимъ снова формулу старочешскихъ рукописей *ly, ry* въ томъ же сочетаніи, хотя она несомнѣнно выражала звуковую послѣдовательность *yl, yr*, т. е. *zl, zr*.

Тоже пониманіе графической формулы рукописей *lz, rz* обнаруживаютъ болгарскіе и сербскіе писцы. Эта формула примѣняется къ словамъ, гдѣ несомнѣнно стоялъ вокаль, какъ этимологическій, впереди плавныхъ. Мы имѣемъ: *пльза* вм. *польза* (по + льг). *ръзка* мочка т е. *горька* (*Mikl.* «Лех.» s. v. *польза. горька*); въ норовскомъ стихирарѣ XII в.: *иакова прьспьница* (*Срезн.* «Пам. юс. п.» I. 66); въ зетской кормчей 1263 въ Загребѣ: *вьвориане* при *ворворите. мръскомоу* вм. *миръскомоу. срьши* вм. *серши* древнѣйшихъ памятниковъ (f. 345 а, 377 а, 377 а. ср. *Срезневскій* ор. с. календарные указатели); въ троянской войнѣ: *катръга* изъ *κατέργων* (*М.* «Лх.» s. v.) Ср. инославянскую основу *скорп* изъ лат. *scorpio*, откуда правильно прил. *скорпѣинъ*, но въ свят. изборникѣ *скръѣинъ; дльз* и гот. *dulgs* (р. *долъ*);

блванъ и *балванъ*. Это употребленіе формулы лз, рз для изображенія несомнѣнныхъ слоговъ: *вос*. + л, р и могу понимать, какъ приѣмъ школы, результатъ преемственного пониманія школьной формулы лз, рз.

Въ виду указанныхъ отступленій рукописей, въ виду указанныхъ соображеній о преемственной передачѣ пониманія «словѣнскаго» письма, я смѣю полагать, что загадочная формула лз есть школьный, условный графическій приѣмъ для изображенія слога *вос*. + л или зл, подобный приѣму старочешскихъ рукописей *ly*, *ry* вм. *al*, *vr*. Принявъ же во вниманіе словенскую форму *ol* (*ou*) для рус. сочетанія *ол* и болгарскую *ол*, *ал*, а только эти два языка и претендуютъ на панонское наслѣдство, я тѣмъ болѣе утверждаюсь въ этой мысли. Другими словами, лз рукописей = зл живой рѣчи.

Но чему = з: чистому ли о или его глухой формѣ? За о говорить то обстоятельство, что его знаетъ на этомъ мѣстѣ словенскій языкъ, даже болгарскій, что даже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнаго языка замѣна з знакомъ о и обратно слишкомъ обычное явленіе: *четерттокъ. прибрзитокъ. начаттокъ. къ вървнзма* уже въ клоц. глаголитѣ ¹⁾: *взкк* рукописей = *волк* живой рѣчи, какъ *крзвъ* = *кровь* въ тойже клоціевой глаголитѣ.

Если въ з видѣтъ знакъ глухаго звука, въ виду напр. того, что во многихъ памятникахъ (зоографское четвероевангеліе) начертанію лз предпочитается начертаніе ль, что я позволяю себѣ объяснять раннимъ забвеніемъ различія двухъ л (*l* и *ḷ*), а форма *ол* предполагаетъ бытованіе *ḷ*, какъ это мы видимъ въ области словенскаго языка, то тогда бы формула лз выражала сочетаніе зл, знакомое намъ въ болгарскомъ языкѣ, въ нѣкоторыхъ говорахъ сербско-словенскихъ: *взкк* = *взлк*.

Но выражаетъ ли лз звуковое сочетаніе *ол*, что вѣроятнѣе (*ол* въ словенскомъ), или *ал*, тѣмъ не менѣе, въ виду указаній болгарскаго и другихъ языковъ юго-славянскихъ, въ виду указаній всей сово-

¹⁾ *Срезнев.* «Глагол. пам.» 172, 173, 194, 169 и др.

кунности славянскихъ нарѣчій, русская вокализація плавнаго сочетанія лз — ол обязательна и для языка священныхъ книгъ правосл. церкви — старословенскаго, какъ его древнѣйшая фаза: руск. форма ол, основная для всѣхъ нарѣчій славянскихъ, основная и для него. Если допустить, что въ области старословенскаго языка (средній Дунай) бытовали обѣ формы: ол и лл, одна на западѣ, другая на востокѣ, то выводъ останется во всей своей силѣ ¹⁾).

Съ русскимъ сочетаніемъ ол — лз въ рукахъ, мы окончили путешествіе по славянскимъ нарѣчіямъ, живымъ и мертвымъ. Немного словъ, чтобы подвести послѣдній итогъ нашему путешествію.

Тотъ общій выводъ, что получился для польскаго, прибалтійско-полабскаго и обоихъ лужицкихъ языковъ, т. е. для славянскихъ нарѣчій равнины или основной половины славянства: рус. форма ол — лз для всѣхъ ихъ — норма, основная форма, имѣетъ мѣсто и для нарѣчій меньшей половины славянства — для языковъ чешскаго, словенскаго, сербскаго, дакославянскаго, болгарскаго и старословенскаго. Другими словами, русское сочетаніе ол — лз есть обязательная форма для всѣхъ славянскихъ нарѣчій, изъ которой съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ различныхъ условий, развились тѣ многочисленныя историческія формы, которыя предлагаютъ славян. нарѣчія, въ соотвѣтствіе рус. формъ ол, и въ своей исторической жизни, и въ настоящую минуту. *Русская форма ол — лз есть праславянская, или общеславянская; вокализація русскаго языка норма, или основная вокализація.*

Этотъ выводъ снова подтверждаетъ наше пониманіе взаимныхъ отношеній славян. нарѣчій, значенія моментовъ ихъ сход-

¹⁾ Мадыаре, непосредственный историческій наследникъ славянъ въ Паноніи, сохранили доселѣ память о формѣ ol для сочетанія лз: *bálvány* — балванъ, *balvány*, *kolbász* — клбаса; *kořak* (хорв. *kařak*) — клванъ, хотя *ozlor* — стлбв. Ср. *zborok* — члвнкв. Ср. выше.

ства и различія: съ точки зрѣнія сочет. *ол* — *лз* языки славянской семьи не позволяютъ группировать себя по образу какого бы то ни было родословнаго древа; все они одинъ языкъ, но различаются по степени консервативности, или, что тоже, по степени силы, индивидуализовавшей каждое нарѣчье, по неодинаковости этой послѣдней на разныхъ пунктахъ единой славянской территоріи: русскій языкъ сохранилъ въ рѣдкой чистотѣ наслѣдіе старины; другіе языки—одинъ болѣе русскій — менѣе индивидуализовался, другой менѣе — болѣе индивидуализовался.

Въ заключеніе главы я позволю себѣ коснуться вопроса: допускаетъ-ли за русск. формой *ол* значеніе нормы славянской вокализаціи плавнаго сочетанія *лз* сравненіе съ родственными языками, ближайшаго и отдаленнѣйшаго родства? Не будучи специалистомъ въ области инославянскихъ языковъ, я ограничусь немногими указаніями, какія даетъ современная сравнительная наука языковъ аріевропейскихъ.

болтать. латыш. *bildeht*, анреден, прус. *billit* (ассимил. *ld*) *sprechen* (*Nesselman* «Thesaurus» s. v. *billit*). Какъ увидимъ ниже, русск. *ол* на почвѣ литовскихъ нарѣчій обычно въ формѣ *il*; но основная форма для *il* — *al*, т. е. приблизительно тоже отношеніе, что между пол. *il* въ *wilk* и русск. *ол* въ *волкъ*, какъ показываетъ лит. *balsas* = голось; отсюда Физъ въ идеальномъ «словарѣ литовско-слав. языковаго единства» («Vergl. Wörterbuch» II³, 617) *bildeht* относитъ къ \sqrt{bal} . Но литовское, какъ и аріевроп. *a* на почвѣ славянской = *o*, слѣдов. вокализація русскаго языка въ *болтать* сравнительно съ лит. *bildeht* еще на ступени доисторическаго литовско-славянскаго единства. Если такъ, то само собой понятно, что она *основнославянская вокализація*

волгкій. лит. *vilg* — *yti*, датш. *valg* — *s*, нѣм. *wolke*. Основная форма корня для языка литовско-славянскаго *valg* (*Fick* оп. с. II³ 666).

волкъ. нѣм. *wolf*. гот. *vulfs*. лат. *lupus*, но *vulprex*. гр. $\lambda\upsilon\kappa\omicron\varsigma$, но побочн. ф. $\beta\lambda\omicron\kappa\omicron\varsigma$ = звукъ въ звукъ рус. *волкъ*. Въ литов. языкахъ, по общему закону рус. *ол* — *лз* = лит. *il*, это слово

въ формѣ *vilkas* и, какъ требуетъ вокализація общеевропейская, изъ древнѣйшей формы *val(r)kas*; ср. *xolms* и *kálnas*. На промежуточную ступень между *al--il* указываетъ старопрус. *welk* = *wolfkraut* (*Nesselm.* s. v.). Если вспомнимъ, что наше *волкъ* находитъ соотвѣстіе еще въ гот. *vargs* (*homicida*, ср. названіе мекленб. славянъ *vilci*, почему уже М. Бѣль въ предисл. къ Долежаловой «*Gram. bohémica*» замѣтилъ: «*Vilci, forte, ob lupinum ingenium ita dicti*» (§ V); ср. *Papovs* = *соколъ*), а основа этого слова въ лит. *varg-ti elend sein*¹⁾, то этимъ самымъ дается основная форма для совр. лит. *vilkas*—*vargas*: р. *ол* = лит. *al*, *ar*, европ. *ol*, *ar*, *ul*, арійск. *ar*; санскр. *vṛka* изъ *varka*²⁾. Древнѣйшая арійская форма сохранилась въ мадьярскомъ: *fárkas* = *волець*.

волна. лит. *vilna*. нѣм. *wolle* (*ll* изъ *ln*). гот. *vulla*. лат. *vellus* изъ *velnus*. санскр. *úrna*. Для Фика осн. ф. лит.-слав. *velná* (II³ 664); но Боппъ относитъ слав. слово къ санскр. \sqrt{var} (Glos. II 343): рус. *ол* = нѣм. *ol*, *ul*, санскр. *ar*; *el*: *ол* = польск. *pełny*: рус. *полный*.

волна. л. *vilnis*, *vilne*. нѣм. *welle*. Для Фика осн. ф. лит.-слав. *vilná* (II³ 664); но Боппъ отн. къ $\sqrt{}$ что въ слова хъ: гот. *valva*, лат. *volvo*, санскр. *ghúrṇ* (Glos. I. 126); но точнѣе его отождествленіе съ санскр. *úrmi*—«*fortasse correptum e varmi*»; слѣд. форма *il* не возможна для лит.-слав. праязыка—возможна лишь форма *al* (*r*), *ol*.

голд-ѣть. ср. *ла-юл-э*, \sqrt{gar} . прус. *gerdaut*—говорить. лит. *gird-u*—слышать. усиленный \sqrt{garg} (*Fick* II³. 549). въ

¹⁾ *Hassenkamp* «*Ueber den Zusammenhang des letoslav. und germ. Sprachstammes*» p. 48.

²⁾ Боппъ говорить ясно: «*vṛka e varka, unde lit. vilkas, debilitato a in i, mutato r in l; rus. волкъ, got. vulf-s ... gr. λύκος per metath. ex ἄλκος pro Φάλκος.*» (*Glossarium comparat.* II³ p. 471). Противъ отождествленія *волкъ* и лат. *vulp-ех* *Zeuss*. въ «*Zeitschr.*» Куна (XX. p. 450): но и матеріально, и формально его доводы слабы; *волкъ* и *лиса* одной породы; отношеніе *к*—*р* ясно, въ виду нѣм. *vulf-s. vulp-ех* изъ *volpes*, т. е. *vulp*—*волкъ-в*.

нѣм. $\sqrt{gal} = gar$ (ib. 348), откуда *gelta* = *geschrei* для нѣмецкаго праязыка (ib. III³ 105).

долб-ить. лит. *dalba*. прус. *dalp-tan* (accus.), \sqrt{dalb} -scalpere (*Fick*. II³ 583). нѣм. основы *dalb*, *talp*, *tolb* (ib). Ср. *Hassencamp* Zusammenhang. 46. долб-ить въ \sqrt{dhalbh} .

долг. 1) л. *ilgas*, но *dels-u säumen* (*Geitler* Lit. Studien 63); \sqrt{y} Фика — *dulg* (II³ 582). гр. дол-ι-χός. знд. *daregha*. скр. *dārgha* «fortasse e *dārgha*» (*Bopp*. Glos. I 189). Вѣроятно, сюда и лат. *longus* (изъ * *dolngus*), нѣм. *lang*. Потѣтъ сравниваетъ и лат. *in-dulg-eo* (ib).

2) Если долгъ = *debitum* изъ гот. *dulg-s*, то въ русск. еще вокализація языка-источника. Если наоборотъ, гот. изъ слав. ¹⁾, то русская вокализація на ступени славянскои III—IV по Р. X.

осн. молз. лит. *melzu*. нѣм. *melken—gemolken*. лит. сл. \sqrt{malz} (*Fick* II³ 632). Ср. лат. *mulg-ere*.

полкъ. лит. *pulkas* (изъ сл.). нѣм. *volk* (*Matzenauer* Cizí slova I 67). лат. *vulgus*. \sqrt{par} пол-изъ (*Bopp* Glos. II 230).

полнѣ. лит. *pilnas*. гот. *fulls* («e *fulna*» *Bopp*. II. 231).

¹⁾ Этого мнѣнія молодой чешско-моравскій лексикографъ, талантливый *Matzenauer*, въ статьѣ, предвосхищающей пальму первенства въ указаніи словъ исключительно славяно-арійскихъ, славяно-греческихъ, славяно-латинскихъ и т. д. у I. Шмидта (въ его «*Verwandtschaftsverhältnisse*») — *Příbuznost jazykův indoevropských*, т. е. родственныя отношенія яз. индоевр., напечатанной въ журналѣ «*Časopis matice moravské*» (Brno. 1869 I. 1 p. 30—47). Тотъ же взглядъ *Маценауера* повторилъ и въ своемъ фундаментальномъ трудѣ: «*Cizí slova ve slovanských řečech*» (Brno 1870) p. 10. Авторъ того мнѣнія, что *дмиз* чрезъ метатезисъ изъ *дмиз* ib.; но къ чему метатезисъ? Во всякомъ случаѣ, и по *Маценауеру*, сочетаніе *лз* основа для *лѣ*,—если это последнее бытовало. Съ глубокимъ сожалѣніемъ указываю на тотъ печальный фактъ въ нашей наукѣ, то такіе серьезные труды, какъ труды скромнаго чешскаго гимназическаго учителя, *Маценауера*, прошли незамѣченными: о немъ ни у *Гейтлера*, ни у *Шмидта*, ни у *Ягича*, и авторъ остался незамѣченнымъ, въ тѣни, не смотря на то, что были въ жизни славянъ моменты, когда на него должно было обратить вниманіе.

Лат. *p̄l̄enus* изъ * *pelnus* (*Schmidt. Zur. gesch. II 29. 356*). гр. πόλλοι (изъ πολνοι). скр. *pūr̄na*. осн. форма лит. сл. *palna* (*Fick II³ 404*).

подсть. лит. *palti-s*. осн. форма лит. сл. по Фигу *palti* (II. 604)

сол-нце. лит. *saulē*. нѣм. *sonne*. лат. *sol*. гр. ἥλιος, σελήνη (*Bopp Glos. 439*). санскр. \sqrt{sur} .

холмъ. лит. *kálnas*. нѣм. *holm*. лат. *collis* изъ *colnis*. гр. холωνός. Ср. мадьяр. *halom*.

Приведенныхъ данныхъ изъ сравнительнаго обозрѣнія словъ русской семьи *ол* въ лексическомъ составѣ языковъ индоевропейскихъ, кажется, достаточно для того, чтобы опредѣлить значеніе звука *о* въ русскомъ сочетаніи *ол* — аз. Только литовскій языкъ часто предлагаетъ *il*; но онъ знаетъ и *al*, а главное, давленіе всей массы языковъ индоевропейскихъ, знающихъ, въ соотвѣтствіе русск. *о*, звуки *а*, *и*, *о* и рѣдко *е* и всегда на-дѣво отъ *l*, составляютъ литов. форму *il* признать болѣе поздней вариацией древнѣйшей *al*, и это положеніе — въ трудѣ такого ученаго, какъ Фикъ, который и не вѣдаетъ о русскомъ языкѣ, а по традиціонному приему довольствуется однѣми неопредѣленными формами старословенскаго языка, который своей формой аз ужь никакъ не могъ продиктовать ему форму *al* для идеальнаго праязыка литовско-славянскаго. Русское *о* предъ *l* есть законный представитель звуковъ *а*, *и* европейскихъ или арійскихъ своихъ собратьевъ. Послѣ этого ясно, что если необходимо вносить въ работы по славянскимъ нарѣчіямъ, коль скоро идетъ рѣчь о словахъ семьи *волкъ*, сравненіе съ языками родственными Европы или Азіи, то непосредственное сопоставленіе мыслимо лишь для русскаго языка; для каждаго другаго славянскаго языка, коль скоро онъ отстаетъ отъ русской вокализациі, удобно лишь сопоставленіе посредственное — *черезъ русскую среду*; сравнивать напр. серб. *вук* (= *волкъ*) и санскр. \sqrt{vark} столь-же справедливо, сколько въ ребенкѣ искать непремѣнно чертъ дѣда или прадѣда, забывая, что между этими двумя организмами есть необходимо посредствующее звено — естественный посредникъ, отецъ съ матерью.

Въ виду этихъ данныхъ, мы можемъ только удивляться І. Шмидту, который для однихъ словъ русской семьи *ол* выставляетъ основно-славянскую форму *ьл* (= *ол*), для другихъ *ьл* (= *ел*, *іл*)¹). Утвержденіе Шмидта само собою падаетъ.

¹) «Zur Geschichte d. indog. Voc.» II. 47, 48. Шмидтъ даже допускаетъ, что форма *ЛХ* = рус. *сл*, съ двойнымъ *Х*, т. е. *ХЛХ* первичнѣе формы съ одиночнымъ *еромъ*: но, какъ видѣли выше, двойное *Х* свойственно прежде всего русскимъ памятникамъ, каковое начертаніе вполне согласуется съ пріемами нѣкоторыхъ говоровъ русскихъ; второе *Х* ясно изъ отношенія языка къ встрѣчѣ двухъ консонантовъ, особенно, если одинъ изъ нихъ плавный; исторія другихъ слав. нарѣчій показываетъ, что нѣтъ основаній, чтобы напр. пол. *тоѡа* изъ *тоѡѡа* понимать, какъ сокращеніе формы * *тоѡѡѡа*. Пр. Потемня, кажется, еще прежде Шмидта высказалъ ту-же мысль — о первичности формы съ двойнымъ *ѡ*: «что мѣшаетъ намъ—спрашиваетъ онъ—принять, что написаніе *мѡѡѡа* пришло къ намъ оттуда же, откуда переводы церковныхъ книгъ, и на русскомъ свѣрѣ случайно сошлось съ подобнымъ туземнымъ явленіемъ?» («Журн. М. Нар. Пр.» 1874. т. 172 р. 485). Мѣшаетъ наличное знаніе славянскихъ нарѣчій, за межою русскаго языка.

ГЛАВА II.

Послѣдовательность *ло* — *лз*.

1.

Перебирая матеріальный составъ русскаго языка, мы видимъ, что, относительно, весьма немного словъ въ русскомъ языкѣ съ сочетаніемъ *ло* межъ двухъ согласныхъ, съ сочетаніемъ, для котораго памятники старословенскаго языка предлагаютъ ту же форму, что и для русскаго сочетанія *ол*, форму *лз* (*ль*). Эти слова: *блоха*, *лотать* (съ производными), *клокъ*, *плоть*, *яблоко* = *калѣха*, *газтити* (*по*), *казкз*, *пазть*, *калѣко*. Для краткости, слова сочетанія *ло* — *лз* будемъ называть словами семьи *блоха*, въ паралель словамъ семьи *волка*. Слова семьи *блоха* отличаются отъ другихъ словъ съ тѣмъ же сочетаніемъ *ло* въ русскомъ языкѣ, какъ *лодъ*, *клокотъ*, *плову* (*плыву*), *плоскій*, тѣмъ, что въ этихъ послѣднихъ словахъ та же вокализація и на почвѣ старословенскаго языка: *лодъ*, *клокотъ*, *пловъ*, *плоскъ*. Въ другихъ слов. нарѣчіямъ *ло* словъ второй категоріи остается также безъ измѣненія, кромѣ немногихъ діалектическихъ отступленій: ср. чеш. *glod*, серб. *лодъ*; чеш. *plot* (\sqrt{plet}), но слов. *плѣ*, т. е. *ручѣ*.

Если въ памятникахъ старословенскаго языка—этого «прототипа» славянскихъ нарѣчій, славянскаго представителя въ «концертѣ» индоевропейскихъ языковъ—два различныя русскія сочетанія—*ол* и *ло* являются въ одной формѣ—*лз*, то естественно спросить—какъ отнесутся къ этому несогласію двухъ и весьма солидныхъ членовъ остальные члены славянской семьи? Одиночно ли стоитъ русскій языкъ съ своими двумя формами *ол* и *ло*, чисто ли русское дѣло это различіе двухъ формъ, или уже знакомый намъ примитивный, общеславянскій характеръ русскаго

языка обнаружится и здѣсь? Понятно, общеславянскій на-столько, на-сколько протническая старина русскаго языка можетъ быть услѣжена въ различеніи *ж* и *ь*, въ судьбѣ сочетаній: *tj, dj* и особенно *ол—лз*.

Въ обширной области русскаго языка, въ устахъ тѣхъ миліоновъ людей, которые на протяженіи ряда вѣковъ говорили, на пространствѣ тысячей миль говорятъ русскимъ языкомъ, слова семьи *волкз* никогда не смѣшивались, никогда не смѣшиваются съ словами семьи *блоха*: у однихъ сочетаніе *ол*, у другихъ *ло*.

Писецъ остромира, такъ тщательно переводившій слова семьи *волкз* изъ чуждаго русскому человѣку правописанія *лз* на русское письмо — *жа* и т. д., ни разу не коснулся начертанія *лз* (*лъ*) словъ семьи *блоха*: *лз* осталось и въ его перениси — ясный знакъ, что онъ, русскій XI вѣка, читалъ *лз*, какъ *ло*, въ словахъ, какъ *платъ*. Правда, всего одно слово фамиліи *ло* можно найти въ словарѣ остромира — *плоть*; но основа эта пятнадцать разъ—въ неизмѣнной формѣ *платъ*, въ шестнадцатый съ небольшимъ измѣненіемъ—*платъ*¹⁾. Другіе памятники русскаго письма XI в., повторяя особенности правописанія дьякона Григорія, тѣмъ самымъ утверждаетъ несмѣшиваемость сочетаній *ол* и *ло*, а потому раздѣльность ихъ въ говорѣ русскаго человѣка XI столѣтія. Ту же несмѣшиваемость въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма мы увидимъ позже, относительно словъ сочетаній: *ор—ро, ер—ре*, сочетаній, которыя въ рукописяхъ старословенскихъ шли въ одной формѣ—*рз* или *рь*.

Въ вопросѣ о географическомъ распространеніи, по нарѣчіяхъ громадной области русскаго языка, словъ семьи *блоха* мы находимъ тоже тщательное сохраненіе формы *ло—лз*. Исключенія два: въ живой рѣчи *яблоко*, въ Карпатахъ — *ябло*, да въ ма-

¹⁾ Впрочемъ, въ оригиналѣ Григорія было *плтъ*: такъ въ супр. рук. *въльменице* 243; тоже въ зоограф. четвероевангеліи и др. памятникахъ. По мнѣ, это знакъ, что категорія *плтъ* не различалась отъ категоріи *елкз* (*влькз*) уже изгари въ старословенскомъ языкѣ, какъ это мы видимъ и въ современномъ словенскомъ, гдѣ *volk, polt* (= рус. *плоть*).

лорус. основѣ *ковт* вм. *лот*: «и нишвомъ проковтнуло море» (Шевченко). Что въ *яболко* основная форма *яблоко* показываетъ сравненіе его съ словомъ *яблонь*: т. е. $\sqrt{абл}$, *ок*—*зк* суфигьсь. Мѣнѣ *ло* на *ол* могло содѣйствовать неприятое стеченіе консонантовъ *б*, *л*: оно могло вызвать паразитный звукъ на-право отъ *л*, который и принялъ форму *о*—звука, обычную въ русскомъ языкѣ. Ср. болг. *колнем* при $\sqrt{кла}$; кажется, *колтакъ* изъ *клубукъ*. Въ языкахъ родственныхъ стеченіе конс. *бл* устраняется тѣмъ же способомъ: прус. *woble*, но *wobalne* (*Nesselm. Thesaurus. 209*), латыш. *ahbols*; др. нѣм. *aphol*, теперь *apfel*. Малорус. основа *ковт* вм. *лот* есть, кажется, простой метатезисъ, не безъ вліянія асимилирующаго дѣйствія формы *ол*—*оу*. Тѣмъ знаменательнѣе неизмѣняемость *о* въ соч. *ло* въ области малорусскаго нарѣчія, если вспомнимъ всеобщій законъ современнаго малорус. вокализма — усиленіе *о*, *е* въ *і*: но этотъ законъ не дѣйствуетъ на *о* въ рассматриваемомъ сочетаніи, какъ онъ не простирался на соч. *ол*—*лз*, и не простирается и на вѣд другія однородныя сочетанія. Исключеніе — *блѣха* въ Галиціи, плодъ аналогіи, да *яблыко* въ сѣдлецкомъ говорѣ ¹⁾.

Теперь можемъ перейти къ опредѣленію соотношенія между русской формой *ло*—*лз* и ея инорусскими эквивалентами. Мы сдѣлаемъ осмотръ славянскихъ нарѣчій, какъ это мы сдѣлали въ первой главѣ.

2.

Польскій языкъ, предлагаетъ слѣдующія формы для словъ русской семьи *блѣха*: *рчла* (очевидно, метатезисъ изъ *рчла*, какъ показываетъ г. pl. *рлеш*, уменьш. *рлешка*), *клоѣ* (ворохъ соломы), *рлѣс* (*рлѣси*), *jablko* при *jabłón*, *jabłeczny*. Противень рус. *лотать* мнѣ неизвѣстенъ (*лукаѣ*, глотать, иного корня).

¹⁾ *Житецкій* «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нар.» 307.

Отношеніе *кѣос* и рус. *кѣока* ясно: оба слова тождественной вокализации. *Кѣос* дается еще изъ той поры языка, когда и польскій языкъ, подобно лужицкимъ, еще не успѣлъ подчинить категорію *к*—звука категоріи *ь*: другіе остатки изъ той же эпохи мы имѣли выше въ *chustka*, *ruk*, *mowa*. И съ точки зрѣнія звуковой, и съ точки зрѣнія позиціи вокала русская и польская формы взаимно покрываются. Тоже отношеніе между *плес* и *плоть*, съ тою только разницей, что русскому *о* отвѣчаетъ уже здѣсь *е*, т. е. слово изъ болѣе поздней эпохи языка, когда звуковая семья *о*—*х* смѣшалась съ семьей *е*—*ь*. Формы русская и польская тождественны, но старѣйшинство за русскимъ языкомъ: *х*, какъ *о*, старѣе *х*, какъ *е*.

Но рассмотримъ ближе положеніе слова *плес* — *плоть* въ польскомъ языкѣ. Рус. *плоть* и въ косвенныхъ падежахъ остается съ кореннымъ вокаломъ *о*: *плоти* и т. д.; но въ польскомъ языкѣ—иное явленіе: соответствующій коренной вокаль исчезаетъ, какъ скоро съ падежомъ появится какой нибудь вокаль въ падежномъ суффиксѣ, и слово остается объ одной морфѣ, какъ это было и въ прямомъ падежѣ—*плес*, род. *placi* и т. д. Здѣсь мы имѣемъ явленіе чисто польское: коренной вокаль = рус. *о*, старосл. *х*, если онъ позади *л*, исчезаетъ, коль скоро конструирующее значеніе кореннаго вокала въ однословномъ словѣ можетъ быть перенято другимъ вокаломъ. Но это явленіе не ограничено словомъ *плес*: мы его увидимъ и въ словахъ русскихъ сочетаній *ле*, *ро*, *ре*, т. е. всякій разъ, когда вокаль въ русскомъ языкѣ слѣдуетъ за плавнымъ: *слеза*. *клену*. *плевать* = *łza* (въ старину *slza* и *sleza*). *клене*. *плываѣ*; *бровь*. *дрова*. *дрожать*. *кровь* = *brwa*. *drwa*. *drzeć* («reka drży z trwogi» *Słowacki*). *крываѣ*; *спрема*. *спрема*. *хребета* = *grzmięć*. *trwoga*. *grzbiet*. Явленіе, повторяющееся правильно при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, необходимо признать закономъ, въ разсматриваемомъ случаѣ—опущеніе кореннаго вокала послѣ *л*, *р* въ польскомъ языкѣ въ такихъ словахъ, какъ *плес*, стар. *chrzbiet* (ваш. *krzebt*), закономъ языка, и законъ этотъ съ древнѣйшихъ памятниковъ. Этотъ выводъ намъ крайне необходимъ для опре-

дѣленія соотношенія русск. *блоха*, *яблоко* и пол. *pschła*, *jabłko*. *Pschła* изъ *plcha* прежде всего; если вспомнимъ затѣмъ законъ замѣненія *o*—*z* въ польскомъ языкѣ и польскій законъ сокращенія вокализма, то и *plcha*, и *jabłko* необходимо предполагаютъ древнѣйшіе для себя формы: *plcscha*, *jabłeko*. Но эта древнѣйшая ступень еще не забыта и теперь языкомъ: на ней стоятъ умен. *pleszka* и прил. *jabłeczny*.

Итакъ, если *клокз* = *klóc*, *блоха* = *plcscha*, *плоть* = *pléc*, т. е. послѣдовательность звуковая совершенно иная, чѣмъ при сочетаніи *ол*, *ол* и въ то же время тождественна русской, то отсюда само собой ясно, что и польскій языкъ различаетъ двѣ формы старослов. сочетанія *лз*, а не только русскій, и русская форма основная для польской, такъ какъ *z* = *o*, и только позже = *e*.

Въ доступныхъ мнѣ памятникахъ стараго польскаго языка я не нашелъ нужныхъ мнѣ указаній: въ глосаріѣ у Бодуэна («О древне-польскомъ языкѣ») выраженіе грамоты *Belchowe* отнесено къ *блах*; но или въ грамотѣ описки (если не въ изданіи), или слово должно быть объяснено иначе.

3.

Языкъ полабянъ (въ обширн. смыслѣ: поморяне, лютичи и др.), столь близкій къ русскому въ вокализации сочетанія *ол* — *лз*, являетъ ту же близость и по отношенію къ сочетанію *ло* — *лз*, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ немногихъ примѣрахъ, которыя мы могли найти въ памятникахъ. Въ латинскихъ, грамотахъ: *клокз* = *clocsewitzze* (*Fabricius* № 450) *clockkouwe*, теперь *Klockow* (*Klempin* въ геогр. указ. в. v.); слово *клобуки* = *clubichziz*. *clobutsew* (*Hasselbach* № 35. 162) не идетъ въ счетъ, ибо *o* послѣ *л* во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ. Въ памятникахъ XVII—XVIII в. собственно полабскихъ: *блоха* = *blacha*, *placha* (*Pfuhl*. «Čas. serb.» 1864. 195. 156). Принимая во вниманіе, что въ полабскомъ языкѣ рус. *o*—*z* отвѣчаетъ чаще всего звукъ *a* (*вошь* = *wahs*. *мѣшокз* = *mehsak* ib. 195); что

это *a* выражаетъ собственно промежуточный звукъ между *o* и *a*, какъ это ясно не только изъ мѣны восточнаго *wolk* на *wauk* на западѣ, но выраженіе пѣсни *daugen roat* (ib. 106) указываетъ и самую промежуточную форму *oa*,—люнебургское *blacha* есть органическая замѣна древнѣйшей формы *blocha*. Что это такъ, мнѣ достаточно сослаться еще на словарь Пфэффингера, гдѣ мы читаемъ: «*une ruse, floh, blóca*» (ib. 129). Итакъ, рус. *ло-лз* = *lo, la* на почвѣ языка прибалтійскихъ славянъ.

Для остальныхъ словъ семьи *блоха* я не нашелъ указаній: но если слова *блоха, клокс* звучали въ этой русской формѣ и въ устахъ балтійскаго славянина, то аналогія позволяетъ заключать, что и остальные слова семьи *блоха* жили съ той же, чисто русской вокализацией.

4.

Въ нижнелужицкомъ мы имѣемъ немного словъ семьи *ло*: *блоха* — *rcha. лотать* — *klokaś. яблоко* — *jabłiko (jabłoi и jaboiń)*.

Для сочет. *ол* языкъ зналъ формы: *oł, eł, il*; если-бы для него были безразличны слова сочетаній *ол* и *ло*, какъ этого требуютъ по отношенію къ старословенскому языку, то и для словъ семьи *блоха* мы имѣли бы тѣже, или, по крайней мѣрѣ, одну изъ указанныхъ формъ сочетанія *ол* — *лз* на почвѣ нижнелужицкаго языка: но этого нѣтъ. Напротивъ, сочетаніе *ло* является въ русской формѣ въ словахъ *klokaś* и *jabłiko (jabłoi)*, и слово *rcha*, сближаясь съ польской формой того же слова *rchla* изъ *rłcha*, свидѣтельствуетъ, что и нижнелужицкая форма для слова *блоха* есть также послѣдній результатъ измѣненія основной формы *blocha*, т. е. законъ вокальнаго сокращенія, дѣйствующій въ польскомъ языкѣ по отношенію къ сочетаніямъ *ло* — *ле, ро* — *ре*, имѣетъ мѣсто и въ области нижнелужицкаго языка. Дѣйствительно, закона сокращенія кореннаго вокализма нельзя не видѣть въ нижнелужицкомъ языкѣ: сравнимъ рус.

клену и луж. *roklni* (*Jacubica Ls. XI 21*, теперь *kleju* отъ темы *inf.*). *дрожать*—*drsatecz, drsacshe* (ib. XIV 33, V 33, теперь *dzas*), *кровь* «to ie moja *krwey*» (ib. XIV 24), теперь *kšej, kšwi* и т. д. Въ виду этого тождества явленій польскаго и нижнелужицкаго вокализмовъ, форма *рша* — *блоха*, есть сокращеніе, подобно пол. *ршла*. Но съ какой вокализацией жило слово *рша* до своего сокращенія: *рлеша* или *рлосха*?

Принявъ во вниманіе, что з обоими лужицкими нарѣчіями понимается, какъ эквивалентъ *о*, а не *е*, какъ это было видно въ словахъ семьи *ол*, и даже въ двухъ словахъ семьи *ло*: *клокаś, jabłuko*; что измѣненіе *о* на *е* въ сочетаніи *ол* въ исторіи нижнелужицкаго языка есть фактъ болѣе поздній; что полабскія нарѣчія, сохраняя сочетаніе *ол*, имѣютъ *ло*; что даже въ области польскаго языка сохранилась память о нѣкогдашнемъ *о* въ сочетаніи *ло* — *лз*; я не могу не заключать, что форма, стоящая непосредственно за спиной слова *рша*, была *рлосха*, т. е. *блосха*, а не *блеша*. Другими словами, мы получаемъ таковой рядъ: *рша, рлеша, рлосха, блосха*.

Итакъ, различеніе обоихъ русск. сочетаній *ол* и *ло*, при чисто русской вокализациі формы *ло* (*клокаś, рша* изъ *блосха, jabłuko*), есть такое же исконное достояніе лужицкаго языка, какъ и русскаго. Этимъ фактъ различенія и вокализациі сочетаній *ол* и *ло* русск. языка, возводятся къ эпохѣ, предшествовавшей выдѣленію слав. нарѣчій сѣверо-восточной половины славянства изъ ихъ первичнаго состоянія протнческаго безразличія.

5.

Верхній лужицкій языкъ предлагаетъ тѣже формы для словъ рус. сочетанія *ол*—*лз*, что и нижній: *вка* (*рша. тка*), *jabłuko* (*jabłoń*). *Клок*—стрѣла близко къ рус. *клок* по формѣ, но не по значенію. Корень *глот* исчезъ изъ языка, вѣроятно, не безъ вліянія весьма близкаго по формѣ и значенію нѣмецкаго слова *schlucken*: въ луж. *lunk* = *глотокъ* изъ нѣм. *schluck*. Тож-

дество формъ обонхъ лужицкихъ языковъ позволяетъ заключать, что только что сказанное объ образованіи нижнелужицкой формы *рcha* изъ *blocha* съ одинаковымъ правомъ можетъ быть примѣнено и къ верхнелужицкому языку: его *bka* изъ *blocha*, его вокализация сочетанія лз — ло тождественна русской.

Мы обошли сѣв. вост. половину славянскаго міра и нашли, что вокализация русскаго языка въ вопросѣ о формѣ сочетанія лз — ло обща для всѣхъ языковъ этой половины: соч. лз — ло искони отлично у нихъ отъ соч. лз — ол, а если это различіе потеряло гдѣ ломку, — эта ломка есть результатъ позднѣйшей исторической жизни даннаго языка, его индивидуализаціи, за спиной которой еще довольно ясны и осязательны образъ русскаго сочетанія ло — лз. Разница между рус. словомъ *блоха* и лужиц. *bka* опредѣляется болѣе устойчивымъ, консервативнымъ характеромъ одного языка (русскаго) и болѣе прогресивнымъ, индивидуализирующимъ другаго (лужицкаго); но въ существѣ дѣла оба языка тождественны. Само собою понятно, что этотъ выводъ простирается и на посредствующіе члены между *блоха* и *bka*.

Тотъ же результатъ мы получили, когда разсматривали рус. сочетаніе ол — лз, съ точки зрѣнія каждаго изъ языковъ основной половины славянства. Дѣлить языки по степенямъ родства, по образу родословнаго древа нельзя съ точки зрѣнія сочетанія ло — лз: ихъ можно различать по степени индивидуализирующей дѣятельности каждаго изъ нихъ въ его исторической жизни, другими словами, по мѣрѣ приближенія къ русскому языку или отдаленія отъ него.

б.

Въ современномъ чешскомъ языкѣ мы имѣемъ слѣд. формы словъ семьи *блоха*: *blecha*, словац. *blcha* (т. е. *bylcha*). *hltať*. *kloček* (*klok*). *pleť*. *jablko* (при *jabloň*), т. е. сочетанію ло — лз отвѣчаютъ формы: *le*, *l* (*yl*), *lo*, при чемъ *le* и *l* мѣняются по нарѣчіямъ. Форма *lo* тождественна русской; въ формѣ *le* чехъ

расходится съ русскимъ въ вокализациі, но согласенъ въ позиціи вокала—вокаль *послѣ l*.

Принимая во вниманіе, что русскому *о—х* на почвѣ собственно чешскаго языка отвѣчаетъ звукъ *e*, форму *le* можно непосредственно связывать съ русской *ло*, какъ напр. чешское *sen* и словацко-рус. *sonz*, при чемъ само собою подразумѣвается, что вокализациа русскаго сочетанія первичнѣе. Но противъ этого отождествленія говоритъ словацкое нарѣчіе, которое чеш. формѣ *le*, на мѣстѣ рус. *ло*, противопоставляетъ форму *l* (*al*), т. е. ту глухую форму, которая является обычнымъ законнымъ представителемъ рус. сочет. *ол—лз*, которая извѣстна и чешскому языку въ *hltaŕi*, *jablko*, въ слѣдствіе чего возможно заключать, что для чешскаго языка сочетанія *ол—лз* и *ло—лз* были безразличны, а звукъ *e* въ *blecha* есть «вставка», не имѣющая ничего общаго съ рус. *о* въ *блоха*. Возраженіе словацкаго нарѣчія находитъ поддержку въ старочешскомъ языкѣ: глухая словацкая форма для словъ *блоха*, *плоть* извѣстна и ему. Такъ *blssan*, *blssany* = въ лат. переводѣ *pullices* (*Tingl. Libri conf. I 8. II. 74. 77*); *plŕ* = рус. *плоть* (см. словарь Юнгманна), хотя *wŕŕie pleth* (легенда XII апост. «Čas.» 1847 IV 39. 295).

Но дѣйствительно-ли *e* въ *blecha*, *pleŕ* «вставка», и словацкая вокализациа имѣетъ первенство предъ чешской?

Правда, для основъ *лот*, *яблок* мы имѣемъ въ старомъ языкѣ только глухую форму *yl*: *pohlŕeni* (ps. glos. 127 a). *pohltime*, *pohlŕiny*, *pohlŕenu* (ps. stem. 246. 516. 896); но мы не должны упускать изъ виду слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Въ суффиксѣ слова *jablko* вокаль долженъ быть послѣ *l* безспорно, какъ показываетъ другое слово того же корня—*jabloŕ*.

2) Уже старый языкъ имѣлъ *pleŕ*.

3) Словацкое нарѣчіе при формѣ *blcha* имѣетъ и форму съ вокаломъ послѣ *l*, и именно вокаль *u* = вариациа *o* (*ж*): *blucha*, *bluchavi* (по говорамъ см. словарь Вернолака).

4) Что словацкое *blucha* вм. *blcha*, чеш. *blecha* можетъ притязать на прямую, непосредственную связь съ рус. *блоха*, при

общемъ для русск. и словац. языковъ равенствѣ: $x=0$, показывають чеш. слово *klok*, *kloček*, только въ этой формѣ известное ~~языку~~, и абсолютно тождественное русск. *клокъ*.

5) Приоритетъ словацкой вокализации и вообще глухой формы для рус. соч. *ло* — *лз* тѣмъ сомнительнѣе, что въ чешскомъ и особенно въ словацкомъ нарѣчїи сильно влїяетъ на измѣненіе первичной формы слова, если въ немъ будетъ сочетание *l*, *r* + *vos.*, законъ перевода этого сочетанія въ глухую форму *l*, т. е. *ул*.

Такъ въ чешскомъ языкѣ: *blebtati* и *blbotati*. *blekotati* и *blkotati*. *bleskot* и *blskot*. *blevati* и *blvati*. *klika* (клюка) и мор. *klě*. *klouk* и *klk*. *plechač* и *plchač*. *plhavý* и *plhavý*. *plivati* и *plvati* и мн. другихъ. Основа *hřeb* (*требсти*), отсюда: *rohřbiti*, *hřbitov* (кладбище), при *rohřeb*; таже, но усиленная основа — *hrob*, но «w hrobě *hřbělo* (Mastičkař. Výbor liter. české» I. 79) *chrakati*, но *ochrkel* (Auswurf). *okres*, но *okrslek*. *okružek*, но *okržel*. *skřehtati*, но *škrhati*. старое *tepruv* — теперь *teprv*.

Этотъ переводъ знакомъ уже старому чешскому языку: *v blesketu* (ps. glos. 137. a). *blizkota* (Mat. verb. 123). *blyzskothy* (лег. XII ап. «Čas». 1847 III 33); но *przi blzsketu* (ib. I 32). при ас. *zilzi* (Mat. verb. 168), gen. *llez* (ps. elem. 96 a; пассив праж. ун. 6. № XVII E 8 1 b), abl. *llyzamy* (ib. 2 a), но *zylz* (alex. mus. № I. I a).

Въ словацкомъ: *blti* и *blvati*. осн. *brod*, *brd*, *brdniti* (*vadare Brnolák*. Ср. «len *vybr'dol*» у *Skultety* «Povesti». 134). осн. *bron*, но *brna* (=броня). *hluboki*, но *hlboki*. *klkotač*, но *klkotač*. *klub*, но *klb*. *mleko*, но *ml'ko*. осн. *plov*, рус. *плы-ть*, но *plwač* (*Bernolák*). осн. *плот*, откуда у всѣхъ славянъ *plot* = р. *плотъ*, но словакъ сдѣлалъ изъ этого слова *plč*; въ чешск. *plot* только заборъ, но въ старомъ языкѣ при *plč*, *plet* еще бытовало слово *plot*; у Юнгманна (III 115) подъ *plet*: «rates connexae invicem trabes, Mat. verb. rates, classes... in MS. 1448 p. ult. inter alia verba cum significato bohémico occurrit: quam classem, kteru *plot*, toczyz mnozstvy lody».

Итакъ мы видимъ, что нарѣчія языка чешской вѣтви, и особенно восточныя, съ охотой переводя сочетаніе: *cons + l*, *r + voc.* (съ любымъ вокаломъ послѣ *l*, *r* — *e*, *i*, *o*, *u*, подвижнымъ или неподвижнымъ т. е. этимологическимъ) на сочетаніе *cons + y + l*, *r*, подводятъ массу сочетаній подъ одинъ шаблонъ — исторической чешской формы для русск. сочет. *ол — лз*. Въ виду этого общаго и широко охватывающаго языка явленія, генетическій приоритетъ словацкой и старочешской формъ *blcha*, *plĕ* предъ современнымъ чешскимъ *blecha*, *pleĕ* не можетъ не быть заподозрѣнъ; а если бытуеетъ въ одномъ изъ нарѣчій чешской вѣтви звучная вокализация соответствующихъ словъ, а она бытуеетъ въ *blecha*, *pleĕ* съ одной стороны, въ *blucha*, *klok*, *jablŏn* съ другой — условно или абсолютно тождественная русской и славянской сѣверовосточной половины: естественно считать эту звучную форму указателемъ глубокой старины, изъ нея вывести глухую *l* (*sl*), по аналогіи *plot* — *plĕ*. Заключение это находитъ поддержку, какъ въ несомнѣннымъ данныхъ самаго языка чешскаго и его словацкаго нарѣчія, такъ и въ примѣрѣ языковъ основной половины славянства, какъ это мы видѣли выше. Въ такомъ случаѣ, для чешскаго языка вѣстѣ съ его словацкимъ нарѣчіемъ не безразличны слова семьи *ло — лз* и *ол — лз*: различая обѣ семьи и сохраняя свѣжую память объ исконномъ различеніи ихъ, чехъ если и смѣшалъ обѣ семьи, то только отчасти и позже, подчинивъ свою форму русскаго сочетанія *ло — лз*: *lo* или *le* своей обычной формѣ для сочетанія *ол — лз* — формѣ *l* (*sl*), послѣ того какъ языкъ выработалъ новый фонетическій законъ — переводъ всякаго сочетанія *l*, *r + voc.* (*e*, *i*, *o*, *u*) въ глухое сочетаніе *l* (*sl*): тогда необходимо должны были совпасть (и совпали) слова семьи *ол — лз* съ словами семьи *ло — лз*. Такъ основа *gлот*, а эта форма въ виду между проч. латин. *de-ghut-ire* получаетъ значеніе дославянской, съ теченіемъ времени приняла форму *гълт*, *hlt*.

Что касается ближайшей причины перевода любого сочетанія *l*, *r + voc* (*i*, *e*, *o*, *u*) на сочетаніе *з + l*, *r*, то мы должны искать ее въ обычномъ всѣмъ слав. языкамъ развитіи

при стеченіи консонанта съ плавными *l*, *r* паразитнаго звука (*креста* и *карст*, *карст*), въ симпатіи чешско-словацкаго языка къ этому паразитному вокалу, который постепенно вытѣснилъ и коренной вокаль, не безъ вліянія ударенія *перваго* слога, столь любимаго языкомъ. При небольшомъ числѣ словъ семьи *блоха* и весьма значительномъ—семьи *волка*, тѣмъ легче чешская форма для рус. *ол* подчинила себѣ чеш. формы сочетанія *ло*: *lo*, *le*, хотя, какъ всегда бываетъ, новый порядокъ вещей не успѣваетъ вытѣснить, выбить всецѣло старыи: память о русской формѣ *ло* сочетанія *лз*—*ло* въ области чешскаго языка живетъ доселѣ, и память съ одной стороны изъ эпохи донсторической, общеславянской, когда *з* въ значеніи *о* былъ общимъ достояніемъ всѣхъ слав. языковъ, въ словахъ *klok*, *jablón*; съ другой—изъ эпохи специально чешской, когда *з* уже отождествился съ звукомъ *e*: *blecha*, *plet*. Но словацкое нарѣчіе осталось при старинѣ: у словака, какъ и русскаго, *о* стоитъ на мѣстѣ *з*: поэтому совершенно понятно, что рус. *блоха* могло сохраниться въ словацкомъ нарѣчій лишь въ формѣ *blucha* (*blocha*), и никогда въ чешской формѣ *blecha*.

На почвѣ исторіи языка чешская вокализация старослов. сочет. *лз*—*ло* тождественна русской: основа ея—вокализация русская; ея формы *le*, *l* суть варианты основной формы *lo*—*ло*; *le*—болѣе старыи вариантъ, *l*—болѣе новыи.

7.

Переходя къ словенцамъ съ кайкавцами, припомнимъ, что рус. сочет. *ол*—*лз* осталось не тронутымъ въ языкахъ этой группы, не смотря на то, что *з* проявляется у нихъ то въ видѣ *о*, то въ видѣ *e*. По примѣру полабскаго языка, гдѣ *wouk* и *blocha*, мы ожидали бы и въ словенскомъ того же различенія двухъ категорій старословенскаго сочетанія *лз*: *ol* и *lo*; но этого нѣтъ—въ языкѣ едино господствуетъ форма *ol*: *bolcha*, *golčati*, *polčt*,

jabolko ¹⁾). Но такъ какъ сочетаніе *ol*, по говорамъ, легко мѣняется въ *u* (*ou, u*), отсюда вторая форма для словъ семьи *lo* — *u* въ кайзавскомъ переводѣ новаго завіта 1730 года вездѣ *u*; въ сказкахъ, собранныхъ Валявцемъ у Вараждина, также *u* (*zagutit* р. 91). Но *o*, въ свою очередь, переходитъ въ *u*; отсюда третья форма — *ul*. Въ небольшомъ резьянскомъ нарѣчьи соединяются всѣ три формы: *bolcha. búcha. hult* (глотокъ) ²⁾. Наконецъ, какъ въ чешскомъ *ol* дало *al*, такъ и въ старомъ словенскомъ было стремленіе образовать подобную же глухую форму: мы имѣли выше *velk* вм. *volk*, гдѣ *el* = > или < *al*; по образцу *velk* развилась форма *pekt* изъ *poht*. Если же *el* понимать какъ результатъ усиленія глухого звука *v* въ *e*, то тогда форма *el* — дальнѣйшее развитіе глухой формы *al* (ср. *p̄arst* и *perst* выше).

Въ старомъ языкѣ, на сколько мы можемъ услѣдить за нимъ, тѣже формы: *ol* при *ul* и *al* (*el*). Если справедливо, что мадьяре славянскою частью своего языка обязаны главнымъ образомъ языку западныхъ словенцевъ, отъ которыхъ вмѣстѣ съ словами они заимствовали и знакомство съ предметами (и теперь центр тяжести мадьяръ — страна на-право отъ Дуная — земля блатенская Коцела), то конные дикари, не знавшіе, вѣроятно, до того блохи, вмѣстѣ съ блохой получили и слово для нея отъ покоренныхъ словенцевъ — IX—X в., а блоха по-мадьярски *bolha*, ум. *bolhãtska*. Слѣд. и словенецъ панонскій IX—X в., Коцель, говорилъ *bolcha*, а не *блоха*. Эта вокализациа рус. сочетанія *ло—лз* въ словенскомъ языкѣ того далекаго времени подтверждается фрейзингенскими отрывками, гдѣ находимъ: «*ese pulti ugongepige*» (II 22), по рутинной переписи Копитара *pulti* = пазти. Такъ какъ рус. сочетанію *ле—лз* отвѣчаетъ въ словенскомъ *ol*: *слеza* только въ зильской долицѣ *sloza* (т. е. *sleza*), вездѣ же *solza*, поэтому выраженіе тѣхъ же фрейзинг. отрывковъ: «*ni slzna te*

¹⁾ Изъ предшествующаго ясно, что *l=и* въ живой рѣчи — и только у жителей Joannisthal'я, Veit'а оно еще звучитъ по русски; *poht* теперь значитъ *кожа* (*Wolf* «Wörterbuch» 521).

²⁾ Бодуэнъ оп. с. 16. 65.

lese» (II 5) утверждает и за глухой формой *al* глубокую старину. Въ переводѣ нов. завѣта Далматина основа *лот*—*i'ьлт*.

Т. обр., для обоихъ сочетаній *ол* и *ло* русскаго языка въ словенскомъ — одна форма *ol*, съ ея законными вариациями. Но можетъ ли говорить это обстоятельство, это привилегированное положеніе формы *ol*, въ пользу того, что языкъ словенца и кайкавца всегда былъ чуждъ различенія двухъ русскихъ формъ старословенскаго сочетанія *лз*? По мнѣ, нѣтъ:

1) Этимологическіе слогі *ло*, *le* переходятъ въ сочетаніе *ol* слѣд. форма *ol* можетъ быть фактомъ изъ болѣе новой эпохи языка: осн. *лжб* въ слов. *glob* въ *globěti* = *immergi*, но *golbeće blato* (*Mikl.* «Лех. в. v. *лжбѣти*). осн. *кля*, праев. *клянж* = *kolnu*. *слеза*, зильск. *sloza* = *solza*. Ср. въ серб. *кун*, *кленз* = р. *кленз* ¹⁾). Еще чаще, популярнѣе переводъ сочетанія *г* + *вс* въ сочетаніе *вос*. + *г*: *strliti* изъ *streljati* (см. выше стр. 86).

2) Давленіе главной массы слав. нарѣчій: каждое отступленіе отъ рус. соч. *ло*—*лз* имѣетъ значеніе вариации формы *ло*, какъ нормы. Принявъ же во вниманіе указанный переводъ этимологическихъ словъ *ло*, *le* въ сочетаніе *ol*, (*ol*) и въ виду аналогіи другихъ слав. нарѣчій, естественно и словен. *ol* въ словахъ, гдѣ ему отвѣчаетъ рус. *ло*—*лз*, понимать, какъ вариацию нѣкогдашней формы *ло*—нормы вокализации. Этого требуетъ не только согласіе съ русскимъ языкомъ славянскихъ нарѣчій сѣвера, но и сравненіе русскаго языка съ языками ближайшаго и отдаленнѣйшаго родства, какъ увидимъ на своемъ мѣстѣ: рус. *лотать* отвѣчаетъ лат. *de-glut-ire*.

Могутъ замѣтить, что между формой *ol* и доисторической словенской *lo*, быть можетъ, лежитъ еще кака-нибудь промежуточная форма напр. *le*, такъ какъ на почвѣ словенскаго языка *ж* является адекватнымъ *е* (ср. въ кайкав. нов. завѣтѣ 1730 г.: *pochetek. szvetek. napiszek. razepnite. zdehnul. laket doteknul* и др. 21. 38. 53. 52. 94. 99. 100), и сочетаніе *le* даетъ

¹⁾ Далничъ «Основе» 135.

также *ol* (*кля*—*kolnet* см. выше). Но уравненіе $x = e$ —явленіе относительно новое, и чѣмъ дальше въ старину, тѣмъ необходимѣе различаемость $x—o$ и $ь—e$, какъ показываетъ общій ходъ славянскаго вокализма: поэтому, въ виду почти исключительнаго бытованія формы *ol* въ языкѣ, я полагалъ бы, что словенецъ, въ параллель этой формѣ, имѣлъ форму *lo*, а не *le* (*le*) на мѣстѣ рус. сочетанія *ло*—*лз*.

Что же касается ближайшей причины смѣшенія сочетаній *lo* (*lo*) и *ol* (*ol*), то это смѣшеніе могли вызвать различныя обстоятельства, и частныя, и общія.

Доисторическое словенское соч. *ol*, гдѣ и въ русскомъ языкѣ *ol*—*лз*, сохраняемое языкомъ во всей неприкосновенности въ теченіи всей его исторической жизни, является столь часто, въ столь значительномъ числѣ словъ, что немногія слова сочетанія *lo* легко могли подпасть притягательному вліянію первыхъ, и форма *lo* перейти непосредственно въ форму *ol*.

Съ другой стороны, при *l* въ сочетаніи *cons. + l + o + cons.* легко развивается поразительный звукъ, сначала глухой (пауза), потомъ *e* (ср. въ кайк. нов. зав. 1730: «*i videvfi ga genulze ie milofzerdnofzium*» 96, гдѣ паразитъ даже при стеченіи двухъ простыхъ консонантовъ): у Трубера вв. нын. *solza* еще нарѣчное *selza* (= р. *слеза*), а затѣмъ уже этотъ паразитъ или самъ собой (какъ въ совр. болгарскомъ: *свзза* — *солза*, *кълнем* — *колнем* и т. д.), или подъ воздѣйствіемъ сочет. *ol*, окрашивается въ *o*. Въ чешскомъ языкѣ, гдѣ рано затерялось соч. *ol*, и сочет. *lo* могло принять лишь глухую форму—*al* (*l*).

Так. обр. опредѣляется историческое значеніе рус. формы *ло* = *лз* въ словахъ семьи *блоха* и для кайкавско-словенскаго языка.

8.

Въ сербско-хорватскомъ языкѣ рус. сочетанію *ло* отвѣчаетъ вокаль *y* (*u*) (краткій или долгій): *буха*, *чутати*. *кук*. *пут*. *jabuko*, т. е. извѣстная намъ вторая діалектическая форма кай-

кавско-словенскаго языка. Въ словенскомъ языкѣ форма *и* непосредственно связывается и формой *ол*: *ои*, *ии*, *ѹ*; о формѣ *ло* потеряна всякая память. Для сербскаго языка мы можемъ допустить тотъ же процессъ образования *у* изъ *ол*, а это *ол* — болѣе поздній замѣститель древнѣйшей формы *ло*, при промежуточной формѣ *вл*, *ел*. Въ области сербо-хорватскаго языка мы находимъ также указанія переходной *вл*, *ел* формы: у хорватовъ *belha* = серб. *буха* (*Mikl.* «Lex.» s. v.); въ грамотахъ сербскихъ: *впелъченип* (Мон. Serb. 1249 г. № 39); ср. *кельнемо*, теперь *кунемо* (*Майковъ* 393), *клен* и *кун*. Въ старословенскихъ памятникахъ сербской редакціи мы встрѣчаемъ отступленіе отъ общепринятаго правописанія, именно постановку крючка направо отъ *л*: знакъ, что ухо сербскаго писца слышало вокаль на этомъ мѣстѣ. Такъ въ бѣлград. минеи XIII в.: *п'лтское*, *п'лъщесе* (см. тр. «отчетъ» 85). Въ виду *впелъченип* сербскихъ грамотъ, крючекъ минеи XIII в. естественно понять, какъ знакъ подразумѣваемаго глухаго вокала *е*. Ср. у Ю. Далматина слова семби *ло* то *л*, то *вл* — *ьлтало*. Но такъ какъ старому сербу не чуждо было и сочетаніе *ол*, то не невозможно, что писецъ минеи, ставя крючекъ предъ *л*, читалъ предъ этимъ плавнымъ чистое *о*, т. е. говорилъ, какъ говорить кайкавецъ или словенецъ — *полт* = *ролт*.

Въ старомъ языкѣ живеть, кажется, еще память о бытованіи сочетанія *ло* — *лз*, чего нѣтъ въ словенскомъ (*pulti* уже въ фрейз. отрывкахъ). Въ дубровницкой грамотѣ 1332 г. читаемъ: *с плькене* Исх Христа (Мон. Serb. № 85). Какъ понять сочетаніе *лу* въ словѣ *плькене* = рус. *воплощеніе*? Держась строго буквы, естественно это *лу* отождествить съ сочетаніемъ *ло* русскаго языка указаннаго слова. Что же касается *с* вм. *о*, то измѣненіе *о* въ *у* намъ хорошо извѣстно изъ жизни каждаго славянскаго языка, при посредствующей формѣ *уо*. Эту посредствующую форму между рус. основой *плот* и сербской *пльк'* (т. е. *плут'*) я нахожу въ босн. грамотѣ 1442 г.: *с* своимъ добромъ здравю *пзотю*. (Мон. Serb. № 341). Правда, здѣсь нѣтъ плавн. *л* предъ *зо*, такъ что выраженіе *пзотю* можно вес-

ти отъ основы *пволт* = словенской *rolt* (*rouit*), а не—*пвот*: но пропускъ *л* весьма простъ—ср. *кобаса*, *присоје*, и въ виду дубровницкаго *плькене*, я считаю болѣе вѣроятнымъ въ выраженіи *пвоту* видѣть пропускъ *л* на-лѣво отъ *со*. Ср. на *мбочно* (грамота № 125).

Если же *в* въ выраженіи *плькене* понимать, какъ побочную форму *ол*—*вл*: ср. въ грамотѣ 1339, *пльни* 1442—*испльните* и др. (см. выше), тогда мы должны отказаться отъ мысли, что старый сербскій языкъ хранилъ еще форму *ло* для сочетанія *лз* — *ло*, и судьба сербо-хорватскаго *у* (*и*) на мѣстѣ сочетанія *ло*—*лз* русскаго языка тождественна судьбѣ кайбавско-словенской формы *и* изъ *ол* (... *ло*).

9.

Памятники не даютъ указанія, какъ дако-славяне произносили слова русской семьи *блоха*. Но принимая во вниманіе, что соч. *ол* на почвѣ языка славянъ Трансильваніи являлось въ формѣ *al* (*полнз* — *palni*); что эта форма замѣщала и сочетаніе *l + vos* (*le*): *βα kalnat* = *квл-ж*, т. е. *кленж. βaltze*—*слеза* (*Mikl.* ор. с. ХLI. ХХII); что, какъ показываетъ исторія словенскаго и сербскаго языковъ — югославянской группы, сочетаніе *ol* поглощаетъ въ себя соч. *l + vos* (*lo, le*), т. е. навязываетъ ему свою форму, а въ дакославянскомъ сочетаніи *l + vos* имѣетъ общую форму съ сочетаніемъ *ол* форму *al*, я полагаю, что и въ дакославянскомъ соч. *ло* въ словахъ семьи *блохи* имѣло форму *al*, слово *блоха* напр. звучало *balcha*, по крайней мѣрѣ, въ эпоху, отъ которой дошли до насъ памятники языка. Но въ эпоху болѣе раннюю слова семьи *блоха*, вѣроятно, имѣли иную форму. Это предположеніе я основываю на соображеніи слѣд. обстоятельствъ. 1) Румыны славян. часть своего языка въ извѣстной и значительной части заимствовали отъ своихъ исконныхъ сосѣдей — славянъ Трансильваніи, которыхъ они и поглотили; но у нихъ слова семьи *ло* имѣютъ форму *вл*, а не *ал*: осн. *ллот*, но рум. *лвт collum. лвтлеж. ллтман*, слѣд. *ллот* = *ллт*;

осн. *клок*, рум. *кълуй* = *кълк*. 2) Это указаніе румынскаго языка на возможную форму *ал*, какъ на предшественницу формы *al*, подтверждается общимъ историческимъ ходомъ славян. нарѣчій: постепенно усиливая свой вокализмъ, глухая форма *ал* даетъ въ своемъ послѣднемъ развитіи *ал*, ср. *кърв* и *карв*.

Безъ указанія румынскаго языка, форму *al* можно понимать, какъ легкую вариацию формы *ol*, какъ это мы видѣли въ полабскомъ, въ живой рѣчи великорусской, т. е. былъ моментъ (непосредственно предъ вокализацией формы *al*), когда вокализациа дакославянская была тождественна словенской. Но при формѣ *ал* въ румынскомъ на мѣстѣ рус. соч. *ло* — *лз*, при особенно частомъ возникновеніи этой формы изъ соч. *l + vos* (вспомнимъ чешскій, словацкій, кайковско-словенскій, старо-сербскій языки), непосредственно предшествовавшая фаза для предполагаемой дакославянской формы *al* была бы скорѣй форма *ал*, сохраненная румынскимъ языкомъ, а не *ol*, а это *ал* развилось изъ сочетанія *l + vos*. То есть, формы *ал*, *al* на мѣстѣ рус. сочетанія *ло* — *лз* вышли бы изъ соч. *l + vos*; древнѣйшая вокализациа румынскихъ основъ *алт*, *калч*, что касается позиціи вокала, была бы тождественна русской, а судя по аналогіи другихъ славянскихъ нарѣчій, она былабы равна ей и въ качественномъ отношеніи.

Если, наконецъ, справедливо чтеніе у Миклошича *platze* (= *сълнце*), а копія Миклошича, вѣроятно, не безъ ошибокъ: напр. у Mikl. *verme*, но въ пештской рукописи *vreme* (III 1), то, можетъ быть, при выводимой по аналогіи формы *al* на мѣстѣ русскаго *ло*, бытовала и форма *la*, какъ это въ современ. болгарскомъ: *balcha* = *blacha*. Но какая бы форма ни бытовала въ языкѣ славянъ Трансильваніи — *al*, *al*, *la*, всё онѣ, въ виду аналогіи другихъ нарѣчій, вариации основной — *ло*: *balcha* изъ *блѡха*.

10.

Мы видѣли, что болгарскій языкъ въ словахъ рус. семьи *ол* если и сохранилъ, то сохранилъ довольно слабое воспоминаніе

о русской вокализации сочетанія *ол* — *лз* : онъ затемнилъ вокаль предъ *л* и далъ цѣлому сочетанію новое развитіе, свободно мѣняя позицію вокала, ставя его то на-право, то на-лѣво отъ *л*, но съ предпочтеніемъ перваго способа — *сълнце*, *слѣнце*. Это предпочтеніе вполне естественно при склонности языка даже несомнѣнному сочетанію *l + vos* давать глухую форму *вл*, *ал* : *двлбоки*, *далбоки*. *квлаетъ* корень *клю* (*Верковићъ* «Пѣсне» 332) и т. д. Понятно, при такомъ состояніи языка, когда каждое слово сочетанія *ол* можетъ имѣть то форму *вл*, то *лѣ* (*ло*, *ла*)¹⁾, мы лишены возможности быть увѣренными, что если болгаринъ слова сочетанія *ло* употребляетъ въ той же послѣдовательности, какъ и русскій, съ вокаломъ послѣ *л*, то эта послѣдовательность непремѣнное свидѣтельство о тождествѣ вокализации болгарской и русской въ словахъ семьи *блоха*. Болгаринъ говоритъ: «от *блѣха* кожа пѣдно» *поглутнет*, *поглутна* (*Верк.* 126. 231, ср. *лобок*, — *бина*. *далбоко* море); но: «*болфа* кука метеше» *юлтнам*, *поюлтна*, *юлтни* (*Миладин.* р. 22. 271. 280 и др. *двлбокъ*, *долбок* и др.).

Въ памятникахъ стараго языка также двойственность для словъ семьи *ло* — *лз*:

1) *лз* (*л*): въ *плтѣ* (слѣпч. ап. 71 а). *влцег* (тріодъ у Шафарика въ Бѣлградѣ 6 а и др.).

ал: «неговата *палтѣ*» (рук. Григор. № 65. 95 а).

2) *лз* — обычное правописаніе рукописей. *плт* и *крѣвъ* (рук. Григ. № 29. 40 в). *погльне* (р. Григор. № 63 120 а). Ср. *планъ* = *планъ*. *хламъ*, *хлымъ* = *хляма* (*Mikl. Lex. Востоковъ* «Словарь»), въ памятникахъ XIII — XIV вѣка. *Ѡ слезъ*. (тріодъ у Шаф. 139 в). *слаза* падеть (*Starine* VI 47).

Въ виду этой невозможности и въ памятникахъ стараго языка найти средствъ къ разрѣшенію вопроса — зналъ-ли языкъ въ историческую эпоху своей жизни форму *ло* — *лз* въ словахъ рус. семьи *блоха*, только аналогія другихъ слав. нарѣчій, особенно нарѣчій сѣвера, различно поведшихъ слова рус. сочетаній *ол*—*лз* и *ло*—*лз*, позволяетъ заключать, что и болгарскій языкъ

¹⁾ Въ одной и той-же пѣсни у Миладиновцевъ: *солце* и *слонце* (р. 254).

въ вокализациі словъ семьи *блоха* не отступалъ отъ русскаго языка—онъ различалъ сочетанія *ол* и *ло* и только позже (хотя и очень рано) подчинилъ сочетаніе *ло* формамъ сочетанія *ол*. Это исконное различіе вокализациі въ словахъ семей *волкъ* и *блоха* тѣмъ необходимо, что болгарскій языкъ, какъ и русскій, строго различалъ—въ старину—сочетанія *ро—ре = рх* отъ сочетаній *ор—ер*—тому же *рх*—вокализациі обоихъ языковъ въ этихъ сочетаніяхъ взаимно покрывались. Яснѣе это будетъ во второмъ отдѣлѣ нашего труда, а пока ограничимся нѣсколькими указаніями: прѣсты *окровави* (Октоихъ Амфил. р. 48). *кровь*, (деч. сб. XIV в. «Отчетъ XV увар. нагр.» 278); *кровз* (Венецкии «Грамоты» р. 79). жрътва чѣдна и без'крѣнама (рук. Григоров. № 64 л. 139 в.) при *крѣзз* свою (141 а); *вскресеніе*. *савскресомъ* (Окт. Амф. 4. в.) *бре'ными* оусты (Минея Григор. № 32. 106 в.) *скрѣжег* (деч. сб. Отч. 281). *крестичь*. *окреста* местомъ (Венел. 233. 287 при *окреста* 282). Можетъ быть, въ формѣ *лу* въ выраженіяхъ пѣсенъ Македоніи: *поглутнеш*, *поглутна*, при извѣстной мѣнѣ *о — у*, кроется память еще теперь о сочет. *ло—лх*.

Удобный поводъ къ подчиненію соч. *ло* формамъ соч. *ол* заключался въ новыхъ условіяхъ, выработанныхъ языкомъ для жизни всякаго сочетанія *л, р + нос*: онъ переводилъ его въ соч. *з (о) + л, р*. Переводъ этотъ ведется изстари: *глубина* въ бонон. псалт. осн. *глуб* (въ норв. стих. XII в. *глубинж*. Срезн. «Юс. пам.» I. 67). *храборьски* (Минея XIII. Григ. № 32). *храбор'ство* (Минея XIII. Григор. № 33. рецѣ и *ръды* и *рамена* (сбор. 1636. «Отчетъ XV увар.» 287), и чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ развивался сильнѣе, а теперь онъ общее явленіе—*ср*. выше, гдѣ была *рѣчь* о паразитной вокализациі.

Памятники старословенскаго языка имѣютъ одно общее начертаніе для рус. сочетаній *ол* и *ло* — *лх* (*лъ*). Правописаніе

лз = рус. ол есть искусственный приемъ, не выражавшій факта языка: влзкз или волкз, или влзкз. Тождественность правописанія позволяетъ полагать, что начертаніе лз въ словахъ семьи *блоха* — клзха выражало или соч. ол, или соч. зл. Если старословенскій языкъ есть, что вѣроятнѣе, языка словенцевъ Паноніи IX—X в., то фрейзингенское *pult*, мадьяр. *bolha* говорятъ въ пользу того, что слова какъ клзха, пазть выговаривались *болха*, *полтъ*, а мѣна з — о слишкомъ знакома и въ памятникахъ самой чистой крови. Если же языкъ старословенскій имѣетъ генетическую связь съ языкомъ старыхъ болгарь, то взаимный обмѣнъ сочетаній зл — лѣ (*злѣт* — *лѣт*), извѣстный и въ современномъ языкѣ, и въ старомъ, вынуждаетъ насъ читать начертаніе клзха или *бѣ'лха*, или *блѣ'ха*. За первое чтеніе говорятъ, какъ описки, напр. *пѣлти* въ макед. листкѣ Экзарха, XI в. (*Срезн.* «Пам. юс. п.» I 42), такъ и весьма не рѣдкій пропускъ з: *пѣлти* (слѣщ. ап. и др.).

Но словенскаго-ли происхожденія языкъ славянской церкви, или болгарскаго, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ основѣ словъ семьи клзха лежитъ русская форма ихъ съ сочетаніемъ ло — лз. Это — требованіе языковъ сѣверной половины славянства; этого требуетъ сравненіе славянскихъ языковъ съ языками — родными, близкими и далекими. Наконецъ, это положеніе естественно въ виду отношенія старословенскаго языка къ русскому въ разсужденіи рус. сочетаній *ро*, *ре* = рз словенскихъ рукописей: если онъ въ этихъ сочетаніяхъ тождествененъ русскому — кровь, крестъ въ клицевой глаголитъ и др. памятникахъ тогоже возраста, не смотря на правописаніе рз, общее, какъ для этихъ сочетаній, такъ и для сочетаній *ор*, *ер*, — то послѣдовательность языка самому себѣ требуетъ признать, что при согласіи старословенскаго языка и русскаго, точнѣе — тождествѣ ихъ въ формахъ словъ, какъ крѣвъ, крѣстъ, существовало согласіе у нихъ и относительно произношенія словъ, какъ клзха, пазть: лз = ло, по крайней мѣрѣ, въ примитивную эпоху языка.

Такимъ образомъ, хотя въ языкахъ меньшей половины славянства и не вездѣ ясно видно исконное славянское различіе двухъ формъ сочетанія аз—ол и ло: неясность эта стоитъ въ связи съ раннимъ смятеніемъ стараго славянскаго вокализма на югѣ—уже въ старословен. памятникахъ смѣшиваются *xi—и*, *z—ъ*, — то тѣмъ не менѣе и современное состояніе указанныхъ языковъ, и смыслъ ихъ историческаго движенія не говорятъ противъ первичнаго различенія и ими двухъ русскихъ формъ сочетанія аз; въ виду-же несомнѣнныхъ указаній языковъ основной половины славянства и другихъ членовъ индо-европейской семьи, это различеніе должно быть признано какъ фактъ для всѣхъ языковъ славянской группы; смѣшеніе-же обѣихъ формъ (*ол—ло*) и затѣмъ подчиненіе формы *ло* формѣ *ол* объясняется изъ особеннаго историческаго развитія вокализма языковъ чешскаго и югославянскихъ. Русское *блоха* лежитъ въ основѣ *bleha*, *blōcha* и *буха*, какъ оно же въ основѣ *рchlа* и *tka*. Если русскій строго различаетъ формы *ол* и *ло*, то въ этомъ онъ сохранилъ память о старинѣ общеславянской, протѣнической, и языкъ формы *ло* — основа для другихъ славянскихъ нарѣчій: они различаются по степени приближенія или отдаленія отъ этого языка формы *ло*.

Мы только что упомянули о сочувственной поддержкѣ въ пользу общеславянскаго значенія формы *ло*=аз въ словахъ семьи *блоха* со стороны языковъ родственныхъ: нѣсколько указаній подтверждаютъ справедливость нашихъ словъ.

блоха. старопрусское *blusà* (*Nesselmann* «Thesaurus»); *x: s* = (малорус.) *прохаты*: *просить*. Ср. лит. *blake*, латыш. *blaktis* = клопъ. нѣм. *floh*, хотя Фиекъ («Wörterbuch» II³ 623) отвергаетъ связь. Принимаютъ въ сравненіе обыкновенно еще дат. *pullex* и гр. *φύλλα* (*Curtius* «Grundzüge»⁴ p. 377); но, кажется, ближе къ рус. *блоха* дат. *blatta* = клопъ (*Fick* op. c. I³ 685), а форму *pullex* можно разсматривать, какъ развитіе основы *ples*, съ паразитомъ.

глотать. нѣм. *schluck* (*sch* изъ *sk* ср. *schatz* изъ *skatz*, *schöne* — датск. *sköne*). дат. *de-glūt-ire* (*u* изъ *o* — *unus* изъ

oinos), *glútus* = *лтоокъ* (Фигъ неправильно *glútus* изъ * *gul-tus* I³ 563). Ср. *γλώσσα*, *γλώττη*.

кловъ. старопрус. *klunker* — «das, was von der noch einmal durchgehechelten Heede in der Hechel zurückbleibt» (*Nesselm.* «Thes.» 75).

плоть. лит. *plutà* — *kruste*, *rinde* (*Schmidt.* «Zur Geschichte» II 36, ср. слов. *połt* = *кожа*): нѣм. *fleisch* изъ *fleisc*. (Фигъ II³ 604, при своемъ примитивномъ знаніи славянскихъ нарѣчій, путаетъ слова *полсть* и *плоть*).

яблоко — аказко. сочет. *ло* не находитъ поддержки: старопрус. *woble* — латш. *obūlys*. нѣм. *apfel* изъ *aphel*, но по той простой причинѣ, что только *л* принадлежитъ корню *abl*, а *з* — первый членъ славянскаго суффикса *зк—ок*; *ло* = *лз* въ *яблоко* образованія этимологическаго, на спеціально славянской почвѣ, и потому оно случайно, но необходимо тождественно съ *ло*—*лз* въ *блоха*, *лтока*, *плоть*.

ГЛАВА III.

Послѣдовательность *ел* — *лз*.

1.

Въ параллель послѣдовательности или сочетанію *ол* русскій языкъ знаетъ сочетаніе *ел*—тамъ, гдѣ въ памятникахъ старословенскаго языка одно безразличное начертаніе *лз* или *лъ*. Слово сочетаніе *ел* — *лз* немного: *желвь* (*желвакъ*), *желна*, *желтъ*, откуда *желкнутъ* вм. *желтнутъ*, какъ показываетъ словацкое *žltný flavescere* (*Bernolák s. v.*), *желчь* (= *злчь* въ ассеман. супр., въ острож. *злчь*), *челна*; *шелка* иностраннаго происхожденія. Слова этой семьи имѣютъ предъ *е* небный звукъ — *ж*, *ч*, а это обстоятельство обуславливаетъ: 1) въ исторіи развитія славянскихъ нарѣчій относительную молодость сочетанія *ел*: сочетаніе *небный* (*ж*, *ч*) + *е* развилось необходимо изъ сочетанія — *гортанный* + *о*; ютація *о* съ одной стороны дала *е*, съ другой — перевела гортанный въ небный (шипящій). Формы гортанныя сохранились еще въ родственныхъ языкахъ: *желтъ* = лит. *geltas*. датш. *deltens*. нѣм. *gold*. ср. рус. *зол-о-то*; (*Фикс* устанавливаетъ литовскославянскій \sqrt{gal} II³ 551); *челна* = др. нѣм. *scalm-navis* (*Schmidt* «Zur Geschichte» II. 32). 2) Переходъ или усиленіе *е* въ *о*, какъ только на немъ стоитъ удареніе, въ большинствѣ языковъ.

Обратимся къ памятникамъ старорусскаго языка. Въ остромирѣ: *злчж*, *злчжж*. Очевидно, съ точки зрѣнія размѣщенія звуковъ правописаніе *лз* отголосокъ оригинала — *злз* указатель русской рѣчи дьякона Григорія. Такъ какъ *злчь* отъ основы *желтъ*, то въ русскомъ языкѣ XI вѣка мы ожидали бы ь послѣ *з*, но Григорій пишетъ *зл*, т. е. *зол*, а не *зел*. Чѣмъ же обу-

словлено правописание Григорія? *лз*, а не *ьл* показываетъ, что уже въ половинѣ XI стол. жило современное намъ произношеніе *ол* (*ел*) въ словѣ *желчь*—*зелчь*. Что касается двойнаго *л*, то объ немъ была рѣчь выше: оно могло возникнуть, не только изъ желанія соединить неясное правописание оригинала съ произношеніемъ соотвѣтствующихъ словъ русскаго писца, но изъ стремленія Григорія выдержать характеръ народной рѣчи: *злльчъ* = *золочъ*, какъ въ свят. изборникѣ 1073 г. *золоба*. Ср. выраженіе Григорія: *близкоу*; языкъ грамотъ сѣверозападной Руси; сборникъ напр. москов. общества XV.: *отостойтъ. отоба* (*Буслаевъ «Истор. Христ.» 155*) и др. памятники. Наконецъ, если бы не было свидѣтельствъ супр. рук., ассеман. еванг., то з вм. общерусскаго *ж* мы могли бы считать извѣстнымъ мазураканьемъ новгородскаго нарѣчія, — хотя общезвѣстностью свистящаго вмѣсто шипящаго въ словѣ *желчь* еще не исключается возможность новгородскаго вліянія въ острожировомъ *залчь*. Другихъ памятниковъ мы можемъ не касаться.

Не смотря на громадное географическое распространеніе русскаго языка, его сочетаніе *ел* — *лз* всюду остается неприкосновеннымъ. Въ области малорусскаго нарѣчія его не тронулъ законъ подъема *о, е* въ *і*; только *л*, какъ звукъ трудно произносимый, перешло въ *у* краткое: *жоути, чоуен* (въ Галиціи *чоуно*).

Мы упомянули выше, что въ старословенскомъ языкѣ, по общепринятому воззрѣнію, слова семьи *желтъ* не отличались, какъ въ правописаніи памятниковъ, такъ и въ своемъ звуковомъ значеніи, отъ словъ семей: *волкъ, блоха, слеза* — имѣя одно, общее съ словами этихъ послѣднихъ семей начертаніе *лз*, то есть, съ точки зрѣнія сочетанія *лз* = рус. *ел, ол, ло, ле*, произношеніе словъ: *жлхцъ, влхцъ, клхцъ, слхца* было одно. Но русскій языкъ чуждъ подобной монотонизаціи: на которой же сторонѣ правда праславянскій старины — на сторонѣ ли старословенскаго безразличія, или на сторонѣ русскаго различія? Что говорятъ другія слав. нарѣчія, стоящія между этими двумя — русскимъ востока и старословенскимъ югозапада? Существуетъ-ли для нихъ различіе

между словами семьи *ел* и словами семьи *ол*, *ло*, или иѣтъ? Если да, то какое? Доселѣ, съ точки зрѣнія сочетаній *ол*, *ло*, русскій языкъ являлся съ вокализацией основнославянской: не будетъ ли онъ съ тѣмъ же характеромъ и съ точки зрѣнія сочетанія *ел* — *лз*? Отвѣтъ такъ не труденъ, что напередъ просится: всѣ славянскія нарѣчія раздѣляютъ вокализацию русскаго языка, его сочетание *ел*, отличное отъ другихъ сочетаній *лз* съ весьма слабыми вариациями.

2.

Польскій языкъ имѣеть сочетание *ол*, на мѣстѣ рус. *ел*: *zółna*, *zółty*, *zółcé*, *zółw*, *szółn*. Что это *ól* (изъ болѣе стараго *ol*, о переходѣ *o* въ *ó* рѣчь выше) не имѣеть ничего общаго съ русскимъ *ол* въ *волка*, показываетъ одно то обстоятельство, что русское *ол* на почвѣ современно-польской, какъ мы видѣли, вызываетъ рядъ формъ, и только въ двухъ, трехъ основахъ хранить память о русской вокализации (*mówa*, *pułk*, *chustka*). Но вспомнивъ общее свойство языка, послѣ небныхъ, при удареніи, усиливать *e* въ *o*, необходимо предположить, что за формой *ол* въ *zółty* скрывается форма *el*, тождественная русскому сочетанію *ел* — *лз*. Это предположеніе находитъ фактическую поддержку въ наиболѣе консервативномъ говорѣ польскомъ—въ нарѣчій словенско-вашубскомъ, гдѣ при *zółty* бытуетъ еще форма *zółty* (*Гильфердингъ* «Остатки» 86. 191).

При легкомъ переходѣ *o* въ *u*, форма *ол* (*el*) даетъ форму *ул*: *zółna* при *zółna*, *zółcé*, *zółty*; у кабатковъ даже *szułna* (*Гильф.* ор. с.). Ср. въ велико-польскихъ пѣсняхъ: «*ni szółneczka, ni wiosółka*» (*Lipiński.* «Piosnki» 47). Въ памятникахъ старопольскихъ еще *ол*: «*dali sѣ w kamѣ moimъ szolcz*» рс. flor. 38 b).

Какъ изъ праформы *dołgi* развилось нынѣшнее общепольское *długi* чрезъ промежуточную ступень *dłogi*: такъ въ рѣчи кабатковъ изъ *zółty*, *zółty* образовалась болѣе мѣстная форма

žloty. Образование *lo* изъ *ol* въ *žloty*, помимо метатезиса, въ силу развитія паразитнаго вокала между *l* и *t*, какъ объ этомъ была рѣчь выше при *dlugi*. Эта кабатская форма *žloty* имѣеть для насъ особенный интересъ по отношенію къ чешскому языку, гдѣ ей отвѣчаетъ форма *žlutý*: для послѣдней она основная форма (*u* изъ *o*); съ другой стороны, она форма-посредникъ между *lu* (изъ *lo*) и формой *el*, въ томъ же чешскомъ языкѣ.

3.

Языкъ полабянъ предлагаетъ слѣд. данныя: *желтѣ*—*chále*, *gale*. *челнѣ*—*zaun*, *tzaunack* (*weberspule Pfuhl. Čas. serb. 1863—64 p. 124. 158. 163. 180*). Въ дипломатаріяхъ Помераніи, Мекленбурга я не нашелъ указаній.

Выраженія *chale*, *gale* въ глосаріяхъ неумѣлыхъ записывателей, вѣроятно все, искаженіе слова *žalt* или *žaut* (ср. выше *volk* и *vauk*). Сочетаніе *au* въ *zaun* (челнѣ) легкая вариация формы *al*, и *zaun* = *zaln*. Но *al*, какъ видѣли выше, предполагаетъ форму *ol*, слѣд. *zaln* сводится на *zoln*, т. е. мы пришли къ вокализациі польскаго и русскаго языковъ. Форма *ol* въ свою очередь, какъ показываютъ русскій и польскій языки, можетъ быть понята лишь какъ обусловливаемая удареніемъ вариация сочетанія *el*; слѣд. языкъ полабянъ въ вокализациі старословенскихъ словъ, какъ жлѣтъ, не отступалъ отъ русскаго: русская вокализациа сочетанія *el*—*al* основная для него, какъ и для польскаго.

4.

Нижнелужицкій языкъ имѣеть форму *ol* или *ou* на мѣстѣ русск. сочетанія *el*—*al*: *žolty*, *coln* (*Smoler II № 1. 82. 153* и др. № 92 а. ср. у *Hauptmann'a zown 18*). Эта форма и въ старомъ языкѣ: «*gelber Snuff zolty schonop. pumpha lucna zolte grübowelopena*» (*Moller «Namenn» берл. рук. 1582 подъ № 129. 143*). Удареніе послѣ небнаго обусловило образованіе формы *ol* изъ *el*. Ср. *žolž* = рус. *желудь*.

5.

Таже форма *ol* и для верхнедужицкаго языка: *žolma*, *žolty*. *žolwja* = schildkröte $\sqrt{\text{желе}}$ въ *желвак*. Это *ol* изъ *el*, какъ требуетъ не только аналогія только что рассмотрѣнныхъ языковъ, но и вторая форма слова *žolwja* — съ удѣлѣвшимся еще сочетаніемъ *el*—*želwja* (*Pfuhl* «Słownik» s. v.); переходъ *l* въ *l*, необходимо старшій, сохранилъ *e* предъ дѣйствіемъ ударенія и передняго небнаго звука. Въ памятникахъ стараго языка я не нашелъ указаній.

6.

Оставляя языки основной половины славянства, съ ихъ формой *el*—*ol*, тождественной русской *el*—*ol*, и переходя къ чешскому языку, я, для удобства обозрѣнія, формы чешскаго языка рассмотрю отдѣльно отъ соответствующихъ формъ его словацкаго нарѣчія.

Чехъ рус. сочетанію *el*—*lz* противопоставляетъ двѣ формы —*el* и *lu*: *želv*; *žlutý* (*žlutníč*, *žluč*), *žluva*, *člun*. Форма *el*, очевидно, тождественна русской *el*: мѣна *l* на *l*, есть позднѣйшій фактъ языка, мѣна, о которой сѣтовалъ еще Гусъ¹⁾. Формою *lu* чешскій языкъ отступаетъ отъ вокализаціи русскаго языка: но

¹⁾ Слѣдя за старочешскими рукописями въ порядкѣ вѣковъ. интересно видѣть, какъ долго въ памятникахъ идетъ борьба между старымъ *l* и новымъ *l*. Даже въ памятникахъ довольно позднихъ—XV в.—видно еще усиліе писцовъ сохранить старое *l*. Укажу на рук. праж. ун. библи. подъ № XVII D 36. «Житія пустынниковъ» XV в., въ которой весьма выдержано правописаніе твердаго *l*: для этого звука писецъ избралъ начертаніе *l* съ точкой на лѣво на верху *l*: *mi-loft*, *nalez*·*l*, *vezini*·*l*, *rok*·*lada*, *mi*·*lofti*·*weho*, *z*·*leho* *f*·*lyffiechu*, *cha*·*lupkach*, *h*·*lase*·*m*, *mi*·*leho*, *f*·*luha*, *hl*·*upij*, *mi*·*lofrd*·*neho*, *w*·*lasten*, *zize*·*ly*, *czif*·*la*, *gaczi*·*l* и т. д. (1 а, б, 2 а). Отступленія рѣдкія: *chwaly* (1 а), *hlubinach*, *omyla*, *milofrd*·*nij*, *luha* (2 а). Этотъ фактъ—новый вкладъ въ науку для установленія прочнаго взгляда на значеніе старочешскаго правописанія по отношенію къ самому языку.

эта форма намъ извѣстна изъ нарѣчія кабатковъ. Мы видѣли, что у кабатковъ *el* — *ol* даетъ *lo*: *žloty*. Отличіе польскаго слова отъ соответствующаго чешскаго — *žlutý* — въ различіи *o*—*u*; но *u* есть извѣстное усиленіе *o*, слѣд. аналогія польскаго языка позволяетъ относить, какъ слово *žlutý*, такъ и остальные слова съ формой *lu*, къ вокализаци *želv*, вокализаци эпохи старѣйшей; т. е. *žlutý* изъ *želtý*, *člun* изъ *čeln* путемъ указаннаго выше перехода сочетанія чистый вокаль + *l* въ сочетаніе *l* + чист. вок. (*o*, *u*).

Обратимся къ старому языку, и онъ даетъ фактическую подкладку только что сдѣланному объясненію соотношенія формъ *lu*—*el*.

Правда, уже древнѣйшимъ памятникамъ языка извѣстна форма *lu* тамъ, гдѣ и теперь, но при ней еще бытуеетъ форма *el* въ тѣхъ же словахъ, т. е. мы имѣемъ тоже отношеніе — *el*—*lu*, что предлагаетъ намъ рѣчь кабатковъ.

желвь. *selv* (*testudo* Mat. verb. 341. 342)

желтъ. *el*: *zoltaw. zelcownic* (*Tingl* «Libri» I 81. 120; I. 181. III. 29). *zelcz* (*ib.* I. 114. 139. 190. III 30. 47).

lu: *slutek* (*vitellum* Mat. vrb. 371 b). *zluticz* (*Tingl* I 44. 72). *zlucz* (ps. Dobr. II b. ps. clem. 52 b. ps. mus. 1/2 XIV. IV v.).

челнь. *slunek. clunek* (*navis* etc. Mat. vrb. 65. 173. 458).

Вокализаци словацкаго нарѣчія сочетанія *lx* = рус. *ел* отстываетъ отъ чешской: вѣрный своему обычаю — сочетаніямъ *vos*. + *l*, *l* + *vos*. давать одну общую форму — *l*, т. е. *sl*, словаеъ и на мѣстѣ чеш. *el*, *lu* (изъ *el*, *ol*) знаетъ свое *l* (*sl*): *žlna* или *žlva* (*Bernolák* s. v.). *žlti. žlč. čln* (ср. *Šafárik* «Pjsně» = I № 34. II № 78). Словацкая форма—излюбленная форма чешскихъ славистовъ — для нихъ она основнославянская: «vsuvka» *e*, *u* объясняетъ остальное. Но по какому праву? Потому-ли, что чешскій языкъ знаетъ сочетаніе *el*, какъ свою основную форму? что въ этомъ случаѣ онъ идетъ рука объ руку съ славянскими языками сѣвера и востока? что словацкая форма вполне ясна, какъ позднѣйшая, чахлая вариаци сочетанія чист.

вок + *l*, въ данномъ случаѣ сочетанія *eł*, ясна, какъ частное проявленіе общаго историческаго закона словацкаго вокализма, переводящаго всякое соединеніе чистаго вокала съ плавн. *l* (*r*) въ глухое сочетаніе *l*, т. е. *al*? Наконецъ, не забудемъ, что не смотря на свою тоскливую монотонность—свое *l*, словакъ, въ пику вокалистамъ, знаетъ форму и со «всувкой»—*el* (*ol*) и даже въ той основѣ, которая въ чешскомъ языкѣ теперь имѣетъ *lu* и только въ старь *el*: *žolty* на востокѣ (*Šembera* «Dialect». 78. ср. «Sbornik» матрицы словенской), *žulti*, *žultiš*, *žultkovi* (*Bernolák* s. v.). Даже форма *lu* не безызвѣстна: Бернолакъ помѣстилъ варианты—*žliva*, *žluč*, *člun* (ср. *člunok* у Колара въ «Zpiewankach» I p. 162). Отношеніе формы *lu* къ *el*, *ol* указано выше.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, болѣе чѣмъ странно носить-ся съ словацкой глухой формой и выводить изъ нея формы чешскія механически—путемъ «вставокъ» *e*, *u*: словацкая форма есть своеобразный, но законный вариантъ чешской *el*; привычка къ монотонизации оказалась сильнѣе, чѣмъ прикрытіе, которое могло бы найти *e* въ небномъ консонантѣ — *ж*, *ч*, психическій моментъ сильнѣе фізіологическаго.

7.

Словенскій языкъ съ вайкавскимъ нарѣчіемъ имѣетъ вокализацию русскаго языка: *želna* и *žolna*. *želva*, *želtov* и *žolt*. *želč* и *žolč*. *čeln* и *čoln* (*Murko* «Slov.-ném. beséd.» s. v.), гдѣ *l* = *č*. Переведа сочетаніе *eł* въ *ol*, языкъ отождествляетъ его съ сочетаніемъ *ol*, но *ol* даетъ *u* (*u* изъ *ou* и т. д.); поэтому въ вайкавскомъ нарѣчїи болѣе обычна форма *u*: *žuna*, форма, какъ увидимъ ниже, единая въ сербскомъ языкѣ.

Если принять во вниманіе мадьяр. *zsolna* (*Mikl. Denkschr.* XXI 63) = *tsonok*, то усиленіе *eł* въ *ol*, вѣроятно, идетъ съ очень стараго времени. Въ переводѣ евангелія Далматина вездѣ *žoln* (Матвѣй IV. VIII. XII. XIV и др.); въ пе-

реводахъ Трубера двойная форма — то *el*, то *ol*: я имѣю подъ руками «*Noviga testamenta pusledni deil*» (посланія. 1577); здѣсь *zhohn* (317. 321 и др.); но въ отрывкахъ, напечатанныхъ Капитаромъ при его крайнской граматикѣ: *zheln. v tim zhelnu* (407). И одну, и другую вокализацию мы имѣли и у Мурка.

8.

Въ сербско-хорватскомъ языкѣ словенскимъ формамъ *el*, *ol*, и отвѣчаетъ одна — *y* (*u*): *жудан* (старосерб. *жельдѣти*), *жунѣа*, *жут*, *жуч* (по Даничичу отъ *жельт* и *жунѣа* «Основе» 193), *чун*. Форма *y* извѣстна изъ самого сербскаго языка, какъ историческая замѣна сочетаія *ol*; на почвѣ кайкавскаго нарѣчія и есть подобная же замѣна соч. *el* чрезъ посредствующую форму *ol*: слѣд. и серб. *y* въ *жут*, *чун* должно быть возведено къ сочетанію *ol* или *el*, какъ къ своей точкѣ отправления. Этого требуетъ аналогія одинаковаго историческаго процесса. Но помимо этого, самъ языкъ не оставляетъ насъ безъ прямыхъ указаній. Какъ въ чешскомъ, такъ и въ сербскомъ, слово *жельв* оказалось наиболѣе упругимъ: въ «Словарѣ» Студли мы имѣемъ: «*xelka* — *tartaruga*, *testudo*»; по свидѣтельству Даничича, это слово въ этой формѣ и теперь въ народѣ («Основе» 297 прим.). Послѣ этого понятно правописаніе серба въ земской кормчей 1263 г. *жельвы* (261 в.). Слѣд. соч. *el* и доселѣ въ языкѣ тамъ, гдѣ оно въ русскомъ и др. слав. языкахъ. Если оно въ одномъ словѣ семьи *el*, то необходимо оно бывало и въ остальныхъ членахъ той же семьи; и *жут*, *чун* и т. д. вышли изъ *жельт*, *челн*, какъ этого требуетъ и указанная выше аналогія. Фактически форма *el—ol* для словъ *жут* и *жудан* утверждается языкомъ грамотъ: в *жельчицихъ* (*Mikl. Mon. serb. № 72. ср. Даничић «Рјечник» I 333*) и «помок *жодили*» (*ib. 1517 г. № 476*) вв. *жолдили*; теперь *жуджети*. Основа *жод* въ *жодили*, по Даничичу, описка вв. *жоуд* («Рјечник» I. 343); но она такая же описка, какъ основа *сон* вв. *солн* въ *присоје*.

9.

Для дакославянскаго языка скудные памятники его не даютъ намъ указаній, какую форму въ немъ имѣли слова семьи *желтъ*, *желчь*: только по аналогіи *palny*, т. е. по тому, что языкъ для сочетанія *л*о владѣлъ формой *al*, что въ полабскомъ языкѣ и для этого сочетанія, и для соч. *ел* была форма *al*, можно полагать, что сочетанію *ел* отвѣчало на почвѣ дакославянскаго языка соч. *al*, и слова *желтъ*, *желчь* звучали: *žalt. žalč*. Впрочемъ, можетъ быть, небный звукъ защищалъ неприкосновенность *e*.

10.

Болгарскій языкъ особенно интересенъ. Въ одной и той же пѣснѣ слово рус. семьи *ел*—*лз* звучитъ то по русски — форма *ел*, то въ типичной болгарскому языку глухой формѣ, съ глухимъ вокаломъ вмѣсто яснаго, при чемъ позиція глухаго то впереди *л*—явленіе обычное, то позади его, что рѣже. Болгарскій языкъ соединяетъ въ извѣстномъ смыслѣ свойства чешскаго и словацкаго языковъ, чѣмъ и поясняется взаимное отношеніе этихъ послѣднихъ. Замѣтимъ, что форма *ел* остается, независимо отъ того, будетъ ли на *e* удареніе, или нѣтъ.

желвь. желвь, желка (*Миладин. № 27*).

желт. желти желтицы (*Безс. I. 94. 134. II. 113*).

желти тѣ дуди, желто жито (*ib. I 59. II. 21*). *желтицы, желтички* (*ib. II. 76. 61*).

желти, — а, — о (*Верк. I. 42. 50. 64. 96* и др.) У *Dozon'a желти, желтица*. «За триста желти желтицы» (*Верк. 96. 97*). *желто цвѣке* (*Милад. № 6, № 20* и др.).

Но мы еще не окончили съ формами болгарскаго языка: онъ знаетъ еще *ол* и *у*: *жолте сървеѣ. жолти свеѣ; жутица. жути свешти* (*Верк. 279. 335. 304. ср. мою «Записку о путеш. по слав. земл.» 46*). *жолта* (*Милад. р. 276. 395. 435*). *ожолтъли* (*ib. 345*). Форма *у* извѣстна изъ сербскаго

и словенскаго: она дальнѣйшее развитіе формы *ол*, послѣ того какъ потеряна способность произносить твердое *л*. Извѣстна намъ и форма *ол*, какъ вариантъ, обусловленный небнымъ звукомъ и удареніемъ: но того же характера болгар. *ол*? Мнѣ кажется, нѣтъ. 1) Не смотря на удареніе, *е* остается послѣ небнаго *ж* безъ измѣненія, да и усиленіе *е* въ *о* вообще не свойственно языку. 2) Напротивъ, намъ хорошо знакомо въ болгарскомъ вокализмѣ усиленіе глухой формы *ял* въ *ол*, при чемъ языкъ въ одной и той же пѣснѣ употребляетъ то одну, то другую форму. Такъ у Миладиновцевъ № 31: «мене да ме *жалтне*» чрезъ нѣсколько строкъ: «и тебе данте *золтне*». Ср. *iv*. *свѣза* — *солза*; *кълнем* — *колнем*, въ разныхъ мѣстахъ. Въ виду этихъ данныхъ, форму *ол*, при *ел* и *ял*, я склоненъ объяснять, какъ результатъ усиленія формы *ял*, какъ форму, не имѣющую никакой непосредственной связи съ формой *ел*, какою связь мы видѣли въ русскомъ, польскомъ, словенскомъ языкахъ.

На вопросъ — которая изъ двухъ формъ — *ел*, *ял* — основа, отвѣтъ дается самъ собою, послѣ того какъ мы познакомились съ судьбами сочетаній *ел* у славянъ сѣвера и у чеховъ. Форму *ял* можетъ считать основной только тотъ, кто въ такихъ произведеніяхъ чисто болгарскаго, мѣстнаго вокализма, какъ *стѣрна*, *гърди*, при *страна*, *грудн*, *глав* при *глава*, готовъ видѣть элементъ общеславянскій.

Ясный вокализмъ въ соч. *ел* знаютъ и памятники стараго языка.

Правда, обычное правописаніе памятниковъ — правописаніе старословенское — *лз*: *жлзтица* (*Mikl.* «Lex.» s. v); оно неясное и потому не рѣшаетъ, на сколько въ немъ сказалась живая рѣчь: но тѣмъ не менѣе есть указанія на бытованіе формы *ел*, что согласно и съ бытованіемъ формы *ер*, при обычномъ правописаніи *рз*. Такъ въ грамотахъ Венелина: *желти* аспри. *желтицъ* при *жилтицъ* (1626 г. р. 291. 1629 г. 295); въ унив. Григор. рукописи XVII — XVIII в. № 65: хилада *жел'тицы* (f. 39 b). Одни эти указанія позволяютъ полагать, что и правописаніе обычное (*жлзтица*) есть своеобразный, но законный приѣмъ для выраженія слога *ел* (*желтица*) или *ял* (*жялтица*).

Въ памятникахъ старословенскаго языка редакціи древнѣйшей, панонской, встрѣчается лишь одно слово рус. семьи *ел*: *злчъ* — ассеман. евангеліе, супр. рукопись. Естественно заключать, что и для словъ: *желвь*, *желтъ*, *челъ* въ тѣхъ же памятникахъ могло быть правописаіе *лз* намѣстѣ рус. *ел*. Дѣйствительно, въ бононской псалтыри мы имѣемъ *желтъ* (*Mikl. Lex.*). О двойномъ *з* въ остромирѣ — *злчъ* — мы говорили выше, какъ о фактѣ специально русскаго языка.

Какъ читать *злчъ*? Если старословенскій языкъ — языкъ панонскихъ словенцевъ IX—X вѣковъ, то свидѣтельство словенскаго языка и мадыарскаго показываетъ, что *лз* въ *злчъ* можетъ имѣть значеніе лишь сочетанія *ел* или *ол*: *злчъ* = *želč*, *žolč* (см. выше). Если же языкъ церкви православныхъ славянъ староболгарскій, то начертаніе *злчъ* необходимо понимать или по формѣ *желтъ*, или по формѣ *желт*. Но, можетъ быть, по формѣ *желтъ*? 1) Форма *лѣ* въ болгарскомъ языкѣ діалектическая; по употребленію, значенію своему, она не можетъ конкурировать съ обѣими указанными. 2) Славянскія нарѣчія въ ихъ совокупности говорятъ за форму *ел*, какъ основную, и за *зл*, какъ ея варіацію. 3) Обычное правописаіе *лз* однихъ рукописей выдаетъ себя въ правописаіи *ел*, *елз* другихъ: *желвиш*, но — *желвь*. *зелвь* (*Mikl. Lex. s. v.*) Ср. *жел'въ* въ кормчей зетской 1263 г. Если одна и таже основа могла изображаться то съ сочетаніемъ *лз*, то съ соч. *ел*, *зл*, при чемъ правописаіе *ел*, *зл* лишь какъ изъятіе изъ правила, «описка», то, принявъ во вниманіе, что «описка» обуславливается живою рѣчью забывшаго на минуту школьную традицію писца — болгарина или серба, необходимо полагать, что правописаіе *лз* было лишь условнымъ приѣмомъ школы, прикрывавшимъ собою не соответствующій ему фактъ языка — сочетаніе *ел*, *зл* (*зл*). 4) Последнее заключеніе находитъ подтвержденіе и въ отношеніи *лз* старослов. рукописей къ русскому сочетанію *ол*, *ло*, въ словахъ семьи *волкъ*, *блота*: языкъ зналъ вокаль предъ *л* — рукописи ставили его послѣ *л*, — и

рѣдкая описва — впереди. 5) Бытованіе сочет. *ел* въ основѣ *желт* — *жлт* на почвѣ старословенскаго языка доказывається словомъ *зелънъ*, одного корня съ *желтъ* — *gal* (*Fisk «Wört»*. III³ 103).

Итакъ, какъ бы то ни было, въ формѣ *лз* старослов. памятниковъ для рус. сочетанія *ел* словъ семьи *желтъ* скрывается сочетаніе, или тождественное русскому — *ел*, *ол*, какъ въ языкѣ словенскомъ, или вариация его — *ял*, какъ въ языкѣ болгарскомъ. Въ памятникахъ этихъ необходимо различать фактъ правописанія — обычай школы — отъ факта языка.

И съ сочетаніемъ *ел* — *лз* мы обошли весь кругъ славянскихъ нарѣчій — сѣвера, запада и юга, и видѣли, что русская вокализация сочетанія въ упомянутой семьѣ словъ *лз* является въ своемъ русскомъ видѣ и у другихъ славянъ; если же ей отвѣчаетъ иная вокализация, немного отступающая или очень далекая (по виду) — *lo*, *l* (*sl*) *al*, *lu*, *u*: то тѣмъ не менѣе въ основѣ ея лежитъ тоже сочетаніе *ел*. Все, что отступаетъ отъ русской формы, имѣетъ значеніе вариации; основная же тема въ русскомъ языкѣ.

Примѣняя этотъ выводъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій, мы приходимъ къ старому нашему положенію: дѣлать слав. нарѣчія на порядки, вѣтви, какъ дѣлалось доселѣ, группировать ихъ по родословному древу — нельзя; основа дѣленія — степень славянской примитивности каждаго нарѣчія. Съ точки зрѣнія соч. *ел* — *лз*, русской языкъ — основа для славянъ сѣвера, запада, юга; одно нарѣчіе болѣе консервативно, другое менѣе, и разница эта опредѣляется болѣею или меньшею близостью нарѣчій къ русскому языку, этому славянскому языку эпохи протѣической.

Сравненіе съ языками родственными не говоритъ противъ подобнаго значенія русскаго языка, его характера, съ точки зрѣнія сочетанія *ел* — *лз*.

желвь — гр. χέλως. Курциусъ въ Griech. Etymol. (4 изд. р. 199) для греческаго слова находитъ паралель лишь въ славянскомъ: *желв* = χέλω (χέλως род. χέλω-ος). Ср. санскр. *√kúl tegere* (Bopp. Glos. I. 91).

желтъ. ст. прус. *gelutynan*. лит. *gèltas*. латыш. *dseltens*. нѣм. *gelb. geld*. (нѣм. праформа *gelva*. Fick III³ 103.) лат. *helvus. helvolus*. греч. χολή. Ср. Bopp. Glos. I 120 s. v. *gáura*.

желчь. ср. лит. *žalas* = зеленый. *želti* — зеленѣть. нѣм. *galle* родств. съ *gelb*. χολή. лат. *billis*, гдѣ *b* вм. *f, g* (ср. *Zehet meyer* Lexicon comparat. s. v. *fel*).

челнъ = старо-нѣм. *scalm*, откуда, вѣроятно, и перешло это слово въ слав. языки.

Если родственные языки предполагаютъ иной вокаль предъ *l*, а не *e*, то тѣмъ не менѣе этотъ вокаль легко можетъ быть приведенъ въ генетическую связь съ рус. *e*, напр. нѣм. *a* въ *scalm* и рус. *e* въ *челнь*, гдѣ *e* послѣ *ч* изъ *к*.

Въ заключеніе настоящей главы нѣсколько словъ по поводу «Zur Geschichte» II. Шмидта. Онъ предполагаетъ массу словъ для праславянскаго языка съ сочетаніемъ *ел—il*: *vīlk, vīlg* и т. д. Изъ того, что действительно праславянское сочетаніе *ел* — всѣ славянскіе языки сохранили неизмѣнно, что ни одно не знаетъ *il*, какъ въ **vīlk* изъ пол. *wilk*, вм. *el*, позволительно заключать, что слова, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ соч. *ол*, а не *ел—ол*, не могутъ быть отнесены къ одной категоріи съ словами *желтъ* — отрицательное подтвержденіе того, что для словъ русской семьи *волкъ* не можетъ быть выводима основная форма *vīlk*.

ГЛАВА IV.

Последовательность ле — лз.

1.

Семья словъ вокализации *ле—лз* (лъ) (въ ст. слов. памятникахъ безразлично ср. словарь Востокова подъ *слза*, *слза*) также бѣдна, какъ и семья предшествующая; но обѣ семьи также раздѣльно живутъ въ русскомъ языкѣ, составляя двѣ раздѣльныя, несмѣшиваемыя группы, какъ и семьи *ол — лз*, *ло — лз*. Но въ памятникахъ старословенскихъ, какъ было уже упоминаемо не разъ, всѣ четыре семьи отождествляются въ одномъ правописаніи — *лз* (лъ), хотя должно замѣтить, что и большинство памятниковъ панонской редакціи для большинства словъ семьи *ле* имѣетъ исключительно начертаніе *лъ*; если же мы держимся правописанія *лз*, то лишь въ виду требованій «вокальной» теоріи, чтобы тѣмъ рельефнѣе выступило значеніе указанной особенности въ правописаніи памятниковъ, когда подведутся счеты подъ всю совокупность славянскихъ нарѣчій. Слова семьи *ле* слѣдующія: *блевать* казвати. *блеска* казскз. *клену* казнж. *клевать* казвж. *плевать* пазвати. *слза* слзза.

Въ остромирѣ безъ исключенія правописаніе — *лъ*; при известномъ равенствѣ — *ь = е*, понятно, когда Григорій писалъ *слзами* (это слово три раза), онъ читалъ — *слезами*. Этотъ фактъ правописанія Григорія возводитъ вокализацию *ле — лз*, по крайней мѣрѣ, въ XI вѣку. Но бытованіе соч. *ле* необходимо предположить и въ болѣе старое время: этого требуетъ простая этимологія большинства словъ, составляющихъ семью *ле* — весьма старый памятникъ языка, и не нуждающийся въ датѣ. ✓ *блю*

въ *блѹѣ* на почвѣ русскаго языка предъ вокаломъ могъ дать только *блев*, что мы и имѣемъ въ инфин. *блевать*, на почвѣ старословенскаго языка — *блѣв*, что мы и имѣемъ въ *блѣвати*. Очевидно, въ эпоху чистоты языка памятники старословенскіе могли имѣть правописаніе *ль* и никогда *лз*; если же встрѣтятся гдѣ *лз*, то это — знакъ, что языкъ уже забылъ этимологическую послѣдовательность *ль* или *ле*, а пошелъ по новому пути, по пути югославянскій вокализациі сочетанія *ле*. Сказанное объ основѣ *блѹ* — *блев* имѣетъ значеніе и для основъ: *кль* — *клев*. *кля* — *клен*. *плю* — *плев*. Эти основы утверждаютъ за сочетаніемъ *ле* = *лз*, или *ль*, значеніе доисторическаго, домонументальнаго факта русскаго языка, и въ тоже время поясняютъ, почему Григорій не могъ ни разу написать *пльвати* или *пльвати*. Если сторонники теоріи глухихъ еще могутъ оспаривать характеръ вокала послѣ *л* въ этихъ основахъ, то никогда позицію его. Но есть исключенія, и къ нимъ принадлежитъ ак. Миклошичъ.

Въ нарѣчіяхъ русскаго языка мы видимъ ту же устойчивость соч. *ле*, какъ и остальныхъ сочетаній плавнаго *л*. Въ малорусскомъ нарѣчій изрѣдка законъ усиленія *о*, *е* въ *і* касается и сочетанія *ле*: *слізоньками*, но *слѣзы*, *слѣзз*. Измѣненіе *е* въ *ю*, обусловливаемое удареніемъ: *плѣвое дѣло*, *слѣзы* — фактъ болѣе новый, и имѣетъ мѣсто, какъ въ нарѣчіяхъ сѣвера, такъ и юга. Также должно сказать и о малорусскихъ формахъ *блѹвати*, *плювати*: *лю* болѣе новая замѣна стараго *ле*.

Но малорус. *бліскавка* = *бліскавка* или чрезъ усиленіе *е* въ *і* въ силу аналогіи, или *и* (*і*) испоконная черта (мѣна *е* — *і* въ этой основѣ почти у всѣхъ славянъ), такъ что издавна могли бытовать двѣ основы: *блеск* — *блиск*.

Разсмотримъ рус. соч. *ле* — *лз* съ точки зрѣнія каждаго изъ славянскихъ нарѣчій: различаютъ ли и они сочетаніе *ле* отъ *ел*, и какъ, и какое значеніе можетъ имѣть русская вокализациі *ле* — *лз* въ вопросѣ о мѣстѣ русскаго языка, о взаимности славянскихъ нарѣчій, понимаемыхъ въ смыслѣ особаго члена въ семьѣ индоевропейскихъ языковъ?

Сочетаніе *ел* — *лз* остается, какъ мы видѣли, и въ польскомъ языкѣ въ своей русской формѣ; но не такъва судьба сочетанія *ле* — *лз*: *blwać. kłwać. klnę — kłać. plwać. lza*. Особнякомъ стоитъ слово *blyszczec*.

Отношеніе польской и русской формъ словъ семьи *ле* (пока *blyszczec* оставимъ въ сторонѣ) — *l* съ одной стороны, *л* съ другой — съ перваго же взгляда напоминаетъ намъ отношеніе обоихъ языковъ въ словахъ семьи *ло* — *лз*: *l*: *л*: *ле* = *л*: *ло*, или *lza*: *слеза* = *plcha*: *блоха*. Тоже явленіе въ польскомъ языкѣ и въ разсужденіи словъ семей *ре*—*рз*, *ро*—*рз*: *хребета* — *grzbiet*, *кровь* — *krwawić*. Но отношеніе *л* — *ло*, образовалось путемъ выпаденія вокала послѣ *л* (*о* или *е*); естественно заключать, что путемъ того же выпаденія, вокального польскаго сокращенія, явилось и отношеніе *l*—*ле*, *lza*—*слеза*. Но это не только естественно, но и необходимо въ виду основъ *blu, klu, kła, plu*¹⁾, которыя, разлагаясь, должны были и на почвѣ польскаго языка, какъ и русскаго, дать формы: *blev, klev* и т. д.; если же вмѣсто нихъ мы имѣемъ сочетанія, которыя за неимѣніемъ вокала не могутъ даже образовать слога, то, очевидно, они затеряли вокаль, но въ своей позднѣйшей исторической жизни, и именно вокаль *е*. Вокаль теряется, если за основой идетъ слогъ суффикса; но слога нѣтъ, и основа является въ чисто русской вокализации: *zlzi* (ps. flor. 22 b. 24 a. 31 b.). *slzami* (3 b). *zlzach* (47 a), но *zlez* (47 a. 49 a). *slez* (69 a). Для исторіи вокального сокращенія ср. «*tchnęł gest twoy duch*» (ib 91 b) = *дзхнжлз*. Отъ ген. *slez* въ виду указаннаго движенія польскаго вокализма справедливо заключать и въ раннему польскому ном. *sleza*, и ученый издатель «*Modlitew Wasława*» (XV в.), по поводу выраженія памятника «*w tem to padole slez*» (42), допускаетъ ном. *sleza* (см. словарь).

¹⁾ «*Przezamby przluny*». (*Maciejowski Pamiętniki o dziejach*.... II 351, рук. 1396 года).

Если въ соврем. языкѣ *łza*, а не *lza*, то, въ виду данныхъ стараго языка, *ł* можетъ быть разсматриваемо лишь какъ болѣе новая вариация *l*, отнюдь не въ качествѣ исконнаго элемента слова *slza*, чѣмъ смущеніе вѣнскаго академика по поводу *ł* въ *łza* и *l* въ рус. *слеза* (Vergl. gram. I, 4°) само собою устраняется.

Особнякомъ, внѣ польской формы сочетанія *le* — *łz*, стоитъ основа *блеск*. Она является въ двухъ формахъ: 1) *le*: *bleszczeć*, кашуб. *bleszcz* (Гильф. «Остатки» 160); 2) *ły*: *blyszczec. blysk. blyskau blyszkawyszcz* (рв. flr. 86 а.) Первая форма тождественна русской; какъ понять образованіе второй *ły*—*le* и отношеніе ея къ первой *le*—*le*?

Если считать *ł* вариацией *l*, какъ въ словѣ *łza* изъ *lza*, то въ виду русскихъ формъ *блеснуть* и *блестать*, *ły* въ *blyszczec, blyskac* можно понять, какъ усиленіе соч. *le* при усиленіи дѣйствія. Это поддерживается малорус. *блискавка*, такъ что усиленіе *le* въ *ły* можетъ быть отнесено къ очень старому времени (ср. *вребж* и *погрибати*). Правда, полякъ и въ однократномъ видѣ говоритъ: *blysznać* — но тогда это *ły* могло явиться изъ-за фальшиваго производства глагола однократнаго вида. При потерѣ тонкаго различія основъ полякъ говоритъ безразлично: *ten kamień blyszczu* и *bleszczu* гдѣ *ły, le* чередуются.

Но объясненіе можетъ быть предложено чисто механическое. Подъ вліяніемъ звука *ł*, весьма любимаго языкомъ, звукъ *l* въ *blesk* могъ отверднуть, какъ это случилось въ словѣ *slza*—*łza*; измѣненный же звукъ *l* въ *ł* въ свою очередь дѣйствовалъ на измѣненіе, или огрубѣніе, слѣдующаго вокала, и сочетаніе *le* дало *ły*, но само не исчезло изъ языка, такъ что, какъ было упомянуто сейчасъ, языкъ безразлично употребляетъ глаголь то съ сочетаніемъ *le*, то съ сочетаніемъ *ły*, безъ малѣйшей перемѣны въ значеніи слова.

И такъ, оба языка — русскій и польскій, одинаково различаютъ сочетанія *el* и *le*, не смѣшиваютъ одно сочетаніе съ другимъ, какъ не смѣшивали сочетанія *ol, lo*. Польская и русская вобализація словъ семьи *le* тождественны; черты различія —

результатъ болѣе поздней, особой жизни польскаго языка, результатъ діалектической индивидуализаціи.

З.

Въ языкѣ поморцевъ-полабянъ я могъ подыскать примѣры лишь для слова *блескъ*: «*curiam qui dicitur blyskow*» (*Hasselbach Cod. dipl. № 193. Fabricius. Urkunden. II. № 22*). *blischowe* (*Fabr. ib. № 56*). Можно бы привести еще *blowotino* (*Hasselb. № 13*), да грамота гнѣздненская. Основа *blisk* сводится на польскую основу *blysk*; а *blow* фактически отождествила бы вокализацию полабско-поморскаго языка съ русской; впрочемъ и безъ этого указанія, если бы даже памятники языка предлагали напр. для основы *блю* формы—*belv, balv*, какъ формы извѣстнаго времени, то и при этомъ условіи, въ виду указанной выше необходимой формы, въ которую прежде всего должны перейти основы, какъ *блю, клю, плю*, формы, явившейся изъ разложенія *ju* въ *ev*, вокализациіи обоихъ языковъ—полабско-поморскаго и русскаго—необходимо тождественны. Только съ теченіемъ времени языкъ могъ измѣнить какъ послѣдовательность, такъ и качество этимологическаго сочетанія *ле*, и *ле* могло дать *el, al* или *lo, la*. Первую форму втораго ряда—*lo* мы могли бы указать въ *blowotino* гнѣздненской грамоты; вторую того же ряда намъ предлагаютъ памятники языка полабянъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. славянъ Люнебурга XVII, XVIII вѣковъ.

основа *блев*: *blawe. billjawe* (*Pfuhl. Čas. s. 1863. 175. 195*).

основа *вля*: *klan* (*Fluch*). *klána* (*fluchen*). *klanecka* (*Flucher*) (*ib. 156*).

слеза: *slaze. slasa. schladza* (*ib. 46. 177. 194. ср. Dobrowski «Slovanka» I*).

Сравнивъ эти данныя языка жителей Люнебурга съ соответствующими имъ основами и словами русскаго языка, мы видимъ, что вокализациіи обоихъ языковъ въ сочетаніи *ле*, что касается

последовательности его звуковъ, тождественны. Правда, въ *billja-we i* предъ *l*: но это вокальный наростъ, такъ что уже Шлейхеръ читалъ это слово: *bláve* (Polab. Gram. § 113); ср. *blave* въ томъ же значеніи; *ключь* = *kiljautz*. *длань* = *dillán*, при *kläutze* (Schleicher ор. с. § 113. Čas. s. 188). Въ качественномъ отношеніи слоги *le—la* не сходны; но принявъ во вниманіе, что звукъ *a* на почвѣ полабскаго языка отвѣчаетъ, или замѣняетъ, рус. *a* (*vauk—волкъ*), для формы *blawe* можно бы предположить болѣе древнюю основу *blowe*; но *a* можетъ выражать и вообще неопредѣленный звукъ, между прочимъ, *e—ь* (ср. *Schl.* ор. с. § 115); поэтому въ *blawe* справедливо видѣть простую вариацию рус. основы *блев*. Но и помимо этого, рус. основа *блев* должна быть исходной точкой для полабской *blav*.

Полабскій, какъ и русскій, различаетъ сочетаніе *el* и *le*, и вокализація обоихъ сочетаній *одна*—вокализація русскаго языка.

4.

Въ нижнелужицкомъ слова несомнѣннаго, или этимологическаго, соч. *ле* имѣютъ вокализацію русскаго языка, точнѣе, его южнаго нарѣчія: *бловати—bluwaś*. *плювати—pluwaś*. Форма *lu* въ этихъ словахъ дается уже XVI столѣтіемъ: у Якубицы—*woprliwowitz. pliwacz. pliwachu* (Ls. X 34. XIV 65. XV 19); но *plunu* (аор. VII 33. VIII 23). Но какъ малорусское сочетаніе *лю* въ *бловати, плювати* предполагаетъ древнѣйшую ступень великорусскаго нарѣчія: *блевать, плевать*, такъ и нижнелужицкое *bluwaś*—на болѣе ранней ступени *blewaś*. Но не всѣ слова этимологическаго сочетанія *le* сохранили свою основную вокализацію: основа *кля* и слово *слеза* пошли по пути польской вокализаціи: *kles*, I наст. вр. *kluju*, но въ старомъ языкѣ эта форма должна была быть *klnu* (одинъ слогъ), какъ это показываетъ аористъ у Якубицы *poklnu*. (Ls. XI 21); *слеза* = *ldsá. lsa. dsasa. dza* («*kšawe dzy*» Smoler II № 51); у Якубицы: *s lsam* (Ls. IX 24), но можно читать и *slzamí*. Эта серія

формъ для слова *слеза* — въ основѣ имѣеть польскую форму *lza* или *slza*, и необходимо того же образованія, что въ польскомъ языкѣ — т. е. путемъ выпущенія вокала послѣ *l* — вокала *e*. Тотъ же процессъ коснулся и основы *кля*: какъ скоро удареніе можетъ держаться на вокалѣ суффикса, вокаль основы — *э* (послѣ *l*) исчезаетъ: *klini*. Но при усиленіи дѣйствія усиливается вокаль; отсюда основа *klin* является въ формѣ *klin*: у Якубицы — *zaklina* (*Ls.* VII 10). *zaklynatcz* (*Ls.* XIV 71), чѣмъ выдается основная форма — *klen* = рус. *клен*, *кля*.

5.

Верхнелужицкая вокализация сочетанія *ле* нѣсколько отступаетъ отъ нижнелужицкой: *блевать* — *blec* (*bluju*) и даже *blwać* (*Pfuhl. Słownik*). *блуск*, но *blešćeć. kluwać* (дразнить). *klec* (*kluju*). *plec* — *pluwać. sylza* (*l* среднее). Мы имѣемъ нѣсколько формъ на мѣстѣ рус. сочетанія *ле*: *le, ł, lu, łu, yl*.

Le въ *plec* при *pluwać*, очевидно, простое сокращеніе изъ *plewać*; по аналогіи *plec* пошло и *blec* изъ болѣе ранняго *blewać*, какъ свидѣтельствуеетъ и вторая форма *blwać*, образовавшаяся не по примѣру нижнелужицкаго языка — *bluwać*, а польскаго — путемъ выпущенія *e* и отвердѣнія *l*. *Lu* легкое измѣненіе *le* чрезъ промежуточную форму *lo*. Въ *blusk* имѣемъ форму *łu* — польскаго языка; но при *łu* не забыто и старое сочетаніе — *blešćeć*. Совершенно новое образованіе въ словѣ *sylza* вм. ожидаемаго *sleza* или *slza* (одинъ слогъ; по примѣру *blwać*). На почвѣ верхнелужицкаго языка это образованіе не ясно: оно не встрѣчалось намъ, какъ въ словѣ *слеза*, такъ и вообще въ словахъ сочет. *ле*, въ нарѣчійхъ сѣвера или главной массы славянства; но форма *yl* вмѣсто ожидаемой *le* или *ł* совершенно ясна съ точки зрѣнія чешскаго сосѣда.

Выше мы познакомились съ общимъ явленіемъ вокализма чешскаго языка — явленіемъ относительно новымъ, познакомились съ переводомъ сочетанія *l + voc.* на *l (sl)*: *plot* — *plŕ* (*pyłŕ*). Очевид-

но, и соч. верхнелуж. *yl* въ *sylza* можетъ быть понято также, какъ *yl* въ чеш. *plť*. Аналогія своей массы языковъ сѣвера вынуждаетъ признать, что если ихъ вокализация слова *слеза* одинакова съ русской, то тоже согласіе должно быть обязательно и для послѣдняго члена языковъ славянскаго сѣвера—изъ основнаго соч. *le* развилось верхнелуж. *yl*. Что-же касается основы *кля*, то языкъ, забывъ значеніе *л*, далъ основѣ этой неизмѣняемую форму *kle*, *kli*: не только наст. *kliju*, но и неопр. *zakli-w-ać*, вм. ожидаемаго *zaklínac*, гдѣ *in* было бы изъ *en*; наст. было бы **kylni* или *klni* (одинъ слогъ).

В.

Мы видѣли, когда шла рѣчь о судьбѣ сочетанія *ло* въ чешскомъ языкѣ, что хотя чехъ сохранилъ доселѣ память о немъ (*plet*), но съ бѣльшей охотой отождествляетъ слова этого сочетанія съ словами сочетанія—исконно различнаго—*ло*, давая обоимъ сочетаніямъ одну форму—*yl*, въ силу новаго направленія, усвоеннаго языкомъ, по отношенію ко всякому соединенію плавнаго съ вокаломъ (*plot—plť*). Естественно поэтому, что если бы въ языкѣ и существовало сочетаніе *le = лe — лз*, то и оно, подобно другимъ того-же рода, должно было принять форму *l*, т. е. *yl*. Но въ языкѣ не только бытовало, но бытуетъ доселѣ сочетаніе *le*, и лишь мѣняется съ сочет. *yl* (*l*).

blevati, *blivati*=*blvati* (ср. *blebtati* и *blbotati*. *blekotati* и *blkotati*).

plevati—plvati.

pro-klín-ati—klnouti.

блескъ: *blsket*, но въ старину *blesk*, *blysknouti*; въ словац. *blesk*, *blisk fulgor* (*Bernolák*).

слеза—slza (ср. луж. *sylza*): но ген. pl. *slez*. Въ одномъ изъ консервативнѣйшихъ подрѣчій—дудлѣбскомъ, вокализация ген. pl. *slez* и въ основѣ слова: *slouze*, т. е. *sluza*, гдѣ *u* изъ *o* («Sbornik vědecký» I. 8. 11) вм. обычнаго *slza*.

Въ памятникахъ стараго языка мы встрѣтимъ примѣры обѣихъ вокализаций—чешской, глухой, и русской, звучной.

блескъ. *przi blzketu* (leg. XII ap. Čas. Ms. 1847. I. 32).

v blefketu (ps. glos. XIII в. 137 а). *blizkota*. (fulgetra. Mat. verb. 123). *blifkanye* (ps. glos. 129 а).

осн. влен. *wzeklnu* (maledicent. ps. glos. 103 а).

плев. *vrľwan* (праж. уп. р. XVII F. 30. f. 136 а). *plwanym plwan* (ун. р. XVII E. 8. 5 а).

слеза. *zilzi* (lacrimas. Mt. vrb. 168). *zzyls* (al. m. I. f. I. а). *slzy* (pass. čes. XIII 3). *slzi. slzach* (ps. cl. 29 а. 31 а. 41 а. 63 б). *slzzamy* (ун. р. XVII E. 8. 1 а).

w udole slez. ot slez (ps. cl. 96 а).

О двойной основѣ *блеск* и *блиск* была рѣчь выше.

Словацкое нарѣчіе строже чешскаго выдерживаетъ переводъ сочетанія *l + voc* на *al — плов-ж — plvať. nľnyš — plechavěť*, но *plchniř. mléko*, но *ml'ko*; поэтому, оно утратило и старшій способъ образованія ген. pl. отъ *slza*: чеш. *slez* = сл. *syľz* (*syľz*), хотя доселѣ *blesk*.

7.

Слова рус. сочетанія *ле* въ словенскомъ (и кавказскомъ) языкѣ являются въ слѣдующ. формахъ: *bljovati* и *bljuvati. blesk* (Schimmer) и *blisk* (Blitz). *kljovati* (*Murko*) и *kľuvati. kľeti*, рг. *kolnem. pljuvati. solza*.

Въ основахъ *bljov, kljov, pljuv* вокализация словенскаго языка тождественна русской; *jo* изъ *je* и въ *ju*; ср. *pleskati* и *pluskati*. Вокализации словъ *blesk — blisk* и русск. *блескъ — блискавка* взаимно покрываются. Чуждая для русскаго языка форма *ол.* въ *kolnem* изъ инф. *kľeti* и *solza* (*ol* = болѣе *ол*).

Какъ явственно изъ словенской формы основъ *блю, клю, плю*, сочетаніе *le* переходитъ въ *ljo* и даже *lo*: у Мурка въ словарь *kljovati* и *kľovati*. Но мы видѣли, что соч. *lo* въ словахъ семьи *блѣха* перешло въ сочетаніе *ол*, при посредствую-

щихъ формахъ *sl, el*; если же для этимологическаго сочетанія *le* въ основѣ кля языкъ знаетъ теперь форму *ol*, то между современной формой *ol* этой основы и нѣкогдашней *le* необходимо лежать формы: *sl—el, lo*. Появленіе формъ *sl—el* изъ *ljo—le* ясно, какъ результатъ паразитной вокализации. Но если *ol* въ *kolnet* сводится на *le*, то весьма естественно полагать, въ виду оказывающагося тождества словенскаго языка съ русскимъ въ большинствѣ словъ соч. *le*, помимо аналогіи разсмотрѣнныхъ слав. нарѣчій, что и соч. *ol* въ *solza* пошло изъ первичнаго *le* въ *sleza*. И дѣйствительно, самое убогое нарѣчіе словенское—въ долинѣ зильской, сохранило еще для этого слова его старую форму: *sloza, sljoza* (Kolo. I. 35), а *jo* изъ *e*; также въ Штиріи, у Оптуя, съ небольшою вариацией: *sklojza* (ib. пр.). Я только что сказалъ, что между *lo (le)* и *ol* должны лежать посредствующія формы *sl—el*, въ данномъ случаѣ между *sloza* и *solza*: этого требуетъ общій ходъ развитія вокализации слав. сочет. *l + voc.* въ чешскомъ и югослов. нарѣчійхъ, — и памятники словенскаго языка сохранили обѣ промежуточныя формы: *slzna telese* (фрейз. отр. II. 5); у Трубера въ переводѣ новаго завѣта: *felse, felzami* (посланія р. XXV. 89). Даже и теперь на островѣ Vegla — *selza* (Mikl. Lex. s. v.) Но у того-же Трубера въ постилѣ 1578 г. *solzami* (Kop. Gram. 31), *kolniti*, но *preklinatio* (посланія 147. 166).

Еще нѣсколько словъ объ обычной формѣ для *ol—le* въ кайкавскомъ нарѣчій и резьянскомъ говорѣ словенскаго языка — о формѣ *u*: *kinet, suza*. Въ евангеліи 1730 г.: *szuze* (66). Процессъ образованія формы *u* до очевидности ясенъ въ резьянскомъ говорѣ, гдѣ одинаково правильны формы: *solza, souza* (ср. *Murko* словарь *solza = souza*), *sziza*; *kolne, kulne, kune* (*Бодуенъ* ор. с.); потеря *l*, замѣна его *u*, асимилиція и —*ú*; или пропускъ *l* и — *u* (изъ *ul*).

8.

Сербскій языкъ въ отношеніе словъ сочетанія *le—lz* стоитъ на ступени кайкавскаго нарѣчія: *juv* въ *bljuvati, klju-*

вати, плъувати; у въ *кунем* — *клетѣ, суза*. Форма *юв* изъ этимолог. *ју* (\sqrt{bku} , *kly.* ср. *Данич.* Основе 167. 46) требуетъ посредствующей ступени *јев*. Что же касается отношенія формъ *у* и основной *ле* въ *кунем* (\sqrt{kla}) и *суза*, то оно ясно изъ предшествующей главы: *кунем* = *колнем, кълнем, кленем* (можетъ быть, и *кълонем*); *суза* = *солза, слеза*. Для уясненія связи формъ *у* и *ле* вспомнимъ, что слово *клен* рус. *кленъ* имѣетъ вторую форму *кун* (Основе 135), вѣроятно, въ силу простой аналогіи: эта вторая форма *кун* — *клен* можетъ свидѣтельствовать о незабытой языкомъ памяти основной формы для *суза* — *слеза*.

Въ старомъ языкѣ (а въ нарѣчійхъ, вѣроятно, и теперь) есть еще указанія переходныхъ формъ между *у* — *ол* и основной *ле*.

Въ житіи св. Екатерины (XIV в.) при формѣ современной сербской вокализациі плавнаго сочетанія *ол*: *rip. rish. rpnost*, мы видимъ, что еще старый *л* бытовалъ: *rogibal. pristol* (З а. 4 б); тоже явленіе и въ новомъ завѣтѣ Хвала 1404 г.: *доуь*, но *осаль*; понятно поэтому, что въ средневѣковыхъ памятникахъ сербскаго языка можетъ еще встрѣтиться промежуточная форма — съ *л*, такъ какъ *л* еще не былъ чуждъ языку. Такъ въ грамотахъ у Миклошича мы имѣемъ: *кельнемо сп* (Мон. № 35. 38. 39 — грамоты Дубровника и Босны $\frac{1}{2}$ XIII вѣка). *кельнѣ* (№ 35), при *кльнѣ* въ другой грамотѣ того-же боснійскаго бана (№ 36); но въ гр. 1410 г.: *кѣнѣ се* (№ 255). Ср. выше о формахъ: *напуни* и *наплну* и др. въ винодольскомъ законѣ; *зпелъцениль* грамотѣ.

9.

Въ остаткахъ дакославянскаго языка мы имѣемъ: *клену* — *Ѣа kalnet. слеза* — *ѢаѢ Ѣaltze* (*Mikl.* «Denkschriften» ст. XL. XXII), т. е. сочетанію *ле* отвѣчаетъ соч. *al*.

Изъ предъидущаго ясно, что соч. *al* въ *kalnet* сводится на основную форму *ле*, и также не трудно указать путь языка въ направленіи отъ *ле* къ *al*.

Мы видѣли этотъ путь въ области словенскаго и сербскаго языковъ: онъ былъ — *ле* (*ljo*), *вл*—*ел*, *ол*; но въ дакославянскомъ конечная стадія—форма *al*: какъ съ ней найтись? Мы видѣли, что для соч. *ол* дакославянскій языкъ предлагаетъ *al*; видѣли, что и слова русской семьи *ло* должны были имѣть форму *al*, и болѣе древнюю *al* (*valt*); слѣдов. *al* изъ *ле* можетъ быть или развитіемъ *ol*, на каковой ступени современный словенскій языкъ, или *al*—формы старословенскаго языка, болгарскаго. Но принимая во вниманіе, что и словенская форма *ol* — *ле* пошла изъ глухой *al*; что современный болгарскій знаетъ постоянную мѣру *в*—*а* въ сочетаніяхъ съ плавными *l*, *r*: *дълбок*, *галбок*—*карчма*—*карчма*; что и слова сочетанія *ло* на почвѣ дакославянскаго языка должны были измѣнить это сочетаніе на *al* чрезъ промежуточную форму *al*—справедливо полагать, что *al* въ *kalnet* развилось изъ *al*, и эта форма развилась изъ сочетанія *le* извѣстнымъ путемъ позднѣйшей чешской и югославянской паразитной вокализации плавныхъ сочетаній: *l*, *r* + *vos*. Если *al* въ *kalnet* есть фактъ развитія въ языкѣ паразитной вокализации сочетанія плавныхъ съ вокаломъ—*а* это необходимо, то, принявъ во вниманіе и аналогію словенскаго и сербскаго языковъ, и форму *al* въ *saltze* (т. е. *saltza*) слѣдуетъ понимать, какъ вариацию основной формы *le* чрезъ промежуточную форму *al*, т. е. *saltze* изъ *sleza*. И дѣйствительно, помимо *saltze*, языкъ знаетъ форму *blaße* (*Mikl.* ор. с. словарь) = *слаза*, *слеза*.

10.

Мы видѣли, что слова сочетаній *ол* и *ло* на почвѣ болгарскаго языка перепутались: категорія словъ *ол* переходитъ въ категорію словъ *ло* и наоборотъ; оба сочетанія даютъ рядъ однихъ и тѣхъ же формъ, знакомыхъ намъ и изъ другихъ языковъ, причемъ эти формы повторяются и въ словахъ соч. *ел*. Причину этого разнообразія формъ, причину нарушенія вокализации старины мы видѣли въ раннемъ и широкомъ развитіи па-

разитной вокализации при *л*, *р*, при раннем забвеніи раздѣльности вокальныхъ элементовъ языка. Естественно ожидать, что тоже многообразіе формъ предложитъ языкъ и въ словахъ сочетанія *ле*, такъ какъ мы видѣли, что формы каждаго изъ разсмотрѣнныхъ плавныхъ сочетаній *лз* въ данномъ языкѣ зависятъ отъ того общаго взгляда, который усвоенъ языкомъ по отношенію къ нимъ: несмѣшиваемость въ русскомъ, преобладаніе глухой формы въ чешскомъ, формы *ол* въ словенскомъ, *у* въ сербскомъ.

Осн. блю: «изблюва трева зелена» (*Верк.* 65).

поблвано (*Милад.* № 348). изблвала (*Безс.* II. 4.5).

блю: *исклва'а* (*Милад.* № 668). *квлает* (*Верк.* 332).

кля: *кълнеше* (*Мил.* № 104. ср. № 170. 193. 194.

199 и др. *Верк.* 29. *Dozon* 34 и др. *Безсон.* II. 20. 52 и др.)

колни (*Мил.* № 169. ср. 292 и др. *Верк.* 245. 298. 359. 360).

плю: *плюнам.* *поплювана* (*Мил.* № 173. 348).

слева: *сльзи* (*Пам. нар. слав. въ «Изв. Ак. Н.»* 1852. отд. отт. р. 20).

свдзе, *зи* (*Мил.* № 96. 106. 108. 110 и др. *Верк.* 12. 16 и др. *Dozon.* *свдза.* *свци.* 45. 125. *Безс.* I. 99. II. 2. 39 и др.).

солдзи, (*Мил.* № 158. 171. 229 и др. *Верк.* *солзе* 306. 342. 354).

суза (*Верк.* въ Македоніи). *свза* (*Dozon* въ Макед).

Так. обр., сочетанію *ле*—*лз* отвѣчаютъ формы: *лю*, *ль*, *зл*, *ол*, *у*, *в*. Наиболѣе обычные формы *зл*, *ол*. Приведа на память известное отношеніе языка ко всякому сочетанію *л + voc.*, не трудно опредѣлить внутреннюю связь, зависимость одной формы отъ другой.

Этимологическое сочетаніе *ле* хранится языкомъ въ основахъ: блю. *плю*, съ обычнымъ измѣненіемъ слога *ев* на *юв*, *юв*. Но въ другихъ двухъ основахъ—*клю*. *кля*, языкъ отступаетъ отъ перваго пути, его вокализация отъ русской, но въ силу развитія столь любимаго языкомъ паразитнаго вокализма: осн. *клю* получаетъ форму *кэле*, *кля* — *кэлм*; тѣмъ не менѣе форма *зл*, какъ развитіе основной *ле*, сводится

къ этой послѣдней. Но глухой *з* постоянно въ живой рѣчи переходитъ *о*, то въ *а*: *злбок*, *золбок*, *далбокз*; отсюда и форма *ол* сводится къ *ал* и затѣмъ къ *ле*. Но *л* легко переходитъ въ *у*; отсюда переходъ формы *ол* въ *у* тѣмъ способомъ, какой былъ указанъ для словенскаго и сербскаго.

Но если форма *ал—ол* въ *кълнем*, *колнем* и др. сводится къ формѣ *ле*, какъ своей основѣ, то, имѣя въ виду указанія другихъ нарѣчій, не слѣдуетъ-ли форму *ал—ол* въ *слза*, *солза* вести отъ того-же сочетанія *ле*? Форма *ль* въ *слзи* не можетъ быть разсматриваема, какъ указатель послѣдовательности *ле* въ языкѣ для слова *слза*, такъ какъ глухой звукъ могъ быть перенесенъ изъ-за *л*. Рѣшающее значеніе могутъ имѣть лишь указанія стараго языка.

слза въ бон. пс. (*Mikl. Lex. s. v.*). *Ѡслезз* (пост. тріудъ въ Бѣлградѣ XII в. 139 в ср. мой тр. «отчетъ»), при *слззми* (4 в и др.). *пролеи слъзи* (съ удареніемъ надъ *ь*), *слъзи* нечерпане (сборникъ простонар. поученій XVI в. ун. рук. Григоровича. № 63 f. 95 в. 237 а). Эти примѣры, хотя и рѣдкія, но изъ памятниковъ таковаго далекаго времени — какъ вѣкъ бонон. псалтыри, подтверждаютъ нашъ выводъ изъ аналогіи отношеній формъ *ол*, *ал—ле* въ *кълнем*, изъ указаній другихъ славянскихъ нарѣчій, что форма *ол* и въ *солза* сводится на основную *ле*, т. е. *солза* на *слза* (Ср. въ сборн. XVIII в.: *слаза* при *слъза* Starine VI. 47. 44. 48).

Обычное правописаніе памятниковъ болгарскихъ и старословенскихъ болгарской редакціи — *лз*, *лъ*: *слза*, *слъза*. Какъ читать? Въ виду указанной «описки» бононской псалтыри, необходимо извѣстное количество *лз* понимать адекватнымъ сочетанію *ле*; но начертаніе *лз* своимъ *з* указываетъ, что оно = *зл*, т. е. обычной современной формѣ. На это чтеніе *лз* ясно указываетъ рук. XVII в. Григоровича въ библ. новорос. университета (№ 65): «а ноція щѣтъ да слъшать *бѣл'сак'* и грѣмеж» (178 в). *бѣл'сакъ* (187 а).

Въ сборникѣ XVIII в., что въ загреб. «Старинахъ», встрѣчается еще форма *ал*: да те *прокальне* (р. 44): очевидно, от-

ношеніе *кальне* въ *кълне* такое же, какое между: *гълбок* и *далбок*, *огън* — *оган*, *карчма* — *карчма* и др.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о формѣ *я* въ *сваза* (въ Македоніи). Она или изъ простаго выпущенія *л* послѣ *я*, какъ *сонце*, *свнце* изъ *солнце*, *свнце*, или затененная форма *у* въ *суза*. Переводъ вокала въ глухой—любимый оборотъ языка: «Токъ те личе за *квдзна*»: (Мил. № 176). «вѣдъ летаят два *гьлаба*» (ib. № 179), извѣстный уже съ далекаго времени «*сѣмь* Ісоусъ рече» (берл. сб. XIII в. «*Starine*» V 90). *множици. дрвжвѣл* (Ламаанскій «О нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Вѣлградѣ и пр.» р. 22).

11.

Мы видѣли, что словенскій языкъ, помимо словъ этимологическаго сочетанія *ле*, какъ *bljovati*, въ словахъ формы *ol* предполагаетъ и имѣетъ основѣ этой формы сочетание *le*: *solsa* изъ *slega*, а послѣдняя форма и теперь въ долинѣ Зили: *stojza*, хотя уже въ X ст., если полагаться на правописаніе нѣмецкаго писца фрейзингенскихъ отрывковъ¹⁾, языкъ для этого слова имѣлъ уже вокализацию глухой формы *sl*. Многообразныя формы болгарскаго языка объясняются также въ смыслѣ историческихъ вариаций основнаго сочет. *ле*. Но оба языка притязаютъ на наслѣдіе старословенскаго языка; соблазнительно потому думать, что и въ этомъ послѣднемъ форма *лз*, но чаще *лъ*, на мѣстѣ русск. соч. *ле*, сводится на вокализацию русскаго языка: форма *лз*, *лъ* если не тождественна *ле*, то, по крайней мѣрѣ, вариация ея.

Правописаніе памятниковъ двойтся: то *лз*, то *лъ*, но съ преобладаніемъ начертанія *лъ* иногда въ одномъ и томъ же памятникѣ: *блевать* — *блѣвати* (въ болѣе позднихъ *бловати*).

¹⁾ Что писецъ былъ нѣмецъ—см. интересную замѣтку Braune «Die alt-slovenischen Freisinger denkmäler in ihrem verhältnisse zur althochdeutschen orthographie» въ «Beiträge zur gesch. d. deut. sprache u. liter.» (I band. Halle. 1874. 527—535)

блескъ—*блъскъ*, *блескъ* (въ рукописи Григорія Назіанзина *блцу*).
клевать — *кльвати* (въ позднѣйшихъ пам.) *клену* — *кльнж*
 (только съ начертаніемъ *ль*). *плевать*—*пльвати*, *пльнж* (только
 съ нач. *ль*). *слеза*—*сльза* (*зльза*), *слъза* (обѣ формы въ супр.
 рук.).

Какъ читать эти слова? Обусловливается-ли какимъ нибудь разумнымъ основаніемъ употребленіе одного начертанія *ль* въ извѣстныхъ словахъ и смѣшанное употребленіе — то *ль*, то *лз* въ другихъ? Для вокалистовъ разница не должна существовать: и *лз*, и *ль* означаютъ одну величину—«вокаль» *l*. Миклошичъ въ своемъ знаменитомъ словарѣ изгналъ *ь* изъ словъ сочетанія «вокала» *г*: *чрънъ*, но для словъ рус. сочетанія *ле* удержалъ одно правописаніе—*ль*, за исключеніемъ *слъза*, что, по моему мнѣнію, составляетъ непоследовательность: по его теоріи *кльнж* = *кlnж*— съ «вокаломъ» *l* напр. чешскаго языка; онъ противъ всякихъ справокъ съ русскимъ языкомъ; въ произношеніи *ль* въ *кльнж* не должно было отличаться отъ *лз* въ *елькъ* (при *елькъ*). Вокалистъ Ягичъ готовъ, наоборотъ, изгнать *з* въ *елькъ* (см. его первый этюдъ по языку зоограф. евангелія въ первомъ выпускѣ его журнала «Archiv I.»); съ другой стороны, полагаетъ, что качественная разница между начертаніями *рж* и *рь* можетъ быть опредѣлена разницей произношенія слова напр. *царь* въ русскомъ языкѣ и *цар* въ сербскомъ (ib. p. 380, критика Шмидта). Но что значить строить теоріи, ограничиваясь однимъ старословенскимъ языкомъ, и пренебрегать естественной точкой отправленія, которую предлагаютъ *живые* славянскіе языки—мнѣ достаточно указать на поочередное употребленіе начертаній *лз*, *ль*, *ле* *въ одномъ и томъ же словѣ одного и того же памятника*, и такого, какъ влоціева глаголита: *несъмзисльнъ* (Кор. 123). «*бѣ несъмзисленъ* овѣ *съмзисльнъ*» (ib. 325). Какъ-же читалъ это слово писецъ рукописи? Если нѣтъ такихъ вѣскихъ «описокъ», какъ *ле*, гаданія о различіи *лз* и *ль* останутся гаданіями.

По моему разумѣнію, не безъ основанія древнѣйшіе памятники имѣютъ для извѣстныхъ словъ одно *ль*, при чемъ качественное значеніе этого *ль* опредѣляютъ сами памятники, просто и

лено; двойное правописание лз и ль может имѣть свое объясненіе, хотя не будетъ грѣхомъ, если этимъ двойнымъ правописаниемъ мы вовсе не станемъ смущаться, имѣя передъ глазами формы изображенія прил. *несмыслена* въ клоціевой глаголитѣ.

Это основаніе—что писцы и ль въ *блвати*, *кльвати*, *кльнѣ*, *пльвати* читали *по-русски*, понимали его, какъ *вторую* форму для изображенія слога ле.

1) Мы имѣемъ классическое мѣсто въ клоціевой глаголитѣ: *прокльнше* (Кор. 107. Срезн. 169); слѣд. основа *кльн* рукописей = *клен* живой рѣчи.

2) Это значеніе начертанія ль въ *кльн* подтверждается указаннымъ выше правописаниемъ прил. *несмыслена*. Мало того, правопис. этого послѣд. слова показываетъ, что еслибы начертаніе ль мѣнялось отъ лз въ основѣ *кльн* (какъ это въ рукописяхъ болгарской редакціи), то и эта мѣна ничего не могла бы сказать противъ качественного значенія ль, определяемаго «опиской» — *прокльнше*.

3) Этимологія основъ: *блв* — *блю*, *кльв* — *клю*, *пльв* — *плю*. При ль = *ле* понятна напр. форма *блввати*: *люв* изъ *лев*. Что ь есть секундарная форма для изображенія звука е, свидѣтельствуютъ выраженія: *день* (gl. sloz. 643), *денз*—*денет* (авв.), *иужь*, т. е. *иже* (зоогр. ев. Срезн. Гл. пам. 150) и др. Для *кля*, *кльн* = *клен* ср. *еръма* — *еръмене*.

4) Отношеніе старословенскаго языка къ словенскому или болгарскому (безразлично). Болгарская форма *вл*, *ол* вм. *ле* есть фактъ болѣе новой исторической жизни языка.

Обратимся къ двойному правописанію: ль, лз для одного и того же слова. Оно въ *блвкз* и *слвза*. Если принять во вниманіе выраженіе *слзна* фрейз. отрывковъ, выдержанность правописанія ль въ древнѣйшихъ памятникахъ тогда, когда это ль = *ле*, общее употребленіе въ школахъ болгарской и сербской обихъ начертаній — *з* и *ь* для выраженія глухой формы планнаго сочетанія: *зл*, *зр*; то мѣна начертаній ль и лз въ словахъ: *блвкз* и *слвза* можетъ быть объяснена изъ предположенія, что въ этихъ словахъ языкъ зналъ глухую форму *зл* и только

изображалъ ее *ль*, *лз*. Вотъ почему Миклошичъ болѣе частую форму *слъза* въ супр. рук. принесъ въ жертву болѣе рѣдкой въ той же рукописи — *слъза*.

Но нельзя ли и начертаніе *слъза* читать по русски — *слеза*?

1) Двойное употребленіе *ль* и *лз* не можетъ говорить противъ: ср. *несамзисльнз*, — *слнз*, — *слнз* влоц. глаголиты; помимо этого, въ влоц. глаг. не только *ь*, но и *з* = *е*: *честь* 25. *честь* 31. *нечстье* 137. *чьсть* 439. *нечствз* 658. (по изданію Копитара).

2) Супр. рукопись знаетъ чаще *ль слъза*, чѣмъ *лз*.

3) Въ бонон. пс. *слеза*.

4) Помимо того, что форма *solza* изъ *szlza* сводится на *slеза*, въ мѣстныхъ говорахъ словенскій языкъ и теперь не забылъ сочетаніе *ле* въ этомъ словѣ: ср. *зильское slojza*.

Въ силу этихъ обстоятельствъ я *слъза* читаю: *слеза*, какъ *несамзисльнз* читаю *несамзисленз*, *чьсть* — *честь*.

Остается слово *бльскъ*. Заблуждался-ли нашъ великій учитель, когда въ свой «Словарь церковно-славянскаго языка», вышедшій въ 1858 году, внесъ реченія: *блескъ блештати*?

1) Усиленная форма той-же основы — *бльскъ*, при отсутствіи формы *болоскъ* въ русскомъ языкѣ и при обычномъ возвышеніи *е* въ *ь* (*рек* — *рък*) говоритъ, что ф. *бльскъ* есть условное выраженіе формы *блескъ*, какъ *кльн* — *клен*.

2) Второе усиленіе той же основы — *блштати* сводится къ формѣ *блескъ*, какъ своей основѣ: *рицати*, осн. *рек*; *порибати* — *греб*.

3) Примѣръ другихъ славян. нарѣчій, сводящихъ свои формы основы *блескъ* къ ея русской вокализациі, при извѣстномъ отношеніи *ь* и *е* на почвѣ самаго старословенскаго языка.

Так. обр., по нашему крайнему разумѣнію, чтеніе старословенскихъ памятниковъ, что касается словъ семьи *ле* — *лз*, *ль*, имѣетъ быть восстановлено по непосредственному указанію русскаго языка. Какъ ни дико подобное требованіе, но оно требованіе чистой славянской науки и находится въ полной гармоніи и съ пониманіемъ словъ семьи *крвъ* — *кровь*, *крвств* —

креста, гдѣ русская вокализация тождественна старословенской, какъ увидимъ позже. А уже прежде было показано, что подобное-же возстановленіе смысла старословенскаго языка на основаніи русскаго языка слѣдуетъ допустить и для словъ семей: лз — ол, лз — ел.

Окончивъ славянское путешествіе и для опредѣленія сочетанія *ле* — лз, ль въ русскомъ языкѣ, мы необходимо приходимъ къ убѣжденію, что всѣ славянскія нарѣчія различаютъ, или различали, вокализации словъ семьи *ел* — лз и семьи *ле* — лз и такъ, какъ это различіе существуетъ въ области русскаго языка, въ теченіи всей его исторической жизни: его вокализация сочетанія лз, ль — *ле* есть *основная*, всѣ уклоненія отъ нея не болѣе какъ историческіе варианты. Каждое изъ славянскихъ нарѣчій, живыхъ и мертвыхъ, съ точки зрѣнія сочетанія *ле*—лз, какъ и съ точекъ зрѣнія первыхъ трехъ формъ сочетаній лз, варьируетъ русскій языкъ; но одно, въ своей жизни, было болѣе консервативно, другое менѣе; одно ближе къ русскому языку, какъ къ своему типу, другое дальше, и только этимъ опредѣляется взаимное отношеніе славянскихъ нарѣчій, опредѣляется основаніе для систематизаціи ихъ.

Обратимся теперь къ родственнымъ языкамъ для провѣрки значенія русской вокализации сочетанія лз въ словахъ семьи *слега*.

Немного словъ семьи *ле* — лз, тѣмъ скуднѣе указанія родственныхъ языковъ.

блевать. Полагаю, одного корня съ *плевать*. Для Боппа (Gloss. compar. II 259 b), *плевать* одного корня съ *плову*, и оба слова онъ относитъ къ общему санскр. корню *plu*; въ греч. πλό-νω, πλέω-σομαι, φλόω, βλόω. Но слишкомъ очевидная разница въ значеніи, *l* уже въ греческомъ = *λ* въ *плову*, не позволяетъ отождествлять основъ какъ *плев* и *плов*. Слов. основа *плев*, *плю* является въ баварскомъ *spreuzen* (*Zehetmayr* Lex. compar. s. v. *spruo*), гот. *spévan*, лат. *spruo*. гр. πλόω изъ σπλόω.

Это сравненіе показываетъ, что *л* въ основѣ *плеа*, *плю* можетъ быть понято, какъ элементъ, связанный тѣспѣйшимъ образомъ съ *п*, не отдѣлимый отъ него, какъ знакъ смягченія *п* предъ іотованнымъ кореннымъ *у*—*ев*, а *пл* есть славянская вариация основнаго *п* въ *spuere*. Слѣд. и съ точки зрѣнія родственныхъ языковъ русская вокализация основы *плеа*, *плю*—первичная, но не ранѣе обособленія предковъ нынѣшнихъ славянъ въ отдѣльную этнографическую вѣтвь.

блескъ. Боппъ относитъ къ санскр. кор. *bhrāgh* *lucere*, *splendere*. лит. *blizgu*. герм. *blic*, *blich*, теперь *Blitz*. *blanch* *candidus*. гр. φλέγω (Glos. comp. II 280 b). лат. *splendere*? Вторая форма этого корня на почвѣ славянской — *брез*: въ рус. *брежжется*. Другія слав. нарѣчія съ тѣмъ же вокаломъ *е* или съ подъемомъ *е* въ *ь*: ст. чеш. *w zabbrziezk* = *diliculo* (р. glos. XIII в. f. 72 a). пол. *brzazg*; отношеніе возвышенной основы къ первичной — *брез* то же, что отношеніе формы *блѣскъ* къ *блескъ*. Любопытно, что въ словарѣ Миклошича подъ *брѣзъ* помѣчено: «cf. *блеснѣти*»; но напрасно послѣднее слово — *блеснѣти* — мы бы искали въ его словарѣ. Дѣлая эту ссылку, авторъ сдѣлалъ *larsus mentis* и выдалъ себя — онъ въ душѣ не могъ не признать, что въ русской формѣ *блескъ* хранится первичная вокализация корня *bhrāgh* блестять, разсвѣтать — на почвѣ славянской.

клевать. Для этого слова Фибъ выставляетъ общій литовско-славянскій корень *klu* въ значеніи *ein*, *anhaken*, лит. *kliuv-u*, *klu-ti*; латш. *klautis*, *kluvu*. нѣм. *hlu*—*t*; лат. *claudere*, *clāvus*, *clavis* = *ключь*. гр. κλειω основа κλειF. (Wörterbuch II³ 543. Curtius Grundzüge p. 149. Курціусъ относитъ сюда и нѣм. *schliessen*, старое *sluuz-u*).

клен-у, влати. *per-klantit* (проблинять). *klantemai* (клянemъ. *Nesselm. Thesaurus* 73).

слеза. Сравненія нерѣшительныя: лит. *asara*. санск. *asru* — корень *ак* = рус. *ос* въ *ось*, *ос-т-рѣ* (Curtius op. c. p. 133).

Так. обр., и данныя изъ сравненія словъ рус. семьи *ле* — *лз* съ языками родственными говорятъ ясно и положительно за русскую вокализацию этихъ словъ, какъ первично-славянскую. Основа слова *слеза* внѣ сравненія.

ГЛАВА V.

Заключеніе перваго отдѣла.

Мы окончили первый отдѣлъ, первую главную часть нашего труда—разсмотрѣли русскую вокализацию старословенскаго сочетанія лз (изрѣдка лъ) межъ консонантовъ въ словахъ четырехъ русскихъ семей: *волкъ*—*блоха*, *желтъ*—*злѣза*, какъ одинъ изъ моментовъ, которые имѣютъ серьезное значеніе для установленія внутренней связи языковъ славянскаго семейства. Въ интересѣ точнаго отправленія для систематизаціи славянскихъ языковъ, мы разсмотрѣли каждую изъ семей: *ол*—*ло*, *ел*—*ле*, съ точки зрѣнія каждаго изъ славянскихъ нарѣчій, живыхъ и мертвыхъ, въ историческомъ развитіи каждаго изъ нихъ и діалектической мѣняемости.

Мы нашли, что хотя каждое изъ четырехъ русскихъ формъ сочетанія лз встрѣчаетъ массу формъ въ области каждаго изъ введенныхъ въ сравненіе нарѣчій, и въ одномъ больше, въ другомъ меньше, и что отношеніе потому между русскимъ языкомъ и даннымъ славянскимъ весьма неясное, связь весьма не чувствительная: но тѣмъ не менѣе вся эта пестрота, многообразіе формъ, принявъ во вниманіе исторію каждаго нарѣчія и его дифференцированье по говорамъ, сводится на простоту вокализациі русскаго языка, сводится къ данной русской формѣ, какъ къ своей основѣ, первоисточнику. Каждое изъ нарѣчій знаетъ, или знавало, тѣ-же четыре русскія формы: *ол*—*ло*, *ел*—*ле*, съ тою же русской вокализацией, качествомъ вокала. Встрѣчаемое многообразіе формъ въ области даннаго нарѣчія есть результатъ его особой исторической жизни, историческая варіація основной русской формы на пространствѣ ряда вѣковъ. Въ одномъ нарѣчій эта ти-

пичная форма просовывается яснѣе изъ-за груди новыхъ историческихкихъ и діалектическихкихъ образованій, въ другомъ—она въ туманѣ глубокой старины или мѣстной рѣчи и только съ трудомъ даетъ себя, такъ сказать, ухватить. Гдѣ основная форма яснѣе—нарѣчіе болѣе консервативно, менѣе подверглось исторической ломкѣ, слабѣе работала инстинктъ индивидуализаціи, и наоборотъ.

Тотъ или другой путь исторической жизни даннаго нарѣчія, обусловившій его болѣшую или меньшую родственность къ русскому языку, зависѣлъ отъ обстоятельствъ, самыхъ разнообразныхъ.

Природа плавнаго *l*, наравнѣ съ плавн. *r*, разрушительно дѣйствующаго на сосѣдніе вокалы и создающаго новую вокализацию слова; раннее забвеніе исконной отдѣльности каждаго вокала въ языкѣ (болгарскій языкъ и вообще вѣтвь юго-славянская, на западѣ чехи)—фактъ историко-физиологическій; уравненіе $z = o$ $ь = e$; характеръ глухаго звука, свободно переходящаго то въ тотъ, то въ другой гласный звукъ; привычка быстро произносить извѣстные звуки и ихъ соединенія, и особенно при плавныхъ, какъ и вообще стремленіе языка къ возможно болѣшему удобству въ выговорѣ; аналогія или атракція звуковыхъ формъ подъ одинъ знаменатель; удареніе—или усиливающее коренной вокаль, или приносящее его въ жертву новому вокализму (*клен*—*калн* чрезъ *калн*); лѣнь ($l = u$); асимилация—вотъ главнымъ образомъ тѣ обстоятельства, которыя, различно распредѣлившись между славянскими нарѣчіями за межою русскаго языка, опредѣлили, сообразно способу своего размѣщенія, какъ отношенія нарѣчій между собой, такъ и отношеніе каждаго изъ нихъ, или какой либо группы ихъ, къ русскому языку.

Перехода къ болѣе частнымъ результатамъ, мы видимъ, что теорія *вокальнаго l* есть фикція, основанная на субъективномъ пониманіи исторіи языка, фазисовъ его развитія, на неточной оцѣнкѣ фактовъ; что чешскій языкъ имѣетъ быть снятъ съ тѣхъ ходулей на которыя его поставили вокалисты, да и самъ старословенскій языкъ—излюбленное дѣтище сравнительной грамматики—съ точки зрѣнія плавныхъ сочетаній *конс.* + *лз* (*ь*) + *конс.*

не может и — потому не долженъ притязать на значеніе типа славянскихъ языковъ; онъ необходимо уступаетъ первое мѣсто языку русскому, хранителю славянской протнической старины — изъ эпохи до развитія славянскаго языка, какъ отдѣльной особи въ семьѣ индоевропейской, въ нарѣчія, въ теченіе не одного тысячелѣтія.

Примѣняя настоящіе выводы къ вопросу о классификаціи славянскихъ нарѣчій, въ цѣломъ ихъ составѣ, очевидно, всякая попытка выводить одно нарѣчіе изъ другаго и такимъ путемъ — путемъ родословнаго древа — устанавливать порядокъ ихъ, взаимныя отношенія — противурѣчить понятію развитія, историческаго движенія языка по направленію отъ протническаго безразличія къ діалектическому разнообразію, или дифференцированію. Возможна одна установка — группировка по мѣрѣ консервативности, т. е. по мѣрѣ приближенія каждаго изъ славянскихъ нарѣчій къ русскому языку — на нарѣчія болѣе русскія и на нарѣчія менѣе русскія. Изъ предыдущаго само собою понятно, что одни отношенія сегодня, другія въ историческомъ прошломъ, и одни въ болѣе близкомъ прошломъ, другія въ болѣе далекомъ.

На единственную возможность и потому необходимость подобной исторической группировки славянскихъ нарѣчій указали и рассмотрѣнные нами выше (вмѣсто введенія) моменты современнаго различія и сходства славянскихъ нарѣчій: судьбы *z*, судьбы сочетаній *tl*, *dl*; *tn*, *dn*; *tj*, *dj*, *l epentheticum*.

Это значитъ, первые выводы подтверждаются послѣдними, и наоборотъ.

Славянскія нарѣчія представляли нѣкогда одну массу, характеръ которой сохраненіе всего донесся въ языкѣ того народа, который остался сиднемъ сидѣть на «черной» прародинѣ славянства, который на разстояніи многихъ вѣковъ блюлъ свято дѣдину и отчину славянъ, «искони обитателей страны, доселѣ ихъносящей и питающей» — народа русскаго. Съ теченіемъ времени, но одновременно, на разныхъ точкахъ нѣкогдашней области единаго славянскаго языка, независимо въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ, стали показываться, сначала легкія, потомъ болѣе зна-

чительныя уклоненія отъ старинны, нормы, — старое единство постепенно разрушалось, по мѣрѣ того какъ эти историческія уклоненія развивались, пока наконецъ они не развились до значенія признаковъ отдѣльнаго языка, и послѣднимъ результатомъ діалектическаго инстинкта было образованіе славянскихъ нарѣчій въ томъ видѣ, какъ ихъ знаетъ исторія и современная этнографія.

Дополнение къ стр. 48.

Jeune
partage	{	1) <i>dzoune</i>	{	dans le patois de l'arrondissement
de Châlons sur Marne.
		<i>partadze</i>		
		2) <i>Zeune</i>	{	patois du département de la Nièvre,
		<i>partaize</i>		
		3) <i>tzoïné</i>	{	patois de Sarlat (départ. de la Dordogne).
		<i>portatzé</i>		
		4) <i>dzone</i>	{	patois du Puy de Dôme.
<i>partadze</i>				
5) <i>dzouïné</i>	{	patois d'Avignon.		
<i>partadzé</i>				
6) <i>dzuèné</i>	{	patois de la Drôme.		
<i>portadzé</i>				
7) <i>dzouvenou</i>	{	(Suisse) sur la rive orientale du
lac de Neuchâtel.		
<i>partadze</i>				

(Изъ книги *Cocheris* «Origine et formation de la langue française». Обязательно сообщилъ, по моей просьбѣ, пр. А. Шапеллонъ).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	I—IV.
Вѣсто введенія	
Глава I. Размѣщеніе членовъ арійской семьи.	1— 13.
Глава II. Размѣщеніе членовъ славянской семьи.	14— 27.
Глава III. Судьбы χ и сочетаній $i, d + j$, какъ основа классификаціи	28— 67.
Вступительное слово	69— 74.
Плавныя сочетанія: конс. + л + χ — ъ + конс.	75—222.
Глава I. Последовательность $ол$ — $л\chi$	75—162.
Глава II. Последовательность $ло$ — $л\chi$	163—185.
Глава III. Последовательность $ел$ — $л\chi$	186—198.
Глава IV. Последовательность $ле$ — $л\chi$	199—218.
Глава V. Заключеніе перваго отдѣла	219—222.
Дополненіе	223.

50082

3 2044 013 659 933

